

Майский день

Знать не наверняка

На некогда вампирских землях теперь хозяйничают люди. Младшему отпрыску знатного семейства пришлось пойти в театр, чтобы заработать на банку сцеженной крови. Жизнь и без того нелегка, а тут ещё как бывшие враги, так и недавние союзники начинают проявлять к скромному актёру пристальный интерес.

Глава 1

Движение на улице стало. Наверху продолжали беззаботно порхать счастливые обладатели авиеток, а здесь, на тверди, завязли друг в друге машины. Разумное движение вперёд сменилось мучительными судорогами на одном месте. Ну да, следовало предвидеть неурядицу и получше проवेशить маршрут, но я замечтался и рванул наугад. Не угадал.

Я оглядел мельком соседей по неприятности. Справа человеческое семейство недовольно надувало губы. Папенька, маменька и девочка-подросток. Хорошо одетые в дорогой просторной машине, сердитые тем, что у других идиотов тоже имеется транспорт, который мешает проехать венцу творения. Слева оборотень, застыл скульптурой за рулём. Старый, битый жизнью и седой уже, так что не определишь сходу, волчара он или какой-нибудь крупный кот.

Мы с ним обменялись неприязненными взглядами и на этом успокоились. Мир и дружба же теперь. Толерантность. Только не для всех.

Человек-мужчина, закончив возмущённую тираду по элитной верхней связи, снисходительно глянул на мою машину, затем на меня и прикипел презрительным взором к предосудительной причёске, губы брезгливо оттопырились. Женщина посмотрела надменно, но не без смутного интереса. Девчонка откровенно пялилась, дёргаясь под музыку в наушниках.

Это были современные люди: сытые и гладкие. Унылый продукт урбанизированного человечества. Я сделал вид, что не замечаю ни презрения самца, ни хищного интереса самок. Всё равно мне, или как теперь говорят: пофигу.

Хотя признаться, горло саднило от тайной грусти. В былые времена, когда я ездил в собственной карете, не приходилось терпеть соседство непонятно кого и уныло стоять на дороге, дожидаясь возможности двинуться дальше. Злые кони несли меня к замку, и чернь убиралась с пути, роняя шапки. Вампиры были хозяевами в собственных землях, а люди служили нам и неплохо устраивались под покровительством бессмертных.

Однажды, правда, они сочли, что могут справиться сами, начали вращать колёса этого самого прогресса, который и довёл мир до забитых расплодившимся человечеством городов. Раньше крупные поселения служили узлами дорог, помогали связывать провинции, теперь они превратились в самодовольные и почти самодостаточные коросты на честном теле земли.

Я строго смотрел прямо перед собой, чтобы люди отвяли, не беспокоили ни себя, ни меня, ни других, но их любопытство, подогретое бездельем, простёрлось до разговора, точнее, обмена мнениями. Приглушить голоса они не пытались, хотя я различил бы и шёпот.

«Какой надменный вампир, ездит на ржавой калоше, а смотрит на всех как будто он тут главный» — «Много им воли дали, пусть спасибо скажут, что не в резервации живут!» — «Худой вон, не идёт видно в пользу кровушка человечья» — «Бесполезные они, зачем только Правитель их вообще терпит?»

И так далее. До боли знакомая, многократно повторяемая песня. Женщина поддакивала своему самцу, но я ощущал на себе скорее голодный, чем презрительный взгляд. Девчонка пялилась молча, хотя в её возрасте щебечут обычно без передышки. Не иначе считала предков малоподходящей для изъяснения чувств аудиторией.

Я делал вид, что ничего не слышу, но у оборотней уши почти такие же чуткие, как наши,

а все три машины стояли едва не вплотную. Седой кривовато ухмыльнулся, не показывая клыков. А потом древним знаковым жестом провёл кончиками пальцев по щеке. Тупые короткие когти не прятались в подушечки, значит, волк. Я ответно, раскрыв ладонь наружу, коснулся тыльной стороной губ.

Мы поняли друг друга и отчасти оценили. Когда-то в давние времена оборотни были самыми непримиримыми нашими врагами. Собачились мы с ними почти непрерывно, то выясняя какие-то противоречия, то оттяпывая друг у друга крайние земли. Враг и волк были синонимами. Странно, что по наступлении человеческой эры, именно псовые полулюди взяли нашу сторону и не позволили остальным расам расправиться с теми, кто имел такое же право на жизнь, как и все прочие.

Вполне возможно, что когда-то мы сходились с этим седым на поле непримиримой брани, но сейчас он выразил солидарность мне, а не людям. Более того, наверняка заметив, что я взволнован, он дал шанс выбраться из неприятной ситуации.

Вся колонна немного сдвинулась, причём люди, зазевавшись на меня, отстали, схлопотав возмущённый вой других водителей. Слева открылся гостеприимный зев двора, и волк тотчас свернул туда. Его старенький, но солидный автомобиль занимал как раз столько места в строю, чтобы моё микро смогло изловчиться и скользнуть следом. Я с большим облегчением въехал за оборотнем в тесное пространство между домами.

Мы припарковались рядом возле решётки унылого садика, и я выскочил на вольный воздух.

— Спасибо, волк! Рад бы испробовать твою силу в честном поединке, но очень спешу.

— Да понял, — ухмыльнулся он. — Наперегонки?

— Мне в чиновничий дом.

— А мне в другую сторону. Ещё встретимся, вампир!

— Непременно!

И я пустился бегом. Не то чтобы опаздывал, но время поджимало. К счастью оборотень торопился в иные пределы, а то пришлось бы мне сдерживать шаг, чтобы не задеть его седин.

У этого народа верхом неучтивости считается признавать соплеменника старым и дряхлым, потому предложить единоборство — значит проявить уважение. Ветеран, конечно откажется, шутливо помянув, что не дело матёрому валандаться с малышнёй, но учтивость оценит. Мы, вампиры, хорошо знали обычаи старых врагов, не иначе поэтому и помириться с ними удалось довольно быстро. Два народа издавна понимали нужды друг друга, умели как качественно оскорбить, так и отвесить положенную долю почтения.

Пробиваясь к цели большей частью дворами и прочими малолюдными местами, я развил приличную скорость, только попадая в уличные потоки притормаживал, чтобы не слишком выделяться среди прочих жителей теперь уже не нашего государства.

Вампир, в принципе, может выглядеть совершенно как человек. Мы умеем полностью себя контролировать, втягивать клыки и когти, ходить с людской неуклюжестью, многие так и поступали, избегая осуждающих взглядов, но мне не то гордыня мешала, не то спесь — маленькое такое упрямство, и я не скрывал ни природы, ни породы.

Семья наша была из знатных и, хотя на мою долю титула не хватило, поскольку был младшим, четвёртым по счёту, сыном, но дворянства за это не лишают. Отец, отпуская меня в самостоятельную жизнь, выделить смог немного, но я справлялся, стараясь рачительно распорядиться полученным добром и преумножил его в течении немногих лет. Земли до сих

пор мне принадлежали, но поскольку доход с них примерно равнялся налогу, которым давила нас чужая власть, то приносили больше проблем, чем прибыли.

Когда люди берутся распространять по миру свой прогресс, сидеть в замке дело грустное, да и не сытое. Пришлось мне отправиться в город — искать работу.

Обрести желаемое оказалось не так-то просто: мало кто стремился взять на службу кровососа. Поначалу я довольствовался тяжёлым физическим трудом, которого в ту пору хватало ещё с избытком, а потом попал в театр. Слегка сумасшедшие обитатели этого странного места меньше других заморачивались моей породой. Обнаружилось, что я с лёгкостью могу завести публику. На дамочек глубокий рокошущий баритон действовал вообще неотразимо. Я мог по надобности петь, танцевать, и соглашался играть любую роль, лишь бы только её давали.

Внешность моя опять же пришлась как никогда ко двору. Высокий рост, наработанные мечами плечи в иных амплуа смотрелись выгодно. Я не отличался современной упитанностью, был по-старому поджар и жилист, но переплетение исключительно функциональных, а не показушных мышц легко маскировалось одеждой. Кроме того, я часто играл злодеев, и для этих ролей моя худощавость приходилась кстати.

Иногда я пел в концертах, случалось приглашали на закрытые вечеринки для избранной публики, я снялся в нескольких небольших ролях в кино, но продвинуться в этом бизнесе достаточно далеко вампиру не грозило. Меня пользовали как экзотику, но от настоящего успеха отодвигали. Я привык и не обижался. Достатка на жизнь хватало, да и поклонниками обзавёлся, а значит, бесплатной кормёжкой. Что ещё вампиру надо? О блистательном прошлом давно следовало забыть, назад партию жизни не отыграешь.

Это раньше я убивал, когда сам ощущал настоятельную потребность, а теперь вот спешил, страхась опоздать, в чиновничий дом, чтобы мне продлили право на получение столь необходимой бессмертному привилегии.

Отнимать жизни нам теперь было запрещено специальным законом, однако, снисходя до нужд каких-никаких, а граждан правитель милостиво отдал нам на откуп казнь преступников. В итоге людям не приходилось тратиться на верёвку и похороны злодея, а вампиры получали необходимую подпитку.

До моего ежегодного полноценного кормления оставались считанные дни, так что опаздывать никак не следовало. Я переступил нужный порог даже загодя, получил в канцелярии лист доверия и принялся обходить кабинеты, где на меня смотрели с презрительным осуждением, причём чаще всего люди. Они никому не уступали, как правило, удовольствия работать в таких местах, где вампиром можно безнаказанно помыкать сколь угодно долго.

Зная, как нелегка рутинная канитель, я освободил на посещение чиновничьего дома весь рабочий день, и уже зрел впереди конец скитаний, когда в последнем по счёту и решающем кабинете обнаружил за начальственным столом не человека, а черета.

После того, как люди прибрали постепенно наш мир к загребущим рукам, бывшие союзники стали едва ли не главными гонителями. Я временами удивлялся выкрутасам бытия, но переживать по этому поводу считал излишним. Что выросло, то выросло, не сожалеть следовало, а приспособливаться к изменившимся условиям.

Этот экземпляр ещё не достиг полной зрелости, а уже набрался барственной спеси. Когти, такие же неубираемые как у волков ещё не успели потемнеть, рога едва начали завиваться, клыки не выросли вообще, а пожалуйста: занимает отдельный кабинет в

солидном департаменте. Кто посадил сюда этого мальчика? Я в его годы почтительно слушался старших и даже не претендовал на то, чтобы возвышаться над другими вампирами, хотя был сыном лордов. Воспитывали наш молодняк очень строго.

Я выложил на стол документы и стал дожидаться решения своей судьбы. Отказывать мне оснований не было, но кого и когда это волновало? Могли отыскаться моменты, которых не предусмотреть. Сесть черет не предложил. Нравилось, что возвышаюсь над ним как памятник? Обычно это всех раздражает.

Он с важным видом задал несколько вопросов, я ответил. Черет, его имя — Узрум было вышито на груди форменного кителя внимательно изучал мой вполне заурядный лист. Чиновник, занимавший отдельный кабинет, недостаточно опытен, чтобы найти сходство к чему придраться? Ну я ему помогать не собирался. Последовало ещё несколько незначительных уточнений. Уяснив, что я по профессии актёр, он поглядел с почти детским любопытством, мне даже показалось, что попросит контрамарку, но он удержался и без дальнейших проволочек поставил решающий вензель.

Из кабинета я выходил в лёгком обалдении, никак не ожидал столь скорого решения волокитного по своей сути дела. Сдав что следовало в канцелярию, а что положено оставив себе, я быстро выбежал на улицу. Вечерняя прохлада наполнила мои лёгкие кислородом пополам с выхлопными газами, но настроения не испортила даже едкая смесь, ставшая привычной за последнее столетие.

Я устремился по вечернему городу туда, где бросил свою машину. Поначалу шагал быстро, привыкнув экономить минуты, а потом решил, что прогулка не повредит, и принялся разглядывать дома, людей и автомобили, наслаждаясь суетой, с которой текла эта жизнь.

Поначалу, едва переехав в город из своей провинции, я ужасно себя чувствовал в искусственной среде: удручало обилие запахов и шума, но понемногу привык, от иных факторов научился отгораживаться. Наезжая в поместье даже ощущал некую неуверенность в отсутствие привычного давления. Урбанизировался, как люди.

Пока я ходил по кабинетам в доме чиновников, наступил вечер, а когда не спеша пробирался дворами и улицами к своей машине, почти совсем стемнело. Зажглись фонари, люди с их несовершенным зрением теперь реже обращали внимания на шагающего среди них вампира.

Я не объяснил, почему меня узнавали? Да всё просто. Я так и не остриг положенные мне по статусу длинные волосы, более того, заплетал их в косу, как и следовало делать сыну лорда. Люди не особо разбирались в наших правилах, но человеческие мужчины таких причёсок не носили, так что выделялся я в любой толпе. На сцене конечно, приходилось надевать парики или завязывать хвост, но работа есть работа, а помимо театра или концертной площадки я убирал волосы так, как считал нужным.

Дразнить меня девочкой пытались, но не слишком часто и не особо уверенно. Стоило мне развернуть плечи да посмотреть так внимательно на человека, как странные предположения отпадали сами собой. Учитывая насколько женственными выглядели рядом со мной их мужчины, люди унимались быстро. Сами себя распустили, так нечего отыгрываться на других, иногда эти уже почти бесполое на вид существа раздражали взрослого вампира не на шутку.

Вот и сейчас услышав шум во дворе, где оставил машину, я ощутил глухую досаду. Почему им всегда всё не так? Поручи власти нам бороться с хулиганами тихи и благостны

стали бы улицы, потому что, опасаясь безжалостных клыков не каждый отморозок решился бы распускать по ветру свой куцый хвостик. Человеческое лицемерие людям же и вредило, но они упорно продолжали мешать правду с ложью и подменять одно другим.

Я мысленно зарычал и прибавил шагу.

Во дворе оказалось довольно темно. Фонари вообще не горели, хотя конечно вполне хватало света из окон окружающих домов. Мизансцену я разглядел во всех подробностях.

Машине моей, кстати, вообще ничего не грозило, компания молодых парней и девиц собралась в глубине двора, и там проистекала какая-то возня, сути которой я пока не уловил, да и не особо стремился. Люди сами по себе, я тоже. Сейчас сяду в свою малышку и уеду, а они пусть продолжают бессмысленно растрачивать без того короткую жизнь.

Я уже подошёл к машине и достал пульт от замка, когда разобрал пробившийся сквозь недобрый человеческий говорок стон. Жалобный, высокий, словно девочка плакала или ребёнок. Этот звук, способный пробудить сострадание даже в камне ожесточил компанию не на шутку, вскрики и брань зазвучали громче, а глухие удары сообщили мне, что люди старательно пинают ногами чьё-то беспомощное тело.

Я стиснул зубы. Вампиру вмешиваться в человеческие разборки никак не следовало, но проклятое хорошее воспитание уже развернуло меня на месте. Я сражался в былые времена, но вот резать горло пленным не доводилось, да и избивать их тоже. Вампиры вообще редко дерутся, мы сдержаны по природе, да ещё дрессированы на самоконтроль с детства.

Разглядеть за частоколом ног лежащего я толком не сумел, но показалось, что мелькнули голые коленки, отчаянно прижатые к животу. Неужели девушка? Это и совсем низко. Запахи стаи перешибали всё вокруг, я не мог понять природы избиваемого существа и по уму следовало тихо валить отсюда пока и меня не приплели к делу, но когда это я жил по уму? Не настолько ещё развеял по ветру совесть.

— Ребята, бросили бы вы это недоброе занятие, неровен час, полиция заявится, придётся потом отвечать на нанесение тяжёлых телесных повреждений.

Это я попытался мирно урегулировать конфликт, заранее зная, что ничего не выйдет. Недаром родители в прежние могучие времена держали меня подальше от политики, а теперь так и вовсе заказывали связываться со всем происходящим. Переговорщик из меня получился посредственный.

Дальше события разворачивались как по писанному. Смертные повернулись, уверенные, что толпой они одного запинают. Мне, конечно, ничего не стоило их раскидать, да хоть развесить по веткам дворовых деревьев, но вампиру ввязываться в конфликт с людьми — значило огрести серьёзные неприятности. Пусть их хоть десяток на одного меня придётся, заранее известно, кто останется виноват.

— Вали отсюда, длинный, пока самого не взяли в оборот!

То есть, выкриков последовало немало, да все они звучали в одной тональности, так что вслушиваться я нужды не видел. Девушки бранились особенно старательно.

Одно хорошо, жертву избивать перестали. Я видел, что лежащий жив, хотя по-прежнему не ощущал его породы. Человек? Это нет. Соплеменника уже забили бы насмерть. На земле валялся представитель чуть более живучей крови, и я мысленно вздохнул. Люди против людей — это их помешательство, тут я мог отступить, но долг велел заступиться за представителя одной из нечеловеческих рас. Вот теперь уже вне всяких сомнений не добрая воля, а обязанность.

Я позволил моему гневу пролиться из глаз красными яркими в полумраке огнями и

выпустил клыки. Надеюсь запугать, заставить уйти, жизненной потребности стоять насмерть у этих ребят не было, так мелкая прихоть. Могло сработать.

Не сработало.

Глава 2

Если не хочешь форсировать конфликт — форсируй его. Это конечно, не боевой клич вампиров, но так, небольшой жизненный принцип. Я не стал дожидаться, пока до людей дойдёт, ибо доходит до них долго, без гарантий и поздно, шагнул вперёд и схватив ближайшего за шиворот вздёрнул вверх как щенка.

Люди знают, что вампиры превосходят их силой, но не очень хорошо осведомлены, до какой степени. Когда вот так наглядно демонстрируешь, насколько ничтожным способен оказаться каждый из них в бессмертных и даже на вид достаточно внушительных грабках, протрезвление отчасти наступает, да и то не у всех. Я чуть наклонил голову. Предъявлять угрозу меня учили с детства, этот навык закрепляется в подсознании, а люди чувствуют опасность на инстинктивном уровне. Так мы все устроены.

Они попятились, на глазах теряя уверенность. Тот, кого я схватил, дёрнулся всего пару раз, да и то вяло, я рыкнул, и он послушно повис тряпочкой. Окажись группа чуть меньше, уже разбежалась бы в разные стороны, но значительно превосходя числом они ощущали себя сильными и неуязвимыми. Выпитый алкоголь опять же добавлял куража. Побеждала в итоге глупая самоуверенность. Я за считанные мгновения доказал бы им, насколько они заблуждаются в расстановке сил, но как же мне не хотелось драться!

В суде никому не докажешь, что десятеро на одного — это нечестно. К вампиру всегда отнесутся предвзято. Я вздёрнул губу, словно собирался обнажить клыки, но медлил. Ситуация приобрела мерзкий привкус неустойчивого равновесия, потому следовало либо решиться на отчаянные действия, либо отступить.

Я уже совсем вознамерился бросить человека в стаю, прорваться сквозь нестройные ряды, схватить несчастного, что валялся на земле и отступать вместе с ним, чтобы не оставлять здесь на расправу, когда за спиной прозвучал бархатистый рык матёрого волка.

Он не переломился, но я ощутил предвещающий запах и присоединил свой голос к его боевой песне. Почему уверился, что оборотень взял мою сторону? А не знаю.

Нас двоих люди испугались уже всерьёз. Волнение в рядах сделалось ощутимее. Я поставил своего парня на землю и толкнул к его подельникам, а потом сделал ещё шаг вперёд.

Они не выдержали и обратились в бегство. Застучали пятки в тесном проезде, который оказался здесь весьма кстати. От облегчения я не столько вздохнул, сколько застонал. Жалобный ответ на почти неприличное проявление чувств последовал с утоптанной земли, и я шагнул к поверженному, чтобы рассмотреть из-за чего собственно говоря, впутался в нехорошее дело. Из-за кого, поскольку существо до сих пор относилось к разряду живых.

Пытливому взору предстала гладкая человеческая фигурка, я втянул ноздрями кислый воздух и замер, страшась поверить в то, что сообщил мне густой запах страха, беспомощности, неприкаянности. Вот ведь влип, и бегством уже не спасёшься.

Волк стоял сзади, я ощущал каждое его движение, но не оборачивался, считая, что лучше проявить доверие к тому, кто пришёл тебе на помощь, чем обидеть излишней подозрительностью. Спина помёрзнет и перестанет, а учтивость всегда придёт к месту, когда имеешь дело не с людьми. Он сопел, принюхиваясь. У перевёртышей обоняние слабее нашего, я терпеливо ждал, когда он закончит и разглядывал скрюченное недоразумение, валявшееся перед нами на земле.

Не девчонка, а парень, штанины просто задрались, введя меня в заблуждение. Гладенький современный человечек, только уже бывший. Инфицированный, как говорят люди, а по-нашему низший вампир. Так мы называли не урождённых, а обращённых бессмертных. Когда-то их вербовали в немалых количествах, они служили на простых должностях, иногда почти все армии состояли из особей этой породы, и оборотни говорили, что мы потому и проиграли в итоге войну, что плодились не тем способом.

Тут они не ошибались, у вампиров рождается мало детей, мои родители, имея четверых отпрысков были редким исключением. Обычно у пары появлялся один ребёнок, два уже считалось большой удачей. Вырождение, конечно, вампирам не грозило, учитывая наш длинный век, зато алчные притязания соседей — вполне. Ну мы и выкручивались как умели.

Вот только потомство, полученное таким путём, всё равно требовало надзора и воспитания, а передо мной лежал и хныкал, не смея шевельнуться, одинокий брошенный мастером детёныш.

Разглядывая его, я думал о совершенно посторонних вещах. В годы нашего могущества отец много раз порывался меня женить, усердно подыскивая подходящих девиц. Пригодных с политической точки зрения, разумеется. Родители потенциальных невест приезжали взглянуть на меня, и зачастую от притязаний отказывались. Папа однажды оглядел своего младшенького и решил повременить с экспериментами до лучших времён. Жаль, они так и не наступили.

Я взял не только ростом и статью, но и рожа была, нет, вполне себе привлекательная, но несколько разбойничья что ли. Это я всё к тому, что детей у меня не завелось, в ближайшем будущем не предвиделось, как и собственных птенцов. Лорды редко обращали людей, поручая эту грязную работу подданным. Я вполне мог взять под покровительство паренька, правила не запрещали, и хомут приходился по шее, не хотел, правда этого делать.

Волк, между тем, завершил свои исследования, вздохнул, словно скорбя о вампирской жестокости. У меня шевельнулись клыки и поджалась уши, но чувство справедливости подсказало, что выпендриваться не стоит. Что ни говори, а виноват в случившемся с этим человеком был кто-то из наших.

Если он не пометил неофита своим запахом, значит, бросил на произвол судьбы. Тут без вариантов

— Ребёнок, — сказал волк.

Я рискнул посмотреть на него. Немолодой оборотень с грустной миной выглядел ещё старше. Он смотрел на птенца с непонятной мне тоскливой жадностью, словно охотно взял бы его себе, позволяй такое безобразие наши строгие законы.

Глядя на то, как жалеет этого несчастного слётка существо чужой породы, я больше не колебался. Не так уж и обременит меня приобретение, да и не объест. Я знал, что справлюсь.

Тщательно растёр ладонями шею и затылок, собирая запах, а потом погладил парня сначала по волосам, потом по лицу и спустился на плечи — пометил. Волк наблюдал церемонию с печальным одобрением. Я видел, как чутко подрагивают его уши, и губы разъезжаются в дружелюбной улыбке. У волков вообще очень сложные гримасы, люди и рядом не валялись, вампиры тем более.

Почуввав ласку, детёныш неуверенно приподнялся, заглядывая мне в лицо. Не знаю, объяснил ему кто-то правила ритуала или сам догадался, но он подполз ближе, затих у моих ног. Повреждения не зажили толком, я видел, как морщится от боли лицо, да и ловил её отголосок. Его ещё и не кормили. Мало есть на свете созданий беспомощнее и несчастнее

голодного неофита.

— Идём! — вздохнул я.

С моей помощью приобретение доковыляло до машины и устроилось на пассажирском месте. Я повернулся к волку, поклонился как положено и поблагодарил за помощь и любезность. Он смотрел на меня всё так же грустно, хотя и с пробивавшейся сквозь минор нежностью, причины которой я не понимал.

— Ты хорошо поступил, четвёртый сын Триэвиров. Я рад нашей встрече и знакомству. Я — Арран из Тёмного дома.

— Моё почтение, лорд Арран!

Я сцепил пальцы в замок и уважительно склонил голову. Правила поведения вдолбили в меня так усердно, что я совершенно не задумывался о природе своих жестов и слов, но волку явно по душе пришлось моё хорошее воспитание. Похоже пригодились-таки полученные в юном возрасте подзатыльники, точнее результат, к которому они привели.

Прежде мы не встречались ни на поле брани, ни где бы то ни было ещё, но разумеется, я его знал. Как и предположил раньше, годами он превосходил меня значительно, да и знатностью тоже, если учесть, что я не получил во владение почти ничего. Отнестись к этому оборотню следовало со всей возможной предупредительностью, даже если дороги наши и сошлись всего на миг.

— А я думал, ты обратишься в бегство, увлекая человеческую свору за собой, прочь от жертвы, — сказал волк с едва уловимой и совершенно необидной усмешкой.

— Должно быть, поступить так было разумнее всего, — ответил в тон, — но я не догадался. Говорил мне папа, что у меня ума не палата, а одна только от неё половица, следовало слушаться.

Я терпеливо дожидался, когда волк меня отпустит, неучтиво младшему первым обрывать беседу, а он всё вглядывался, словно пытаюсь угадать во мне чьи-то иные черты.

— Позволишь мне как-нибудь осведомиться о нашей совместной находке? — спросил он.

Сказани такое вампир, я бы показал клыки и ближайшую дорогу, по которой следовало шустро убираться восвояси, но Аррану, естественно, отказать не мог. Кроме того, я чувствовал, что недоверие здесь ни при чём, какая-то иная печаль заставляет этого оборотня поддерживать беседу с вампиром, да ещё петься о судьбе птенца. Быть может ему просто неуютно без компании в этом мире?

Волки обычно держатся семьями, они не любят одиночества, как мы, кровососы, а от этого никем другим не пахло, ни волчицей, ни щенками, словно ждёт старого Аррана лишь совершенно пустое жилище. Спрашивать, куда подевались его подруга и выводок было верхом неприличия и я, естественно, воздержался от досужего любопытства.

— Буду сердечно рад, лорд Арран, — ответил я, со всем уважением кланяясь матёрому.

Я сказал ему не только номер телефона, но и адрес, затем мы расселись по своим машинам и разъехались в разные стороны. Птенец дрожал, но не хныкал, да и вообще был не в таком тяжёлом состоянии, чтобы над ним кудахтать, потому по дороге я размышлял о знакомстве с оборотнем, оставив насущные заботы на пусть ближайшее, но будущее.

В пробке мы встретились случайно, да и оглядели друг друга без особой приязни. Он выразил благоволение, когда люди принялись мыть кости моему виду. Впрочем, недружелюбие к вампирам раздражало многих, так что ничего удивительного в том не было. Разбегаясь по своим делам из знаменательного двора, обменялись лишь ритуальными

любезностями, почему он вдруг увидел во мне нечто, заслуживающее внимания?

Позвонить отцу и спросить? Вдруг Триэвиров и Арранов связывает какая-то тайна? Столько воды утекло, стоит ли того былая слава?

Я решил, что нет и как раз на этой здоровой мысли добрался до своего, а теперь нашего, дома. Мне принадлежала скромная квартирка в тихом районе. Поскольку жил я до сего дня один большая и не требовалась. Птенец пошёл за мной как привязанный, не пытаясь сбежать и хорохориться, я решил, что приручение завершилось как надо.

— Дуй в ванную! — распорядился сразу, как вошли. — Одежки свои выбрось, они такие грязные и рваные, что нет смысла беречь.

Мои вещи оказались бы ему непомерно длинны, но порывшись в шкафу я нашёл спортивные штаны на резинке и рубаху покороче прочих. До утра доживёт, а там купим ему что-нибудь в магазине. Повернувшись, я обнаружил, что приказ мой не выполнен, а птенец по-прежнему мнётся в комнате.

— Что не так?

— А ты приставать не будешь? — спросил он с обезоруживающей наивностью.

— А надо?

Морда в синяках скривилась сначала от возмущения, потом от боли, потому что побои вообще не способствуют правильной мимике и координации движений.

— Дурак! — буркнул он.

— Во-первых, я твой мастер, так что веди себя уважительно, во-вторых, если не возьмёшься за ум, велю снять штаны, чтобы проверить, что в них находится. По запаху ты вроде мальчик, а ведёшь себя как девочка.

Он поглядел на меня злобно, но спорить не посмел, забрал вещи и ушёл мыться, щёлкнув замочком на двери. Человеческого мужчину всегда можно задеть, назвав его девчонкой. Они словно бы в самом деле считают свой пол лучше. Мне это неравенство всегда казалось странным. У вампиров всё устроено иначе. Мы практичны, и если делим обязанности в семье или другой группе, то всегда исходим из выгоды. У нас даже ребёнка выкармливают оба родителя: мать — молоком, отец — кровью.

Я и вырос на папином попечении. Мама обладала куда большими чем он способностями к дипломатии и постоянно разъезжала по государству, улаживала семейные и клановые дела. Старшие братья рано стали на крыло и покинули дом родителей, так что мы жили в фамильном замке, большей частью, вдвоём. Отец учил меня управлять поместьем и владеть оружием, ещё хорошим манерам, которые тоже иногда пригождались, хотя и реже чем хотелось бы.

Подопечный плескался долго, а когда вышел, насупясь из ванной комнаты, вид у него был потешный. Я сдержал улыбку и принёс детёнышу искусственной крови из холодильника. Дрянь конечно, но не вести же его было в таком виде на охоту: жертвы засмеют.

Он выпил предложенное, даже отвращение вежливо попытался скрыть, и я подумал, что не так он безнадёжен, каким показалось сначала.

— Имя-то своё назовёшь, птенец?

— Мальвин, — ответил он хмуро.

И прозвище девчачье, хотя не мне осуждать. Среди длинного списка моих родовых личных имён тоже попадались женские.

— А я Элле.

Он встrepенулся, взгляделся в меня, даже шею вытянул.

— Ты Элле Трэр? Актёр?

Я простодушно удивился, как всякий раз, если меня кто-то узнавал. Случалось такое нечасто.

— Я видел тебя в кино. Ты играл крутого капитана пиратского корабля. Очень здорово, кстати. Я жалел, что роль такая маленькая. Все остальные герои казались в сравнении пресными, но я тогда не думал, что ты вампир. Это очень странно.

— Ампула добавит мне авторитета в наших отношениях?

— Прости.

Я наблюдал, как исчезают синяки, а осанка приобретает здоровую уверенность. Даже искусственная еда помогла птенцу восстановиться.

— Да ничего страшного. Я не цепляюсь к пустякам, но рассердишь по-настоящему — всыплю.

— Так нельзя, это БДСМ какое-то!

— Поверь, я позабочусь, чтобы удовольствия ты не получил, так что подсесть не бойся. Кто тебя обратил и почему бросил без опеки?

Мальвин замялся, мне показалось, что он сам лишь теперь задумался о том, что собственно говоря, с ним произошло.

— Познакомился с девахой в клубе, красивой, распущенной. Она всё намекала на разные извращения, типа кайф от них словлю неимоверный, но близко не подпускала, а хотелось ведь попробовать.

Про извращения выяснять не тянуло. На работе наслушался всякого-разного вволю. У актёров языки без костей, такого нанесут, что идёшь домой и радуешься, что ты не человек.

— Дальше давай. Видимо однажды она тебя к себе подпустила.

— Вот, поехали в какое-то место, я толком и не понял, куда — пьяный был, а очнулся в чужой одежде, в мутных трущобах. Горло горит, везде болит, ничего не помню, ничего не понимаю. К людям сунулся и чувствую, что хочу в глотку кому-то впиться. Зубы полезли. Я так испугался, что убежал и спрятался, а потом решил пробираться к дому, но тут наступил день и я побоялся вылезать на свет. Сидел в каком-то подвале и трясся.

— Догадался, что обратили?

— А кто бы не догадался? — огрызнулся он зло. — Мне так худо было. Следующей ночью вылез и пошёл, да только не знал куда и спросить не мог, потому что точно кого-то бы сожрал. Ещё день в подвале отсиживался, а вечер настал, я наружу полез и наткнулся на этих. Как унюхал живых людей, так у меня всякое соображение пропало. Сначала совсем крышу снесло, пытался кусаться, а когда они набросились и принялись бить, думал уже целым не выберусь.

— То есть, били тебя всё-таки за дело?

Он вздохнул, а я подумал, что поступил как последний идиот, впутавшись в очень скверную историю. Если эти ребята натравят на меня власти, придётся отвечать за последствия даже при отсутствии оных. Осталось надеяться, что не разглядели они ничего в темноте, да и не успел мальчишка никого покусать, вёл себя как перепуганный ребёнок, каким и бывают все свежееобращённые сколько бы лет не прожили на свете до этого.

Я вздохнул вслед за своим подопечным, потому что отыгрывать назад было поздно. Воспитывать теперь предстояло то, что случай принёс.

Пока я размышлял о своём, насущном, птенец притих, как видно понял по моей роже, что я не в диком восторге от происходящего. Ну и славно. Я ничего не имел против того, чтобы тишина продолжалась весь остаток ночи, но птенец оставался ещё слишком человеком, чтобы просто взять и заткнуться. Выдержки хватило ненадолго. Он помялся, повздыхал, а потом спросил:

— Ты меня не бросишь, Элле?

Только люди вот так нелепо ставят вопрос: они же ответы лишь словами понимают, ну кулаками ещё хорошо, и я умел объяснять на любом из их языков, но сейчас явно сложился не тот случай, потому ответил:

— Парень, как могу бросить: я же тебя пометил, что за пустые рефлексии? От честно взятого не отказываются.

У него отвисла челюсть:

— Как пометил? Надеюсь, ногу не задираю?

Ну речами не передать. Всё вышло, как и предвидел. Ничего о нас не знают, и не пытаются узнать, но осуждают априори — авансом. Я плавно встал, чтобы не напугать недавнего человека резкостью движений, демонстративно потер ладони о шею и затем повторил проделанную в том историческом дворе процедуру, коснувшись волос, лица и плеч птенца. Он всё же слегка перетрусил, что легко угадывалось по участившемуся сердцебиению, и вздохнул облегчённо, лишь когда я вернулся на прежнее место.

— Вот это? То есть, это не ласка была, а чисто утилитарное воздействие? Ты меня так защищал, а не соблазнял?

Вселенная! Дай мне сил всё вынести и не сломаться. Или от смеха не ослабеть.

— Ну да, — терпеливо пояснил я. — Теперь мой запах будет действовать на тебя как успокоительное. Мы образовали маленькую стаю. Через год, примерно, когда ты обучишься премудростям нового существования, связь ослабеет, ты захочешь уйти искать своей доли, и я тебя с величайшим удовольствием отпущу. И имей в виду, что сексуальной связи между мастером и птенцом не бывает в принципе, от пола это не зависит, видимо, отталкивает общий запах, так что не надейся залезть в мою постель, я в неё вообще никого не пускаю.

— Но на стороне-то шалишь? — тут же поинтересовалось это испорченное современное дитя.

— Случается, — честно ответил я, — хотя теоретически должен блюсти свою нетронутость до тех пор, пока отец не подыщет мне пару и не женит. Только, знаешь, затянuloсь сватовство. Не думаю, что кто-то меня осудит. Времена меняются, а мы среди людей живём.

Он понимающе хохотнул.

— А мне можно будет, ну, на сторону? — поинтересовался он весело, но тут новая ужасная мысль согнала с лица признаки хорошего настроения, глаза испуганно выкатились, задрожала челюсть: — А я вообще смогу?.. Это самое...

Удержаться было невозможно.

— А зачем тебе? — спросил я строго. — Я — высший вампир и могу зачать потомство половым путём, а ты обращённый, следовательно, теперь бесплоден.

Он едва не разрыдался: слова мастера часто принимаются птенцами некритично.

Впрочем, я, не обладая жестокой натурой, сразу уверил его, что лишь пошутил, и всё у него наладится, в том числе и в этой сфере жизни, когда завершится перестройка организма. Он быстро успокоился: современные люди вообще самоуверенны, и принялся засыпать меня вопросами, которых хватило на остаток ночи.

Я терпел это многословие и старался отвечать честно, ведь чем скорее птенец обучится премудростям сумеречной жизни, там быстрее я смогу сделать ему ручкой и вернуться к привычному уютному одиночеству. Стоило постараться довести его до ума в кратчайшие сроки.

Он бы и к утру не иссяк, но начало действовать свойственное этому подвиду дневное изнеможение. Птенцы много спят, пока не закончится формирование полноценного вампира, потому я постелил ему на диване, велел ложиться и проинструктировал на случай, если проснётся раньше, чем я вернусь. Нарастание возможностей идёт постепенно, незнакомый с процессом молодняк способен переломать сдуру немало полезных вещей. Мальвин понятиливо кивал, но веками хлопал так тяжело, что я, закончив краткий перечень правил начальной безопасности, оставил его отдыхать.

Пока я переодевался у себя в спальне, он уже залез под одеяло и почти задремал, но встрепенулся, когда я направился к двери.

— Ты уходишь?

— Разумеется. Мне нужно работать, чтобы как-то жить. Я и тебя приставлю к делу, когда немного приспособишься к новым возможностям. Спи, поесть я принесу.

Кажется, мысль о том, что вампиры должны трудиться, как люди, явилась для него потрясающей и новой, так что он ещё таранился прямо перед собой, когда я закрывал дверь.

Неприятности случаются, а жизнь продолжается. Я помчался на службу. Утреннего спектакля у меня сегодня не было, зато предстояло чтение новой пьесы и мне светила в ней небольшая роль. С текстом я уже ознакомился, его раздали несколько дней назад, и утро начиналось с сидячего прогона, когда актёры собирались в общей комнате и прочитывали свои роли, прикидывая длину реплик, возможность и необходимость пауз и прочие детали перед сценической репетицией.

Я пришёл одним из первых, и наш режиссёр оборотень-рысь Ивер одобрительно фыркнул. Мы не дружили, но и не ссорились. Я всегда точно выполнял его указания, потому что видел, как он хорош в нашем деле. Он, наверное, полагал меня удобным инструментом своих замыслов. Вообще же мужская половина труппы меня слегка недолюбливала, женская жаловала куда охотнее, и когда актёры собрались, я оказался в дамском окружении.

Наша прима Бернара уселась в соседнее кресло и, расправляя пышную юбку, обратилась ко мне, хотя текст явно был рассчитан на режиссёра.

— Эль, дорогой, совместная сцена просто ужасна, даже не представляю, что мы сможем с ней сделать.

Ивер не зашипел, но коротко взглянул на нас, словно сообщая, что он разберётся без чужих подсказок с каждым отдельным дуэтом, как и со всем остальным спектаклем, особенно если актёры перестанут выпендриваться и займутся исключительно своим делом.

В отношении Берни, кстати, подобные предположения явились бы инсинуацией, поскольку она совершенно не походила на классических капризных, истеричных актрис, которые доставляют всем массу неприятностей и зарабатывают славу скандалами, а не талантом. Я редко встречал таких трудолюбивых людей. Работать с ней всегда было счастьем, потому что всё делалось правильно и разумно.

Я улыбнулся и сказал:

— Мы справимся!

Кот на этот раз шикнул и погнал на текст. Мы углубились в работу, я до такой степени увлёкся, что совершенно забыл о наличии проблемы, ждавшей меня дома. Когда закончился дневной спектакль и освободилась сцена, мы провели несколько эпизодов пусть не в декорациях, но в зримом пространстве. Это называлось разнашивать роли.

Время летело незаметно, и только когда рабочие выставили актёров, потому что пришла пора готовить площадку для вечернего представления, я сообразил, что следовало договориться с кем-то о дозе или сходить в распределительный пункт и использовать один или два из накопившихся у меня талонов. Молодым вампирам требовалось много еды, причём, по возможности, регулярно.

Меня неприятно поразила собственная забывчивость, мучила мысль, что я совершенно не готов нести ответственность за кого бы то ни было. Взялся воспитывать обращённого, а сам по сути то ещё дитя. Не потому ли рушились брачные планы? Родители невест видели, что рослому, но безмозглому вампирскому юнцу рано доверять как жену, так и потомство? Впрочем, не стоило слишком усердно себя бранить: новое дело свалилось на меня внезапно, тогда как старое отнимало всё внимание и немало сил.

Пока гримировался, совсем успокоился. Работа есть работа, за неё деньги платят и потому справляться надо хорошо. Спектакль шёл давно, потому я отыграл привычные выходы без больших затруднений, хотя кот и заметил мою рассеянность, потому что язвительно посоветовал сначала проснуться, и лишь потом приползать в театр. Я покаянно покивал.

Выходя вместе со всеми на поклоны, я впервые за вечер глянул в публику, улыбнулся знакомым и ревниво ждущим своей доли внимания поклонникам, а потом к своему немалому удивлению увидел в одном из дорогих первых рядов того чиновника черета, что продлевал мою лицензию на убийство. Он стоял возле кресла с задумчивым, слишком, пожалуй, серьёзным для места-времени лицом и механически аплодировал.

Я без труда вспомнил его имя — Узрум, но что он здесь делает не понял. Следовало верить, что чиновники тоже ходят в театр, только я не предполагал, что в наш. К их услугам существовал так называемый коронный ряд престижных сцен, куда вампира и близко бы не подпустили в качестве не то что актёра, но даже уборщика зрительного зала или рабочего сцены.

Нельзя сказать, что я не встревожился. Вопросы возникали не самые приятные. Что здесь делает этот странный черет? Вдруг хочет подловить меня на каком-то нарушении?

Лица его уровня вряд ли занимались мелкими пакостями, но я помнил, что вампир всегда должен жить с оглядкой, поскольку под него копали все кроме могильщиков, да и те лишь потому, что сами по себе мы недохнем, а казнённых хоронят на казённый счёт.

Вин больших и малых за мной не числилось, разве что инцидент во дворе, но я ведь там и пальцем никого не тронул, да и оборотень взял мою сторону, тем свидетельствуя мою благонадёжность. Добровольно кормить вампиров людям не запрещалось, главное, чтобы желание делать это они выразили сами, так что и тут я выходил прав, но из осторожности решил не просить сегодня крови у поклонников, как поступал довольно часто, а зайти в распределительный пункт.

Смыв грим и переодевшись, я поболтал немного с ценителями театра, зашедшими поздравить с грядущей новой ролью и совсем собрался уходить, когда увидел в дверном

проёме черета, нерешительно бродившего по коридору.

Я выпроводил людей и подошёл к этому странному представителю касты непогрешимых.

— Добрый вечер, Узрум! Я могу чем-то помочь?

Он посмотрел на меня искоса и улыбнулся так же криво.

— Да вот, решил поглядеть, что такого интересного представляют в театре.

Беспомощная неправда от разумного существа по долгу службы призванного лгать, не моргнув глазом, несказанно удивила, но я не подал виду, что шокирован. Я находился на своей территории и обязан был проявить учтивость.

— Понравилось? Хочешь, я познакомлю с кем-то из актёров? Правда, почти все уже разошлись.

— Мне понравилось, — ответил он обстоятельно. — Ты здорово играл этого подлеца. Так убедительно, что я уже пожалел о подписанных вчера документах.

Ещё одна вымученная полуулыбка сообщила, что черет всего-навсего пошутил. Он держался как проситель, а не как облечённое немалой властью лицо. Я насторожился. Нет, такое случалось время от времени. Весьма высокопоставленные господа вели себя как маленькие дети, попав за кулисы. Им, видимо, казалось, что всё здесь проникнуто романтикой чуда. Я их не понимал, но извинял. Сейчас происходило нечто иное. То есть, я опять не догадывался в чём дело, но хотел бы разъяснить сам момент.

— Спасибо! — сказал, вежливо поклонившись.

Ситуация мне определённо не нравилась. Я актёр, но не лицемер, а тут приходилось не только угождать публике, но и пытаться сообразить, как именно это делать. Мысль о брошенном без надзора птенце тоже не давала покоя. Не слишком сильно я полагался на его послушание, и бегать по всему городу в поисках его слинявшей за приключениями особы никак не тянуло. Я устал и хотел отдохнуть, а не разгребать очередные неприятности.

— Могу я быть чем-то полезен? — спросил снова, пытаясь добиться от этого непостижимого существа конкретного ответа.

Лучше уж действовать прямо, чем тонуть в непонятках. Он глядел то на меня, то изучал сквозь беспечно распахнутую дверь довольно убогий интерьер гримёрки и выглядел изрядно погружённым в свои мысли. Я уже уверился, что придётся приступать к объяснениям в третий раз, когда он очнулся и рассеянно качнул головой.

— Нет, ничего, разве что проводить к выходу. Я, кажется, заблудился.

Оправдание звучало достоверно для человека, но не для представителя одной из демонических рас. Сделать вид что поверил в очередную нелепую ложь, мне удалось не сразу, но я ничего не имел ни против самого черета, ни против его народа. Если он испытывает непонятное мне смущение — это ещё не повод подозревать недобрые замыслы. Следовало, конечно, но злодеев я изображал только на сцене. В жизни такого дурака-всепрощенца, как Элле Трер, среди вампиров стоило ещё поискать, потому я не разразился презрительным смехом, всего лишь вежливо предложил зрителю указать дорогу и благополучно вывести из таинственной страны на ту сторону праздника и блеска.

Правда я не сообразил, что его роскошное на-чём-он-там-приехал наверняка ждёт у парадной двери, и вывел служебным коридором к боковой, но Узрум не рассердился. Напротив, его, вроде бы, на миг захватил сам момент приключения, содержащийся в этом путешествии по изнанке выставочной роскоши. Оказавшись на улице, он огляделся не без удовольствия, словно реально увидел нечто интересное и получил полезный жизненный

ОПЫТ.

— Хочешь, подброшу до твоей машины или авиетки? — предложил я вежливо.

Он растерянно оглядел моё мини, как видно полагал прежде, что актёры живут в роскоши, а не вот так скромно, и отказался.

— Я приехал на такси. Полагаю, добыть свободную машину окажется нетрудно.

Это после представления, когда всё снабжённое колёсами идёт нарасхват? Наш театр не относился к числу именитых, зато ставил занимательные пьесы, да и билеты стоили дешево. Зал редко не был забит публикой до отказа.

Впрочем, этот черет наверняка имел верхнюю связь, поэтому я со своими нижними соображениями не вылез. Я вежливо дождался, когда он подзовет освободившуюся машину и лишь потом сел в свою. Многовато приключений в последнее время разнообразило мою размеренную жизнь и это не радовало, а тревожило. Я поехал в распределительный пункт.

Здесь меня встретили подозрительно и долго изучали и регистрацию, и разрешение, явно подозревая, что я не являюсь регулярно за кровью потому, что отлавливаю по ночам беспечных граждан и поедаю их в антисанитарных условиях мрачных переулков. Всё же я получил две банки вместе с выговором за нерегулярные визиты и вышел наружу, соображая, что птенца придётся ставить на учёт, а значит отыскивать как-то его человеческое прошлое.

Промедление в этом вопросе не несло фатальных последствий, даже власти понимали, что при адекватном мастере птенец поведёт себя разумно, а то и сдохнет невзначай. Кстати, к смерти новообращённых люди у нас относились как к большому благу и расследование проводили настолько снисходительно, что я мог выйти сухим из воды даже если бы намеренно свернул шею своему подопечному. Грустно было сознавать, как меняет статус личности один неосторожный укус.

Я не знаю, пробовал ли кто-то из предприимчивых граждан расправиться с врагом-человеком, предварительно его обратив: методика просто напрашивалась на широкое применение. Иногда реально хотелось узнать, что думают по этому поводу сами смертные, иногда — нет.

Сейчас меня заботило только благополучие детёныша, а ещё больше своё, начавшее вдруг загадочно переплетаться с чужой неясной мне пока волей. Воспитательный процесс, на который я так легкомысленно подписался обрастал трудностями, как мелеющая река — рифами.

Спохватившись, я завернул в недорогой магазин и приобрёл одежду для птенца. Размеров его я не знал, объяснил продавцу приблизительно, впрочем, небольшая ошибка в этом деле вряд ли могла иметь фатальные последствия. С обувью тоже поступил наугад: длина стопы ведь зависит от роста, так что прикинуть её нетрудно.

Загрузившись гостинцами я, как добродетельный папаша, поспешил домой. Ещё возле двери по запаху почуял, что птенец в квартире и испытал облегчение, которое знакомо, наверное, всем родителям, независимо от расы, пола и возраста.

Он меня не встречал, хотя мог бы. Более того, когда я вошёл в гостиную, даже не повернулся, так и спал, уткнув лицо в спинку дивана. Мне это показалось странным, учитывая, что ночь уже наступила.

Я бросил пакеты прямо на пол, подскочил к обращённому и перевернул его на спину. На меня уставился пустой взгляд остекленевших глаз, челюсть безвольно отпала, как у живых не бывает, тело на ощупь было вялым и холодным, много холоднее, чем полагалось ему по статусу.

Он что, умер? Почему? Пусть невкусно, но я его накормил, да и оставил бодрым и весёлым. Что могло случиться за один несчастный день? Никогда в жизни я ещё не чувствовал себя таким растерянным.

В первую очередь задался вопросом: что делать? Совсем не просто он звучал. Люди в таких случаях вызывали врачей, но специалистов по вампирским хворям в природе не существовало за отсутствием собственно самих болезней. Я их совершенно точно не помнил. Да, новообращённые иногда внезапно умирали вскоре после создания, но насколько мне было известно, не совсем так.

Я в панике выдернул телефон из чехла, но тут же убрал его обратно. Нет, помощь если она и реальна, не успевала, я должен был справляться своими силами.

И сразу же украдкой просочилась в сознание здравая мысль, что никто меня не попрекнёт, если детёныш покинет сей неуютный мир. Как уже говорил, закон смотрел на это сквозь пальцы. Обращение не всегда получалось удачно, перестройку организма выдерживал не каждый. Оформить погибшего вампира я смогу даже без документов, его сфотографируют для архива и возможного опознания, но родственникам не предъявят, даже если те и сыщутся. Крематорий примет это тело так же, как любое другое, а я вздохну свободно, снова заживу нормальной жизнью одинокого вампира. Без забот и проблем.

Холодный труп в моих руках едва заметно вздохнул, чуть дрогнула грудная клетка и я понял, что шанс пока есть, только действовать надлежит быстро и правильно.

Как производить реанимацию, я знал наизубок: последовательность действий вколачивается в мышечную память так же прочно, как и умение владеть мечами, хотя оба навыка теперь перешли в разряд бесполезных, а может быть, и нет. Не прозреешь ведь колею, куда в очередной раз повернёт история. Короче говоря, я хорошо помнил, где надавить, как ударить, чтобы запустить в ход программу возвращения с того света. Я действовал уверенно и без тени сомнения.

Прошла минута, другая, а потом тело вдохнуло ещё раз и в лёгких уверенно завёлся привычный равномерный шорох. Я ощутил ладонью слабое шевеление сердца в груди.

— Ну же, Мальвин, работай! — прорычал я. — Воскресай, ты сможешь!

И он откликнулся. Кожа стала чуть теплее. Он дышал, по жилам ровно пошла ещё не полностью изменённая кровь.

Кровь!

Я метнулся к уроненным на пол банкам и быстро вскрыв одну, принялся поить детёныша, крохотными глотками, больше он сейчас и не смог бы принять при всём желании.

Когда в организме Мальвина восстановился нормальный перестроечный ритм, я допил что там оставалось на дне сосуда и сел на пол, привалившись спиной к дивану. Ну и задало мне гонку это мелкое недоразумение! Хватить бы сейчас стакан водки, как делают люди, жаль ни водки нет, ни опьянение, как ни старайся, всё равно за стаканом не последует.

Так мы отдыхали довольно долго, полчаса не меньше, а потом птенец зашевелился, я понял, что он приходит в себя, и действительно вскоре долетела до моих ушей очередная порция болтовни.

— Элле, это ты тут?

— Ну да, кто же ещё?

— А я, правда, умерал?

Я повернулся чтобы на него посмотреть. Бледный до зелена выглядел он всё ещё неважно, глаза тарацились как плоски. Испуганный, беспомощный слишком юный для

новой жизни вампир. И почти голый к тому же, всего лишь в трусах и майке. Прежде совершенно точно было не до приличий, но сейчас парню требовалось тепло. Я быстро завернул его в одеяло и сгрёб в охапку.

— Правда. Всё уже хорошо, успокойся.

Он здравому совету не последовал, продолжал вдохновенно болтать:

— Знаешь, я висел под потолком и смотрел на свой труп. Я не знал, что мне делать дальше. Было просто скучно и всё. Обратного не тянуло: и так было нормально. А потом ты пришёл и начал меня колотить как ненормальный, ну и методы воскрешения у вас.

— У нас, — поправил я.

— У нас, — повторил он, словно проверяя новое звучание знакомых слов. — Мне не хотелось возвращаться, там хоть не болело ничего, а здесь везде скрипит и ломит.

— Так и валил бы насовсем, — сказал я грубо.

Не хотел обидеть, просто расчувствовался сверх меры. Он, кажется, понял, ответил без затей:

— Я не знал — куда.

— Ну извини, подсказать не могу, ибо сам не в курсе. Жрать хочешь?

— Очень! — ответил он виновато.

Хорошо, что я догадался взять две дозы крови. Сам обойдусь, завтра поклонники накормят, а этому надо: трясётся вон как человек на холоде. Я ногой подтянул к себе вторую банку и принялся насыщать птенца, и вот странно, это занятие совсем не казалось мне отталкивающим. Заботиться о ком-то — какое оказалось тёплое ощущение.

Наевшись, Мальвин совсем затих, хотя не спал, и я подумал с удивлением, что, наверное, ему тоже приятно, что кто-то о нём печётся. Пусть у парня бродит в крови не отгоревшая полностью человечность, но откуда у меня-то непонятное взялось? Впрочем, какая разница?

— Я тебе одежду купил.

Он заинтересованно высунул голову из кулька.

— Спасибо!

Удивился вроде бы, ну да если вдумываться в каждый пустяк — с ума сойдёшь.

Оставив его разбирать пакеты, я пошёл в душ, а когда вернулся, Мальвин уже влез в свежие тряпки и разглядывал себя, пожалуй, с удивлением. Сидело на нём всё ладно, да и вообще придирается к деталям не стоило.

— Башмаки не жмут?

— Нет, нормально.

— Вот и чудесно, сейчас я оденусь и пойдём гулять. Пора учить тебя находиться среди людей и прочих наземных тварей.

После кормёжки у него прибыло силы. Я чувствовал, как бродит в гладком современном теле новая мощь. Мальвин ступал осторожно, словно везде был лёд: где тонкий, где гладкий. Я не мешал ему осваиваться. Как только мы выбрались наружу, свернул в тихий переулок, где мало кто осмеливался бродить ночью. Люди в это время суток, как правило, сидели по домам, а вот другие разумные существа иногда мелькали.

Мальвин слишком занятый своими новыми ощущениями едва замечал, что происходит вокруг, но я-то отслеживал.

Чаще всего попадались оборотни, не меньше вампиров приверженные ночному образу жизни и куда более плодовитые, иногда мелькали череты. Эти быстрее всего сошлись с

людьми, в основном, переняли их дневные привычки. Едва птенец немного освоился с возросшей силой, обострившимся обонянием, ясным зрением, как я начал знакомить его с обитателями города, рассказывая об особенностях каждого народа и о том, как надлежит вести себя при встрече. Мальвин послушно раздувал ноздри, ловя запахи, запоминая, жаловался иногда что всё равно запутается, но на деле справлялся прилично.

— Я думал у нас в городе в основном люди живут, — сказал он, — а тут их словно и совсем нет.

— Ночь, разумные иных рас могут хоть погулять спокойно. Днём нам неуютно, а людей в городе больше чем всех других вместе взятых, тут ты прав. Просто став нечеловеком, ты начал лучше замечать различия между всеми, кто может их скрыть. Вампир неотличим от смертного, если сам этого хочет, дракон — тоже.

— А в городе есть драконы? — спросил он изумлённо.

Да, человека и наша кровь нескоро исправит. Практичность ему ещё усваивать и осваивать. Драконы ему видите ли интересны, лучше бы полюбопытствовал, насколько опасны злии. Этих пронырливых вкрадчивых тварей я остерегался гораздо больше нежели кого бы то ни было другого. Единственная в нашем мире раса, которая никогда не воевала, зато добросовестно пила соки как победителей, так и побеждённых. Ну да, эти существа служили прирождённой смазкой политического механизма, но их способность всегда и из всего извлекать выгоду настораживала многих. Кто поумнее — учился у них быть время от времени скользким или аморфным, кто поглупее — истреблял. Последнее пользы не приносило, потому что твари появлялись вновь, словно от сырости заводились.

— Драконов нет, — ответил я. — Когда люди запретили крылатым перевёртышам пользоваться авиетками, да и просто летать над большей частью территорий, драконы рассердились и ушли в горы. Они могли себе это позволить, потому что питаются мясом, а дичи пока хватает.

А мы вынуждены были остаться, поскольку захиреем вдали от людей, но птенцу я ничего говорить не стал: хватит с него информации на одну учебную ночь. Он и так глубоко ушёл в себя, вообще перестав замечать происходящее вокруг.

Каждого обращённого вскоре после перерождения или в процессе него накрывает тоска, ощущение полной бессмысленности существования, глухая чёрная депрессия, когда мастер особенно нужен и просто обязан находиться рядом, но здесь было что-то другое. Казалось, моего подопечного гнетут иные тёмные мысли. В почти полную потерю памяти, на которую он ссылался при знакомстве, я не верил, чуял, что привирает, но воспоминания о семье или подруге могли оказаться настолько тягостными, что инстинктивно отодвигались в глубины сознания, а вампирская кровь позволяла не только хорошо запечатлеть требуемое, но и забыть лишнее.

Впрочем, увлекаться ни тем, ни другим не следовало. Я попробовал осторожно коснуться этой темы:

— Мальвин, мне придётся регистрировать тебя, а для этого связаться с твоей роднёй. Личность новообращённого должна быть хоть кем-то подтверждена, иначе процесс натурализации затянется надолго, и пищу тебе выделять не станут.

Он даже остановился. От непонятого мне смятения тряслись губы и пальцы, судороги пробегали по лицу, сминая гладкую кожу.

— Я не хочу, — сказал он тихо.

Ну хоть не врёт теперь про трагическую амнезию.

— Ладно, какое-то время я смогу кормить тебя на свои талоны, отложим немного оформление бумаг.

— А разве вампиры не охотятся? Не пьют кровь у живых людей?

— Только по лицензиям, — вздохнул я, — но, чтобы получить таковую, опять же надо становиться на учёт.

Он вновь потерянно брёл рядом со мной, повесив голову так низко, что едва не бодал лбом тротуар. Я ничего не имел против: пусть погрустит, печаль — тоже часть жизни, как и любая другая эмоция.

Едва я примирился с обстоятельствами, как увидел в густой тени аллеи, на которую мы как раз свернули, того самого волка, лорда Аррана. Он стоял словно бы сам по себе, не обращая на нас внимания, но пройти мимо теперь было невозможно. Здравсьте! Не слишком ли часто этот серый с проседью экземпляр появляется на моём пути? Если нашу встречу в транспортном потоке смело можно было считать случайной, а вновь во дворе мы могли сойтись в одно время не по своей воле, то вот это уже визит. Не ко мне в дом, но на мою территорию. Конечно, я давал ему свой адрес, но ведь не затем, чтобы он этими сведениями воспользовался.

Давно следовало насторожиться, я так и сделал бы, не мешай правильным планам природная безалаберность. Папа выбил её из меня отчасти, но это ведь такая вещь, что способна, как пыль в ковре, накапливаться вновь.

Я направился напрямик к оборотню, детёныш потащился следом. Хоть бы чуть бодрее выглядел, а то ведь лорд Арран подумает, что я подопечного истязаю и морю голодом. Какую заинтересованность существо его породы вообще могло питать к чужому птенцу я не представлял, но став сопричастником чудесного спасения, волк имел право проявить известное любопытство.

— Лорд Арран, моё почтение!

Я поклонился полным правилом, хотя мог и средним, учитывая моё хорошее происхождение. Он ответил так же церемонно. Мы пошли рядом, а птенец отвлёкся от своих забот, чтобы поглазеть на нас вволю.

— Как идёт преобразование? — полюбопытствовал волк.

— Несколько ломко, но пока справляемся.

— Я помер, а Элле меня воскресил, — встрял Мальвин, хотя его никто ни о чём не спрашивал.

Я неодобрительно скривился: такому мелкому вообще не по чину было лезть в беседу старших, но оборотень, по виду его, не рассердился, кивнул вполне благожелательно, а птенец смотрел как раз на него, а не на меня. Воспитательная мина пропала даром.

— Тебе повезло попасть на попечение хорошего мастера, — продолжал волк степенно общаться с юным вампиром.

— Это да, — охотно ответил тот.

Чувствуя, что от куртуазности происходящего скоро начнёт тошнить, я спросил прямо:

— Какими судьбами в наших краях, волк?

— Хотел с вами повидаться, да и живу недалеко.

Пожалуй, звучало убедительно, вот только как долго длилось это близко? Он говорил правду, но не всю. Я чувствовал и не мог понять внезапно вспыхнувшего к чужому детёнышу интереса. У меня самого-то он едва тлел. Впрочем, недоверие демонстрировать не следовало, я был благодарен лорду Аррану за помощь и собирался оставаться предельно

учтивым до того момента, когда появится необходимость убивать. Ну если так срастётся.

Прислушиваясь к беседе вампира и оборотня, я невольно усмехнулся, вспомнив свои юные годы, когда отец вот так же направлял на путь истинный, а я слушался, конечно, но про себя думал, что и сам способен до всего додуматься — вещи-то обсуждались простые. Как давно это было! Или недавно. Не ощущал я пока зуда наставничества. То есть, всё моё воспитание собственного птенца до сих пор сводилось к разъяснению, кто вокруг всего опаснее, от кого надо убегать, а на кого позволительно и наехать. Абсолютный минимум выживания в не самой подходящей для этого среде.

Я не дорос до настоящей взрослости или изменившиеся времена сделали подобную метаморфозу не нужной? Люди перевернули мир, их законы подавляли любые иные.

Учтивость требовала пригласить оборотня в дом, но скрытная натура вампира протестовала. Наверное, я слишком рано родился на свет, чтобы не видеть врагов в тех, с кем дрался. Все мирные переговоры казались временной мерой, призванной дать передышку воинам, возможность собрать новые силы. Людям было проще: следующее поколение уже ничего не помнило о проблемах предыдущих, вот смертные и захватили весь мир, потеснив нашу долгоиграющую спесь.

Интересно, как этот старый волк ухитрился перебороть давнюю вражду? Пришёл ведь к нам и не выглядел при этом ожесточённым. Я, правда, тоже. Там и тут работало примерно одинаковое воспитание?

Поглядев на Аррана, с честным вниманием слушавшего птенца, всегда готового залить пустыми речами любые подвернувшиеся невзначай уши, я устыдился набежавших некстати злых мыслей и, перелаывая отслужившую своё гордость, пригласил волка посетить моё жилище.

Он возрился на меня с непонятым одобрением, вежливо кивнул и сообщил, что искренне рад и всё такое.

Отступить теперь было некуда и, пожалуй, между нами двумя возникло бы напряжение, не сглаживай кислую ситуацию оживившийся в обществе волка Мальвин. Чисто человеческий щебет юного вампира низводил старые распри в обыденность, а заодно в прошлое.

Спрашивая себя, зачем я сближаюсь с оборотнем, которому не так уж сильно обязан, я не придумал ответа.

Арран, надо отдать ему должное, повёл себя на редкость предупредительно. Визит он лишь обозначил, просидев на стуле положенное количество минут, сказав мне и птенцу несколько добрых слов и удалился, принеся извинения за избранный для посещения поздний час.

Закрыв за ним дверь, я вольно развалился в кресле и вытянул ноги. Давно не приходилось изображать послушного мальчика из приличной семьи, устал что-то. Мальвин свернулся клубком на диване и заметно погрузился. Я сказал, чтобы его утешить:

— Парень, если тебе по душе этот оборотень, то води с ним компанию. Поверь, я возражать не стану. Он хорошего рода, и должные манеры привьёт тебе успешнее чем я.

— То есть, он очень знатный? — уточнил птенец.

— Да. Я объяснил бы ступени их стай, но устал, а с утра опять на работу.

Мальвин намёка не понял.

— А ты тоже из благородных высших вампиров? — спросил он.

— Мои родители лорды и братья — тоже.

Ему опять не хватило полученные сведения и уточнил, словно всё это могло иметь какое-то значение:

— Получается, что вы с волком — ровня?

— Почти, но почему тебе не дают покоя эти нюансы? Ты слишком юн как обращённый и не обязан соблюдать этикет. Строго говоря, его теперь вообще никто не соблюдает, и, если я донашиваю старые манеры, ты вполне можешь обойтись новыми.

— Знаешь, Элле, — сказал юный вампир с совершенно взрослой серьёзностью. — Я сначала подумал, что оборотень ходит вокруг, поскольку ко мне испытывает участие, но на самом деле, это предлог. Ему нужен ты.

Утром я взял подопечного за шиворот (фигурально выражаясь, конечно) и поволок с собой на работу. Пусть погибает на моих глазах, если опять приспичит. Мальвин испуганно шарахался от ужасного дневного светила, но я объяснил, что пребывание в его лучах менее фатально для цвета лица, чем рассказывают легенды. Впрочем, моя машина была защищена от лишних фотонов, опасаться не стоило.

На самом деле в начальный период свет пугает, но неопасен, чуть позднее, когда завершится становление, придётся его какое-то время избегать. Действовать он будет не убийственно, но неприятно. Высшие вампиры вообще не подвержены этой напасти, мы не особенно любим день, потому что он яркий и шумный, а ночь даёт нам ощущение уюта и многообразия оттенков, но вреда солнце не причиняет.

Птенец увещеваниям вял, а обнаружив, что в моей гримёрной плотно зашторено окно, вообще воспрянул духом и озираться начал не без любопытства.

Чтобы он обвыкся ещё больше, я взял его на репетицию. Актёры часто приводили знакомых, и кот не возражал, иногда даже прислушивался к досужему мнению дилетанта-поклонника, хотя поступал всегда по-своему.

Велев Мальвину тихо и скромно сидеть в полутёмном и вполне комфортном из-за этого зрительном зале, я выскочил на сцену как раз в нужный момент, успел со своей репликой и даже нормально отыграл весь кусок, хотя партнёр делал недовольную рожу всякий раз, когда по ходу действия ему приходилось отворачиваться от зала и смотреть на меня.

Признаться, эти мелкие пакости ничуть не сбивали. Я, в отличие от людей, моментально заучивал текст и следовал указаниям кота Ивера так точно, что был его любимцем. Как он говорил иногда: «Свой талант невелик, но как замечательно умеет выразить чужой!» Я и тут не обижался. Раз работа приносила достаточно средств, значит, уже была хороша.

Как всегда, я увлёкся процессом появления нового спектакля и совершенно забыл о подопечном, но, когда пришлось прерваться, поскольку сцену следовало освободить для дневного представления, вспомнил о нём и даже слегка удивился, обнаружив на том же самом месте, где оставил.

Мальвин сидел в состоянии задумчивого очарования, глаза поблёскивали мечтательно.

— Понравилось? — спросил я, уводя его обратно в гримёрку.

— Очень. Это так необычно. То есть, когда смотришь фильм или пьесу в театре не думаешь о том, что представление ведь не само по себе возникло, а требовало работы. Наблюдать, как много вариантов перебрали участники, очень странно и хочется понять, почему остановились именно на этом конкретном.

— Если тебе по душе, я спрошу у Ивера. Нам часто требуются статисты на подмену. Деньги платят небольшие, но и они пригодятся. Пока я договорился, что будешь после представления убирать зрительный зал и подсобные помещения.

Птенец споткнулся на полушаге и уставился на меня так, словно у него выросла, в дополнение к имеющейся, ещё одна пара глаз. Я не сразу понял, чем внезапно потряс его воображение. Сообразив же, объяснил:

— Это нормальная служба, я и сам частенько подменяю штатных уборщиков. При нашей силе управиться нетрудно, особенно учитывая ночное время. Ты прежде не работал

нигде?

Он покачал головой:

— Учился.

— Ну дело несложное. Поначалу я стану помогать, а там освоишься. Поверь, пока перестройка организма не завершится полностью, постоянную должность лучше не искать.

Я-то считал, что и эта недурна для юнца, который вряд ли что-то умеет делать руками, но он погрузился в тягостное, если судить по виду, раздумье и не приставал с разговорами всё время пока я переодевался для роли и красил лицо.

В сегодняшнем дневном спектакле у меня было несколько коротких выходов, растянутых на всю пьесу, так что большей частью я торчал в кулисах, поглядывая иногда в публику, чем работал на сцене.

Когда я узрел, на этот раз в задних рядах, а не на самом виду, всё того же черета, я даже не удивился.

Странный интерес к моей особе кажется, принимал характер эпидемии. То веками никому не пригождался, то вдруг представитель разных рас и культур начали разглядывать меня как нечто годное в быту и применимое для каких-то целей.

Когда птенец заявил, что волк ходит за нами двоими, имея в виду мою душу, я не сразу поверил, в основном потому, что плохо понимал, зачем ему это надо? Кто я был для лорда Аррана, главы семейной ветви? Младший отпрыск из рода бывших врагов — существо по всякому разумению неинтересное. Убивать старых противников теперь избегали, месть такой длины я в принципе представить себе не мог, да и повода для неё не находил. Как раз с этой стаей мой род практически не пересекался, мы сражались в одних войнах, но на разных, как теперь говорят, фронтах.

— Да ну, ерунда! — сказал я подопечному. — Просто ты пробудил в нём ржавеющий без дела отцовский инстинкт. Всё же к твоему избавлению от мучителей он приложил руку.

— Нет, Элле! На меня он смотрел сочувственно, а на тебя с нежностью, — ответил птенец. — Так что на всякий случай надёжно застёгивай штаны и задом не поворачивайся.

Я едва не отвесил ему подзатыльник за извращённые и необоснованные измышления, но потом призадумался. Ведь и у меня возникали смутные подозрения по поводу волчьего интереса, только я отметал их как не имеющие практического смысла, рассматривал как случайность. Питать симпатию к вампиру? За что? У наших рас не рождалось смешанного потомства, так что заподозрить в оборотне тайного отца я не мог в принципе, да и жизнь не пьеса, а зная мою маму, я скорее ожидал бы увидеть коврик из свежей шкуры на полу её спальни, чем волка в её постели.

Не найдя серьёзного повода для тревоги, я решил плюнуть на всё и жить своей жизнью, дожидаясь, пока события, если они вообще предполагались, разовьются без моего участия, но вторичный визит в театр черета насторожил.

У вампиров превосходное зрение, так что даже в полумраке зала и на значительном расстоянии я без труда разглядел выражение его лица: неясную смесь отчуждения, принуждённости и временами искреннего интереса к происходящему на сцене. Узрум пришёл сюда не потому что воспылал внезапной страстью к театру, его привело иное стремление.

Опять всё вращалось вокруг моей незначительной особы, и причин столь странного внимания я понять не мог. Разыгравшаяся паранойя напомнила, как я удивился, когда в решающем кабинете чиновничьего дома увидел черета, а не человека. Что если он для того и

заместил постоянного владельца этой должности, чтобы свести знакомство со мной? Зачем? Просто так ведь вампиров не обхаживают. Нас низвели на социальное дно и чаще всего демонстративно избегали.

Озабоченный разнообразными, скорее всего нелепыми предположениями, я едва не пропустил нужный момент, но пьеса шла давно, и роль я выучил до автоматизма, так что легко справился с затруднением.

Выходя вместе со всеми на поклон, я опять устремил свой взор на дальние места, но черета там не обнаружил. Скрылся, чтобы я его не приметил? Полагает, что вампир способен просмотреть знакомое лицо в не таком уж обширном зале?

Ну если у него есть во мне нужда, рано или поздно он её проявит.

В кулисах я обнаружил птенца, который покинул гримёрку, где ему велено было сидеть и смотрел финал представления. Я рассердился на него за непослушание, но воспитательные речи отложил до лучших времён.

— Подремал бы лучше! — сказал сурово. — Ночью предстоит поработать, побереги силы.

— Тут так интересно, — заявил он, но послушно вернулся в комнатку и устроился на диванчике.

Вообще-то я собирался полежать на нём сам, другого в моём распоряжении не имелось, но заблаговременно не учёл этот очевидный факт. Теперь предстояло смириться со многими невозможными прежде вещами. Когда птенец заснул, а отрубаятся неофиты мгновенно, я со вздохом растянулся на голом полу. На ковёр моих доходов не хватало.

Дневных репетиций у меня сегодня не было, а ехать домой я не видел смысла, поскольку договорился с двумя поклонницами о встрече незадолго до вечернего представления. Следовало поесть самому и покормить Мальвина. Свежайшая прямо из вены кровь — лучшая еда для любого из нас, а уж новообращённый нуждался в ней как никто другой. В прежние времена, если хотели наделить неофита особой силой, позволяли ему убить в пору преобразования, но и тогда прибегали к этому способу нечасто. Мы вообще редко лишали кого-то жизни, разве что в бою.

Только я поудобнее устроился на деревянных половицах, как услышал знакомые шаги. Нет, по коридору пробегали и сослуживцы, но поступь любого из них была мне хорошо знакома и просто не привлекала внимания.

Черет остановился у моей двери, нерешительно потоптался на месте. Я продолжал лежать, дожидаясь решительных действий с его стороны. Тлела смутная надежда, что он просто опять заблудился, найдёт мимоходом помощь или сам протащится мимо, не решившись беспокоить актёра, погружённого в непостижимое непосвящённым постижение роли. Мне как всегда не повезло. Слегка стукнув в дверь, он её приотворил.

Моя распростёртая на полу фигура так поразила его воображение, что он застыл в проёме, хлопая веками. Свернувшийся калачиком на диване Мальвин, как видно, тоже в колорит места не вписывался. Я сжалился над несчастным, далёким от творческих театральных будней чиновником, вскочил и доложил, как положено:

— Это мой птенец, он ещё не зарегистрирован, потому что плохо переносит метаморфозу, кормлю я его на свои талоны и поставлю на учёт, когда общее состояние стабилизируется.

Если кто-то настучал на меня по поводу Мальвина, а стук среди культурных людей — дело обыкновенное, то отмаза выглядела вполне правдоподобно, да и к истине лежала

близко.

Узрум вновь без интереса глянул на птенца и спросил:

— Я хотел поговорить. Можем найти уединённую комнату?

— Да располагайся хоть здесь, в гримёрке: сейчас тихо, никто не придёт, а неофиты спят как камни и ничего не слышат.

Он мне не поверил, но и произносить это вслух не счёл возможным, ну так я понял возникшую в беседе заминку.

— Ладно, если это место не устраивает, могу предложить другое, но там ещё скромнее, если говорить об обстановке.

— Мне всё равно, — сказал он тихо.

Дело, значит, тайное и серьёзное. Чем мог подействовать бедный актёр статусному визитёру? Судя по сшитому на заказ костюму, черет мой монетки не считал. Впрочем, нищих чиновников я вообще никогда не видел.

Я провёл его в дальний коридор, где находилась каморка уборщика. Точнее помещение относительно большое, но забитое инвентарём. Я отпер дверь, включил свет и предложил Узруму один из двух имевшихся здесь стульев.

— Этими машинами чистят театр, — пояснил я в ответ на его удивлённый взгляд. — Я иногда подменяю постоянного сотрудника, а сегодня и птенца приставлю к делу. Пусть сам зарабатывает на свою порцию крови и заменителя.

— Значит, денег у вас негусто, — резюмировал он.

Я это заявление не прокомментировал. Не скажу, что бился в тисках нужды, мне хватало, но, когда новообращённый занят полезным трудом, а не бессмысленными рефлексиями, преобразование идёт лучше. Вдаваться в эти тонкости не следовало, черет и так нервничал, стремясь приступить к своему делу, а не вникать в чужие проблемы.

— Я могу предложить приличное вознаграждение за определённую работу, — сказал он глянув на меня остро и, как ему, наверное, казалось, пронизательно.

Я всё ещё недоумевал, но кивнул, соглашаясь выслушать Узрума, хотя всё более сомневался, что он способен предложить исключительно законный способ обогащения. Предыстория вопроса доверия не внушала.

— Дай слово, что сохранишь в тайне всё, что я сейчас скажу, вне зависимости от того, согласишься ты или нет.

Вот теперь занервничал я всерьёз. С самого начала следовало вдуматься и понять, что добром такие контакты не завершаются, но я по своей милой привычке плыл по течению, надеясь, что оно вынесет меня в красивую заводь, а не к сточным трубам, хотя опыт подсказывал, что всё произойдёт с точностью наоборот.

По уму следовало отказаться сразу и вернуться в гримёрку к птенцу, но передо мной сидел чиновник, вполне способный изрядно осложнить мою и без того непростую жизнь. Насколько этот черет мстителен я не представлял, зато догадывался, до какой степени облечён властью. Теперь я уверился, что должность в департаменте он обеспечил себя именно для того, чтобы выбрать из проходящих к нему вампиров наиболее доступную жертву. Такое предположение выглядело разумным, да и самым мрачным. Любое другое скорее радовало.

— Даю слово, — вздохнул я.

Его мои колебания не охладили, наоборот, судя по тому, как тревога стёрлась с лица, уступая место решимости, воодушевили.

— В ближайшие дни тебя вызовут для совершения казни, — сказал он тихо. — Подходит срок исполнения твоей ежегодной лицензии.

— Да, спасибо, — пробормотал я машинально, он зыркнул в ответ не то с вызовом, не то с отчаянием.

— Я заплачу, если ты не убьёшь жертву, а лишь сделаешь вид, что убил.

Я не сразу понял, что он имел в виду, когда, наконец, до меня дошло, не вдруг сообразил, зачем добропорядочный высокопоставленный черет идёт на такую авантюру.

— Ты хочешь спасти приговорённого?

— Да, хочу.

Близкий друг или родственник, такое случается. С топором трудно договориться, а с палачом — можно. Убивая человека, вампир получает мощную подпитку, которая достаточно долго сохраняет его на определённом уровне бытия, поэтому лицензированные казни так важны для нас. Теперь все живые существа состоят на учёте, это раньше можно было подловить разбойника на лесной тропинке и спокойно закусить ни перед кем не отписываясь, теперь существовал единственный способ получить требуемое: оставаться добропорядочным гражданином.

Драконы смогли уйти в свои горы, а вампиры остались и превратились по сути в пленников человечества.

Я размышлял. Холод, который возник внутри от слов черета, тихо расползлся по нервам. Когда он добрался до кончиков пальцев, я сказал:

— Ты подбиваешь меня на преступление.

— Вампир, я не стану говорить, что могу устроить тебе кислую жизнь, если ты откажешься, ты и сам всё знаешь. Я прошу. Этот приговорённый важен для меня. Я понимаю, на какой идёшь риск и сделаю всё, что в моих силах, чтобы облегчить тебе задачу, но самое главное можешь устроить только ты. Мне не к кому обратиться, я уже пытался надавить там и здесь, но ничего не вышло. Кому-то очень хочется, чтобы предначертанное свершилось.

Загнал меня в угол и прекрасно отдавал себе в этом отчёт. Я — тоже. Лишение лицензии на убийство было началом деградации. Без нужной подпитки я мог протянуть несколько лет, ведя тусклое существование полутрупа. Что ждало потом, старался не думать. Срыв и вслед за ним каторга или умерщвление, либо провал в обморочный сон.

— Я могу узнать, в каком преступлении обвиняется твой протеже?

Узрум сник, я видел, как до побеления костяшек стискиваются его ладони, подумал ещё, что поранится ненароком собственными когтями, но подобные мелочи сейчас не слишком беспокоили меня, а его — тем более.

— Убийство новорожденного ребёнка.

Да, за такое душегубство череты пощады не давали, а не за человека ведь радуется этот чиновник: так любить можно лишь особь своего вида. Женщину, судя по сути момента.

— Твоя подруга? Ребёнок тоже твой?

Он посмотрел на меня с прорвавшейся сквозь полинявшую сдержанность ненавистью, но ответил коротко и чётко:

— Да!

И как мне следовало реагировать? До чего же спокойно было в тени, когда я никому не требовался для того, чтобы отвести судьбу от другого и в случае неудачи угодить в неё самому. Теперь недолгое благополучие вампира закончилось. Пролился на меня недобрый

свет жестокой рампы нового времени.

Мысли изрядно путались, давно не приходилось принимать жёстких решений, я чересчур обжился в неприветливом, но хоть отчасти стабильном мире. В прежние времена прибил бы я этого черета, брезгливо отряхнул ладони и на том бы дело завершилось. В благородном суде верили слову сына лордов, да я и не имел привычки врать.

Теперь этот безродный чиновник держал меня за горло. Я без труда догадался, что отказ дорого обойдётся, и хорошо, если только мне одному. У него есть деньги, а Триэвиры теперь семья бедная. С достатком можно решить любые вопросы. Купит этот ублюдок как вампира, так и других участников процесса, раз уж приспичило ему выручить свою подружку.

— Ты хочешь спасти женщину, которая убила твоего ребёнка? — спросил я в безнадёжной попытке развалить едва начатое дело.

И преступление немислимое, и жалость к тому, кто его совершил откровенно удивляет.

Его скулы злобно напряглись, сердито выпятилась челюсть, но я был ему нужен, потому ответ всё-таки получил:

— Мы поссорились. Она тогда не знала, что беременна, а потом побоялась сказать. Рожала одна, тайно, видимо, испугалась, когда ребёнок начал кричать, вот и убила. Только люди всё равно услышали и донесли.

Он говорил такими напряжёнными резкими фразами, что я не рискнул разъяснять подробности. Не они решали дело. Зачастую нам и вообще ничего не сообщали о приговорённом. Кого казнить, кого миловать решал человеческий суд.

Я вздохнул и счёл своим долгом внести некоторую ясность в поднятый вопрос: мучило ощущение что черет самонадеянно взялся за предприятие, не ведая его нюансов, да вообще плохо представляя, с чем столкнулся:

— Ты знаешь, как происходит казнь? Я исполнял приговор неоднократно, потому хорошо осведомлён. Осуждённого приводят в специальную камеру и оставляют наедине с вампиром. Все ждут снаружи. Убить можно быстро или растянуть удовольствие, это на наше усмотрение, это разрешается, но потом тело осматривает судебный врач. Он удостоверяет наступление смерти. Затем труп кладут в мешок и отвозят в печь. Сопроводить его к месту уничтожения тоже обязанность вампира, хотя дорогу и процедуру оплачивает казна.

— Да, я узнавал, как всё происходит, — бесцветно сообщил он в ответ. — Большинство препятствий преодолимы. Вампир ведь способен ввести жертву в транс, подобный смерти, врачу заплатят за то, чтобы он был не слишком придирчив, остальные члены комиссии, скорее всего, на тело и не взглянут. Далее ты кладёшь казнённого в мешок, лично относишь в фургон и кроме водителя никого с вами не будет. Вампир вполне способен управиться без посторонней помощи, так что сопровождение не требуется, да и кому охота тащиться на окраину, где расположен крематорий? В пути я устрою что-то вроде небольшого дорожного происшествия, человека займут разбирательством, и мои помощники подменят одно тело другим.

Я возразил:

— Если ты вовлекаешь в предприятие посторонних — я сразу отказываюсь от затеи. Всё мигом раскроется. Одно дело врач — там всегда можно сослаться на ошибку, но прямые соучастники слишком ненадёжны.

Он посмотрел на меня, поколебался, затем кивнул.

— Ты прав. Я сделаю сам. Поменять спящую женщину на труп ты можешь в одиночку, а я отвлеку водителя. Хорошо, что мы договорились.

И где он возьмёт подходящего мертвеца? Хотя в морге, наверное, несложно приобрести безвестный труп. У людей такой обычай, что всё покупается и всё продаётся.

— Вовсе нет, — возразил я. — Мне надо подумать. Ты ведь понимаешь, что в случае неудачи, я окажусь за решёткой.

Он неприятно улыбнулся краем щеки:

— Вампиры бессмертны, ну или хотя бы долговечны, что тебе стоит отсидеть несколько лет, когда потом ты получишь приличную сумму и сможешь вести безбедную жизнь.

Как же достали нынешние нувориши со своим деньгометром, словно других ценностей не осталось в нашем мире. Хотя, может быть, так и есть.

— Ага. Это если меня не казнят, а такой вариант тоже исключить нельзя.

Он вскочил, глядя на меня сверху вниз.

— Думай! Только не слишком долго. Знаешь почему я выбрал тебя, одного из многих? Потому что ты благородного происхождения, и твоему слову можно верить, а ещё потому что не один на белом свете. У тебя есть родители и братья, судьба которых вряд ли безразлична. Я из очень влиятельной семьи, с большими возможностями. Так что хорошо подумай, вампир. Я приду завтра, за это время ты должен решить, желаешь ли ты благополучия своим близким, как я желаю его своим.

Отрубил и вышел, только что дверью не хлопнул, а я остался сидеть среди блестящих машин.

Оцепенение, охватившее меня на несколько минут, было атавизмом очень древних времён. Иногда следовало вот так отключить себя от происходящего, экономя отнюдь не беспредельные ресурсы организма.

Впрочем, я не мог позволить себя впадать в транс, сейчас это не работало, да и кроме того, что на меня свалили изрядные неприятности, оставалась обычная жизнь: приходилось делать всё, что положено, а не упиваться в гордом одиночестве страданиями.

Я запер кладовку уборщика и вернулся в гримёрку. Её я тоже запер перед тем как уйти, чтобы птенца никто случайно не потревожил. Внезапно разбуженный он мог повести себя агрессивно. У двери мялись, негромко переговариваясь, два кормильца. Поклонники, которые не отказывали мне изредка в порции крови, более того, гордились тем, что могут быть так полезны своему кумиру.

Меня изрядно смущало чужое восхищение, поскольку сам себя большим артистом не считал, но результат устраивал. Заодно и сэкономленные на бесплатной кормёжке талоны пошли на пользу. Мальвин по-прежнему темнил насчёт своего прошлого, а кушать-то хотел каждый день. Девушка, увидев спящего птенца, немедленно уставилась на него, причём с откровенным интересом:

— Какой хорошенький!

Я внимательно посмотрел на него. Прежде внешность подопечного меня не интересовала, да и сейчас ничего занимательного не разглядел. Обычный современный гладкий юноша, мне он никак не казался привлекательным, впрочем, как и его декоративно накачанные соплеменники. Красота — это функциональность, мышцы должны работать, а не производить впечатление, но люди думали иначе. Я с ними не спорил.

— Можно я буду кормить его? — продолжала девушка.

Вот так и уходит любовь, я мысленно улыбнулся. Теперь у этой симпатичной малышки

новый кумир.

— Разумеется, только сначала я его разбужу.

Пока я учил Мальвина правильно питаться, чтобы сумел и насытиться, и человеку вреда не причинить, пока ел сам, в голове вертелись мысли о том, что мне делать, когда и как.

Отказать проклятому черету я не мог. Судя по тому, с какой лёгкостью он проворачивал дела, род его действительно обладал немалым влиянием, и угрозы навредить моим близким звучали более чем серьёзно. Младший в семье, я просто обязан был пожертвовать собой ради благополучия родителей и братьев. Кроме того, вся авантюра могла ещё завершиться вполне успешно.

Наверняка вампиров и прежде просили пощадить ту или иную жертву, но эта важная полноценная еда была слишком важна для нас, чтобы легко поддаться на уговоры. Подумав о том, что могу лишиться столь необходимой мне порции силы, я изрядно приуныл. Мелькало так же соображение, что черет, получив желаемое, вполне способен со мной тихо расправиться. В пьесах, где я играл, при таких обстоятельствах писали письма с указанием «вскрыть в случае моей смерти», но признаваться в преступлении — значило опозорить род. Я решил, что и сам справлюсь, а если нет, так хоть погибну, не замавав семейное имя.

Другой важной заботой я считал птенца. До свершения правосудия, орудием которого мне в очередной раз предстояло стать, оставалось ещё несколько дней и за это время я должен был натаскать Мальвина, научить его принципу выживания и базовым навыкам. Приставить к работе и обеспечить приютом.

При самом скверном раскладе оставить ему в наследство я мог разве что квартиру, поскольку поместье считалось неотчуждаемой родовой собственностью, но и это уже было неплохо. Имея приют и нескольких кормильцев, он жил бы самостоятельно, а там и оформил статус. Если мне он по какой-то причине не хотел светить родню, то чиновникам это было всё равно. Главным сейчас оставалось научить птенца что и как делать, чтобы прожить первый год. Я верил, что справлюсь с задачей.

— Что-то случилось? — спросил Мальвин, когда ребята ушли, а я начал готовиться к вечернему спектаклю.

Пришла пора решить, что допустимо сказать, что нет. Посвящать его в подробности предстоящего преступления, никоим образом не следовало. На вампиров стремились повесить всё, что угодно, а уж соучастие — в первую очередь. Я прикинул, какую придумать ложь, а потом решил, что обманывать тоже не дело. Лучше сказать не всю правду, чем откровенно наврать.

— Мне очень жаль, Мальвин, но обстоятельства могут сложиться так, что ты вынужден будешь остаться без моего покровительства. Есть причины недобрых событий в моей жизни, но они не должны коснуться тебя.

— Ты уезжаешь?

— Вполне вероятно, что меня вынудят это сделать. Через несколько дней всё решится, а поэтому тебе надо приложить максимум усилий к тому, чтобы освоиться в новом существовании. Я думаю, ты справишься.

Он повесил голову и, похоже, призадумался. Я решил дать птенцу время поразмыслить, потому принялся накладывать грим. Чтобы информация усваивалась лучше, предстояло выдавать её небольшими порциями.

Я закончил переодеваться и взялся за шляпу, когда Мальвин переварил то, что уже успел услышать, и посмотрел пытливо и как-то очень по-взрослому.

— Тебе угрожает серьёзная опасность?

— Не будем драматизировать, мы пока не на сцене. Вампир может рассчитывать лишь на себя, потому всегда есть шанс попасть в неприятное положение. Если ты ещё не осведомлён, до какой степени мы ограничены в правах, то самое время осознать этот факт.

Мальвин встрепенулся, явно хотел сказать что-то, но передумал и помрачнел как предгрозовое небо, а моему взору предстала в очередной раз повешенная голова.

— Послушай, — сказал я осторожно, не желая его лишней раз ранить. — Если ты не хочешь сообщать мне сведения о твоих близких, то и не надо. Я готов уважать разумную тайну. Ты и сам сможешь зарегистрировать свои права, я объясню, как это сделать.

— То есть, ты не поверил, что я всё забыл? — хмуро спросил он.

— Я знаю, что ты лгал, ты тоже вскоре научишься сразу отличать искренне с тобой говорят или нет, это несложно.

— И всё-таки ничего не требуешь?

Он поднял голову и поглядел с непонятным вызовом, словно его секреты были ещё грязнее моих. Вникать особо не тянуло. Я собирался выполнить свой долг мастера, а не жить за него жизнь.

— Мальвин, ты мой птенец, и свои обязанности я знаю. Сегодня после представления научу тебя хотя бы самую простую работу делать. Без дозы крови или заменителя не останешься, деньги, пусть небольшие, будут, у меня скопилось изрядное количество талонов на питание, на первое время обойдёшься этим, а там натурализуешься, не пропадёшь. Искусственная кровь стоит недорого, иногда придётся пробавляться и этим. Документы для её приобретения не нужны.

— А талоны целы потому, что тебя вот такие ребята кормят? — спросил он, и опять мне почудилась боль за здоровым в целом любопытством.

— Да, у актёров часто бывают фанаты. Я не такая заметная величина в этой отрасли, вампиру в любом деле сложно подняться потому что нас негласно отодвигают с пути, но я всё же чего-то добился, и есть люди, которым нравится моя игра.

— Мне тоже нравилась, — сказал птенец, — хотя я и не знал тогда, что ты вампир.

— А теперь? — мне стало любопытно.

— Теперь ещё больше. Я стоял в кулисах и совсем забыл, где я, настолько достоверно вы с той красивой дамой ссорились. Причём ведь понятно было, что вы друг другу дороги, но каждый боялся это признать.

У меня челюсть отвисла. Бывают комплименты и комплименты.

— Спасибо! — сказал я искреннее.

Мальвин не видел всей пьесы, но по отрывку, маленькой сценке сумел понять так много. В нём, конечно, пробуждалась вампирская чуткость, но не только. Я подумал, что со временем из него вырастет приличной силы обращённый.

Впрочем, разговор пришлось прервать, поскольку меня позвали на сцену. Включившись в действие, я как всегда забыл неприятности прошлые и будущие, переселился в другой мир, где беды тоже на меня обрушивались нешуточные, хотя там всегда сохранялся контроль над ними. В искусственном мире я существовал как персонаж пьесы, а здесь, в реальном, увы, оказался не героем.

Мальвин опять пробрался посмотреть спектакль. Актёры его не гнали, хотя многие поглядывали с удивлением. Я составлял ему компанию, когда на сцене обходились без меня. Показалось, что птенец начал проникаться происходящим не как красивой безделицей, а как

сложным механизмом чуда. Я подумал, если возьмут в эпизоды, он не подкачает.

А вот с уборкой у нас не срослось крепко.

Поначалу Мальвин выглядел так, словно ему предстоит сделать что-то ужасно неприличное, шарахался от техники, вообще смотрел на неё с непонятным мне отвращением, потом машины начали ему нравиться, а вот способ применения — нет. Я про себя потешался. Как видно, ребёнок был слишком избалован, чтобы понимать необходимость рутинной работы.

Пришлось увещеванием и примером пробудить в нём интерес к происходящему. Провозились мы долго, но разглядывая, как блестит всё вокруг после тщательного наведения порядка, Мальвин немного развеялся и начал подбирать оправдания.

— Если ты, сын лорда, не стыдишься заниматься этим, то и мне нужно научиться смотреть на вещи по-иному, — сказал он задумчиво. — Раньше мне и в голову не приходило, что на всякую проблему можно взирать с разных сторон.

— Маленький эгоизм вполне простителен, когда от него излечиваешься, — согласился я. — Поверь, во времена собственной юности я тоже не был рассудителен и полон неоспоримых достоинств. Ты лишился человеческого века, но получил взамен нашу жизнь и найдёшь силы и возможность пересмотреть заблуждения и превратить их в полезные навыки.

— Мне казалось, что потерял я больше чем приобрёл, — внимательно посмотрев на меня произнёс птенец, — но теперь так не думаю и сокрушаюсь, что немало часов человеческой жизни провёл зря. Элле, спасибо, что ведёшь себя не как строгий учитель или суровый отец, а как старший брат, который ещё не забыл, что тоже совершал ошибки.

— Ну повода особого не было превращаться в грозного властелина судеб, но если дашь, я могу и попробовать.

Птенца эта угроза развеселила, и я подумал, что мы вполне поладим, если преступный сговор с черетом обойдётся без последствий и птенца придётся пестовать весь положенный год. Уже поладили.

Ночь только начиналась, поэтому я предложил прогуляться по одной из людных улиц. Теперь необязательно было выбирать глухие тропы, Мальвин вполне освоился с новыми возможностями, и я решил, что пора поднатаскать его в распознавании намерений людей. Молодому вампиру следовало понять, что шипов на розе нашего существования ничуть не меньше чем благоуханных лепестков. Последние неумолимая поступь прогресса по сути дела втоптала в пыль.

Я велел парню следовать за мной на некотором удалении и считывать реакции смертных, взвешивать их чувства. Во мне без ошибки видели вампира, я даже косу перекинул на грудь, чтобы ни у кого не возникало сомнений в подлинности сути. Признаться, это получился жестокий урок, но страшась утекающего от меня времени, я хотел ясно дать понять Мальвину все сложности изменённого существования.

Кажется, он впечатлился даже больше, чем я рассчитывал, потому что, когда свернули к дому, намереваясь как следует отдохнуть вид у него был не только утомлённый, но и очень несчастный.

— Тебе странно? — спросил я.

Он кивнул.

— Я сейчас узнал так много, что иногда прихожу в ужас от того, что за всю предыдущую жизнь усвоил слишком мало.

Мне это высказывание показалось не совсем ясным, но оно вылетело из головы, потому что во дворике рядом с нашим домом я увидел чинно отдыхающего на одной из скамеек волка.

Как-то за последними событиями я забыл, что у меня есть, оказывается, ещё одна проблема. Она сама напомнила о себе, притопав на мягких лапах.

После того, как один мой, якобы, поклонник раскрыл свою мрачную суть, я не особенно верил в то, что интерес старого оборотня принесёт мне пользу и процветание. С чего бы это? События пока развивались не в мою пользу. Любезность любезностью, но под её шёлковыми перьями всегда таится плоть и кровь традиционной вражды.

Мысленно я вздохнул. Птенец у меня клевал носом, утомлённый или работой, или моими нудными наставлениями, а тут ещё приходилось любезничать с волком, который нарезал круги не то вокруг меня, не то вокруг моего барашка. Зная примерно, как охотятся серые твари, я воспринимал пребывание в поле моего зрения одной из них довольно однозначно. Лорд Арран, возможно, не питал ко мне ненависти, но и любви между оборотнем и вампиром неоткуда было взяться.

Не в лучшем из своих настроений я подошёл к матёрому и поклонился.

— Лорд Арран, здоровья тебе и всей родовой ветви.

Он дружелюбно улыбнулся.

— Спасибо, младший Триэвир. Ровной жизни.

Я невольно уловил его запах и распознал терпкий привкус недавней метаморфозы. Бегал где-то волк, разминал лапы. Глухая тоска от того, что сам я привязан к человеческому облику, сжала сердце. Всё тело зачесалось от неистового желания выплеснуться в активной сути, побыть с вольным ветром. Я глубже втянул воздух, стараясь, чтобы моя любознательность не выглядела как горький вздох.

— Зайдёшь к нам?

Он вероятно, чувствовал, что зову лишь из пустой учтивости, а на самом деле слишком дороги мне границы родного логова, покачал головой.

— Хотел предложить прогулку, но смотрю, птенец твой устал, совсем выбился из сил.

Мальвин многозначительно поглядел на меня, даже подмигнул тем глазом, который не попадал в поле зрения оборотня: мол, говорил я тебе, кто ему нужен, хотя не объяснял зачем. Ну хоть настроение улучшилось у птенчика. Он опять без тени сомнения вмешался в чужой разговор:

— Так в чём проблема? Уложите меня спать и прогуляйтесь вдвоём. Что я, вчерашний человек, только мешать буду беседе тех, кто помнит старые времена, — заявил мой подопечный с самым серьёзным видом.

Выпрашивал он, конечно, суровую затрещину, ну да я не придерживался строгого канона, когда в сторону не шагни, кого хочется не пей. Преображение нового вампира продвигалось правильно, и уже не было повода опасаться за его жизнь. Не то чтобы меня тянуло на прогулку с волком, но я полагал, что зовёт не просто так, а готов объяснить сущность тех неприятностей, которые ожидают меня с его стороны.

Лучше заранее узнать всё плохое. Черет вот потрудился предварить о том, в какой меня загоняет капкан, и вроде стальные челюсти судьбы уже не кажутся такими жёсткими. Ко всему можно привыкнуть, если есть время и необходимость.

Лорд Арран пожелал ждать на улице, а я поднялся с Мальвином в квартиру. Он начал болтать, едва мы оказались наедине:

— Может быть, он хочет усыновить тебя? Благородный старец в поисках подходящего героя.

Я всё же дал ему лёгонький подзатыльник, законно увещевая, и объяснил, что нельзя, имея дело с этим народом, употреблять некоторые слова и понятия, а также заверил, что при живых-здоровых родителях казусы вроде усыновления вряд ли простительны и осуществимы.

— Ну тогда, наверное, он просто вознамерился оставить тебе наследство. Непохоже по запаху, что у этого волка есть кто-то близкий. Интересно, он богат? Тебе деньги бы не повредили.

— Разобрался почти без подсказки в статусных метках — это хорошо, но откуда меркантильный оптимизм? Мы вечно воевали с оборотнями, в лучшем случае можем быть взаимно учтивы, а не дружелюбны.

— Просто мне хочется верить в лучшее, — серьёзно сказал Мальвин. — После того, как я натерпелся страхов из-за превращения, а вы с волком явились спасителями, я всё время пытаюсь внушить себе, что плохого уже не случится.

Хотел бы я дать гарантии, но у самого их не водилось. Кстати, хорошо, что напомнил мне этот момент, следовало ведь ещё разобраться с тем, кто вверх человеческого юношу в чересчур суровое приключение.

Смутные подозрения у меня постепенно наметились, поэтому, пока поднимались в квартиру, я расспросил птенца подробнее о внешности милой дамы, что заморочила его голову, заодно и о местах, где они встречались. Не следовало оставлять неразъяснённым странное поведение вампира. Любой протестант или сумасшедший мог подставить весь наш вид под ещё более жёсткие ограничения.

Мальвин был добросовестен, но рассеян, не так много деталей он и запомнил, но я решил, что и этого будет достаточно. Вблизи я почувствую запах крови, которой поделилась безответственная вампирша. Птенца я подобрал не кормленным, так что сохранился на нём аромат источника без изъянов. Я его, естественно, запомнил.

Дав суровые наставления Мальвину и машинально погладив его по голове, чтобы подновить мой запах, я переоделся и спустился вниз.

Волк сидел всё на той же скамейке, похожий на обычного немолодого мужчину, вышедшего подышать перед сном свежим воздухом, но даже люди должны были ощущать идущую от него волну угрозы. Они, кстати, и чуяли, потому рядом никто не болтался.

— Хочу пригласить тебя в некое приятное место, — сказал лорд Арран. — Я люблю там бывать, но одному иногда грустно, а товарищами я здесь ещё не обзавёлся.

У меня клыки шевельнулись в дёснах, но виду я не подал. Разговоры о дружбе больше напрягали, чем успокаивали мою подозрительную вампирскую душу. Тем не менее, я спокойно пошёл с волком, сел в его просторную машину и с удовольствием устроился поудобнее — в моей мини такое никогда не удавалось — коленям не хватало места.

Бояться я его не боялся. Физически я был гораздо сильнее. Я и с молодыми оборотнями справлялся без особого труда, а тот, что на излёте, пришёлся бы на один клык. Вот только не всё в нашей современной жизни решали мощь и скорость, как мне наглядно продемонстрировал Узрум. Чаще теперь правили бал предательство и крючкотворство.

Лорд Арран деликатно расспрашивал меня о моих делах, выразил должный восторг романтичностью моего занятия, я предложил ему контрамарку, и он её принял. Общение шло до тошноты правильно, отчего я напрягался ещё больше. Волк наверняка чувствовал тяжёлый настрой, но никак не подавал виду, что его это задевает. Вполне вероятно, ему нравилось ощущать власть над более могучим, но поставленным в сложное положение собеседником — так я подумал позднее, а в целом ничего не понимал.

Мы ехали довольно долго по уже полупустым улицам, пока не оказались на одной из незнакомых мне окраин. Пахло лесом и болотом, дома терялись в густых зарослях, оставаясь в отдалении.

— Здесь можно летать, — сказал оборотень.

Признаться, резервации не слишком меня привлекали, я обычно переламывался только в родном поместье, но в этом парке оказалось очень тихо и совершенно безлюдно. Резкие запахи города почти терялись на ровном фоне живой природы.

— Ты ведь утомился без воли, составь мне компанию.

Я ответил не сразу, не слишком понимая, приглашают меня побегать или подняться в небо. От волка я не отстал бы и в человеческом облике, но путаться в подлеске не тянуло.

— Хорошо, попробуем.

Мы шли довольно долго, последние признаки жилья остались позади. Выбрав приличных размеров полянку, я потянулся всем телом, а потом скинул куртку, рубашку и позволил развернуться крыльям. Ощутимо шатнуло от одного только ощущения этих великолепных плоскостей за спиной. Страстно повлекло к звёздам, я уже вынюхивал жадно воздушные потоки, почти забыв о присутствии рядом оборотня, потом сильно оттолкнулся и выбросил себя вверх. Взмах. Я и забыл, как стремительно способна уходить прочь земля. Ещё один удар о плотный вещественный воздух, верхушки деревьев оказались подо мной, я сразу заложил вираж.

Волк успел перевернуться, стоял внизу, серебристый в звёздном свете, задрав массивную морду, смотрел на меня. Я покачал крыльями, предлагая знакомую игру. Раньше-то это называлось охотой.

Он метнулся в заросли, скользнул невесомой тенью, но мои глаза как раз и приспособлены были к тому, чтобы различать всё, что перемещается там, внизу. Конечно, в старые годы мы редко сражались вот так, полёт требовал немалых затрат, да и тело оставалось уязвимым для стрел с земли, но иногда позволяли себе погонять хоть врага, хоть зверя.

Оборотень умело держался густого подлеска, который не позволил бы мне добраться до него, иногда резко менял направление, то стлался в стремительном беге над лесной подстилкой, то крался в самых потаённых местах. Пару раз я терял его из виду, но быстро находил снова, хотя крепкие лапы почти не создавали шума.

Выдыхаться он начал даже раньше, чем я думал. По уму следовало вернуться на начальную тропу. Азарта я не испытывал, не покидало тягостное ощущение, что меня провоцируют на какой-то опасный поступок, хотя я и не видел пока угрозы. Что от меня хотел этот оборотень? Оставили бы все в покое мирного вампира, жил ведь никому не мешал.

Раздражённый неизвестностью, я поймал нужный момент и камнем рухнул вниз, ввинтился в чуть поредевший лес, проскочил между стволами. Волк, почуввав опасность метнулся в овражек, но сверху я видел, что сделал он это напрасно, как раз там я его и достал, простёр крыло, дёрнул плоскостью, сбивая противника с ног.

Так следовало себя вести, чтобы не оставалось сомнений, кто победил в игре, но я в последний момент подумал с раскаянием, что поступил излишне резко с не столько матёрым, сколько старым волком и переломился обратно в человека.

Сделал я это, пожалуй, поспешно. Крыло, исчезнув, лишило, как видно, оборотня опоры, он не упал, а полетел кувырком, хотя успел преобразиться на ходу или на лету — как

сказать.

В отличие от нас, эти существа умели перевёртываться полностью, так что соперник мой предстал передо мной вполне одетым, лишь потерял несколько пуговиц, да телефон из кармана. Я машинально нагнулся, поднимая утрату. У волков неплохое чутьё, но вот видят они неважно, да и мне, младшему, более пристало кланяться земно, чем пожилому лорду.

— Благодарю, потешил древней забавой, — улыбаясь сказал оборотень.

Не обиделся и ладно.

— Тебе спасибо, что вытащил на природу. Давно я не видел высоты.

Хотя какое там. За облака теперь вообще не разрешается взлетать, чтобы не мешать человеческим машинам. Везде наверху снуют авиетки и большие самолёты, кроме может быть, драконьих гор, но вампира там встретят недружелюбно.

— Мы можем бывать здесь достаточно часто, — предложил лорд Арран.

Его приветливость выглядела такой естественной, хотя откуда ей было произрасти? Другой на его месте мог и рассердиться, кому приятно, что его валяют по мшистым кочкам как щенка?

Почему вообще не скажет прямо, что ему от меня нужно? Я бы прямо и ответил.

— Твой телефон, — сказал я, легонько подбрасывая предмет, который держал на ладони.

Оборотень судорожно дёрнулся, шагнул ко мне жадно протягивая руку, и это выдававшее его панику движение, заставило меня глянуть на добычу, чего в другой ситуации я из деликатности никогда бы не сделал.

Вещь оказалась не коммуникатором, а миниатюрой, удачно стилизованной под предмет современного обихода. Это волк видел неважно, а моё зрение даже в сумерках позволило рассмотреть лицо на портрете в самых мелких подробностях. Знакомое лицо.

Крышу снесло мгновенно, я совершенно перестал себя контролировать. Взрычав, ударил волка кулаком в грудь, он отлетел на несколько шагов и врезался спиной в дерево, да так, что затрещали рёбра. Я прыгнул следом, пальцы сжали ненавистное горло. Не представляю, как я удержался от того, чтобы не сломать немедленно эту шею. В глотке клокотало, перед глазами плыли цветные пятна.

Оборотень пытался сопротивляться, он отчаянно бился, стремясь выйти из захвата, но сейчас остро, как никогда, я ощущал, насколько сильнее этого постаревшего, мелкого против меня волка. Я вздёрнул его выше, чтобы лицо оказалось напротив моего, оскалил разом вылезшие на всю длину клыки. Я хотел убивать, бешено, яростно стремился разделаться с этим врагом, вторгшимся в последнее ценное, что ещё осталось от моей оскудевшей жизни.

Семью. На портрете была моя мать.

Не следовало серому тащить меня в лес, в тупых углах цивилизации я повёл бы себя сдержаннее, но здесь все древние инстинкты восстали из основ, я рычал и бесился так, словно прочий мир исчез, остались лишь мы двое.

Вырвать с корнем гортань, сломать хребет, смять, уничтожить. Волк попытался меня ударить, оттолкнуть, я так дал по рукам, что и в них что-то хрустнуло. Он пробовал переломиться, призвать себе на помощь древнюю силу, но не следовало рыпаться, когда вампир держал за горло: здесь любое движение грозило стать роковым.

Он это понял, затих. Ужас в отливающих зеленью глазах меня немного отрезвил. Ничего не стоило прикончить его и зарыть в мягкую землю, но до моей всеобъемлющей ярости пытался достучаться рухнувший куда-то на дно сознания разум, и я ещё способен был

сознавать, что могу совершить сейчас самую страшную в своей жизни ошибку.

Сведенные судорогой пальцы не желали разжиматься, но я справился. Отступил на шаг. Волк рухнул в мох, задыхаясь, вздрагивая от боли.

Заговорить я не мог. Какой бы ни задал вопрос, что бы он мне не ответил, я вновь кинулся бы убивать, забыв договоры и здравый смысл. Во мне клокотала разбуженная недавней метаморфозой ярость и справляться с ней следовало где-то в стороне от такой доступной добычи.

Я отступил на шаг, потом ещё, швырнул поверженному оборотню миниатюру — она жгла мне ладонь, а потом развернулся и пошёл прочь. Я ничего не чувствовал и не замечал, лишь когда налетел на дерево, да ещё попытался отодвинуть его с дороги, чтобы не мешало шагать своей дорогой, немного опомнился и обнаружил, что весь торс у меня в заживающих царапинах. Иные из них оставил тупыми когтями волк, но больше, видимо, поранили ветки.

С направлением у меня проблем не возникло: ни один вампир никогда не заблудится в лесу. Я побежал и вскоре добрался до оставленной одежды. Не так сильно мы и углубились в заросли, больше петляли и двигались кругами. Я надел рубашку, куртку и устремился дальше. Коса растрепалась, и я расплёл её, заправил волосы под капюшон. Поймать такси с вампирской причёской нечего было и надеяться.

Когда вокруг замелькали дома, я сориентировался и вызвал машину по телефону, а потом долго смотрел на погасший экранчик, жадно желая позвонить маме и отчаянно страшаясь это сделать. Разговор мог оказаться не просто трудным, а жестоким.

Только теперь я понял, что влез совершенно не в своё дело, и старшие меня не простят. Потерял голову. Едва не убил чужого лорда, а может быть и убил. Я совершенно не представлял в каком состоянии его оставил. Тьма застилала разум, не давая верно оценить ситуацию, гнев, которому поддаваться не стоило.

Я даже дёрнулся, чтобы пойти назад, притащить проклятого волка обратно, если ненароком повредил его так, что сам идти не сможет, но побоялся прикончить, если снова увижу у своих ног его извивающееся тело.

Выберется, оборотни живучи.

Подъехало такси, решив сомнения в пользу дома. Я сказал адрес и закрыл глаза. Цветные круги всё ещё плавали в темноте, я никак не мог успокоиться, более того, меня так трясло, что приходилось изо всех сил стискивать зубы, чтобы они не стучали. Хорошо хоть клыки убрались на место.

Пришла пора хоть немного разобраться в случившемся. В первую очередь понять, как я ухитрился всё испортить? Ничего не узнал, зато нажил врага. Звонить родителям я просто не мог, как решить затруднение самостоятельно, не знал. Хотелось завить от отчаяния, но не следовало пугать человека. Как я дотерпел до квартиры просто не представляю.

Птенец мирно спал, как ему и положено. Я сразу отправился в душ и долго стоял под горячими струями, дожидаясь, когда уйдёт из тела последняя дрожь.

Трясти меня больше не трясло, но при мысли о том, что я бросил одного в лесу, вполне возможно, раненого или беспомощного волка, который лично мне не сделал, строго говоря, ничего плохого, я ощущал, как внутри расползается яд, имя которому чувство вины.

Я попытался припомнить, успел ли нанести оборотню действительно серьёзные увечья, но вместо чёткой картины перед глазами вставала разноцветная пелена. Слишком разгневанный в тот момент, я не отдавал себе отчёта в своих действиях. Среди людей всё время приходилось сдерживаться, как видно, я накопил в себе запас страсти. Сцена не слишком успешно помогала сбрасывать её избыток. Зрителям хватало малой толики.

Я лёг в постель, но заснуть никак не мог, угрюмо ворочался с боку на бок, утыкался мордой в подушку или наоборот, бессмысленно пялился в потолок и пытался понять хоть что-нибудь в своём поведении и его причинах. Не знаю сумел бы я оправдать себя в собственных глазах, но с точки зрения старших накосячил по полной.

Слишком занятый собой я не обращал внимания на то, что происходит в другой комнате и птенец появился в дверях практически неожиданно для меня. Я даже не отследил шагов. Мы уставились друг на друга. Он был в одних только трусах, и вновь его гладкое бесполое на вид тело вызвало приступ раздражения. Как люди могут запускать себя до такой степени? Мясо, а не мышцы, да и жирок кое-где пророс, и это в двадцать лет!

— Что-то плохое случилось? — сонно спросил Мальвин. — Меня какая-то сила толкала изнутри, и я решил пойти, проверить, как ты.

Несмотря на все свои неприятности, я ощутил моментальный всплеск удовольствия: птенец живо откликнулся на эмоциональную реакцию мастера, значит, его новый чувственный мир развивался правильно.

Я вылез из постели и натянул халат, запасной подал Мальвину, мы сели рядом на кровать. Полезней было заняться делом, а не предаваться пустым рефлексиям.

— Опиши, что именно тебя разбудило, как звучал этот зов?

Он растерянно пожал плечами.

— Просто проснулся и потопал как на автомате, а когда увидел, что ты не спишь, а пялишься в потолок, сообразил, что опять какая-то гадость случилась. Волк тебя расстроил?

— Да, — сказал я неохотно. — Впрочем, в это тебе тоже лучше не вступать, чтобы не попасть под раздачу. Сам разберусь.

Он вздохнул, но спорить не стал — уже прогресс. Мы помолчали, а потом он всё же не удержал в покое свой бескостный человеческий язык:

— Ты в театре передо мной переодеваешься не стесняясь, да и сейчас тоже словно дразнишь. Нарочно что ли?

— Это ты к чему? — растерялся я.

— В шмотье ты просто худой и непонятно почему так здорово двигаешься, но когда я увидел твоё тело, все эти мускулы, которые так красиво и функционально перекачиваются под кожей, я вдруг понял, что вот это и есть красота, потому что не напоказ, а для дела. Твои мышцы они же как щит или как армия, которая защищает тебя от любых напастей. Это совсем не то, что чувствовать себя крутым, вылезая из дорогой тачки. Это запредельно

здорово.

Я помалкивал, сочувствуя птенцу. Его народ зависть считал делом обыденным, так что я не удивился. По крайней мере его переживания отвлекали меня от проблем, что тоже шло на благо душевному настрою.

Он, как выяснилось, ещё не выговорился.

— Ты знаешь, ужасно угнетает, что я теперь навсегда останусь таким: рыхлым куском мяса. Ещё недавно меня всё устраивало, а сейчас я понял, что многое видел в жизни не так, смотрел на неё словно в зеркало, а не в окно сквозь стекло.

Давно следовало сообразить в чём затруднение, но я спохватился лишь сейчас, непозволительно погрязнув в своих заботах и совсем забыв о том, что надо воспитывать птенца.

— Мальвин! — сказал я строго. — Ты опять мыслишь категориями нелепых сказок. Превращение человека в вампира происходит не за один день. У тебя есть около года — время за которое ты сможешь что-то в себе изменить. Прости, что не сказал этого с самого начала, забыл, что, очевидное мне, для тебя может оказаться новым. Мы обязательно преобразуем твоё тело. Ты и подрасти немного сможешь. Я научу правильно ходить и бегать, лазить и прыгать, плавать на воде и под водой. Я привью навык владения разным оружием и способы сливаться с местностью. Всему научу.

Если успею, но это этом говорить сейчас не хотелось. Я обнял повеселевшего птенца, растрепал ему волосы, хлопнул по спине и строго велел отправляться в постель, потому что и вставать уже через два часа.

Когда он ушёл, я растянулся на широкой кровати и тоже попробовал подремать, и ничего: получилось.

Утром мы с Мальвином отправились в театр. Спектаклей у меня в этот день не было, зато репетиции шли одна за другой. По дороге я ещё переживал о судьбе брошенного мной в лесу волка, но втянувшись в работу, по обыкновению забыл обо всём. В некотором отношении профессию я выбрал с умом — она отлично отвлекала от забот.

Рысь Ивер между делом похвалил Мальвина за чистоту и предложил постоянное место. Работать предстояло через день или два — по обстоятельствам. Птенец, вчера ещё, морщась, воспринимавший труд уборщика как унылую каторгу, польщённо потупился, не сдержав улыбку. Когда режиссёр попросил в одной из сцен подменить ненадолго отсутствующего статиста, старался изо всех сил и опять заслужил одобрительный кивок. Пусть первую роль Мальвин сыграл на обыденной репетиции, а не в свете сценических огней, но она, я видел, доставила ему несказанное удовольствие. Он шептал единственную реплику ещё долго после того, как опять скромно устроился в уголке.

Я радовался за него и решил, что он справится сам, если моя судьба по той или иной веской причине пойдёт наперекосяк, а то и к скорому финалу.

Нескладно опять вышло у меня, а не у него.

В новой пьесе у нас с Бернарой предполагалась небольшая танцевальная сценка. Наши персонажи дразнили друг друга, показывая мастерство и задор. Любовь у героини происходила совсем с другим мужчиной: как уже говорил, центральные роли мне не давали. Я в финале должен был скорбно стоять в глубине сцены, чтобы у зрителя появлялось сомнение, а не сложилась бы жизнь героини веселее, пойдя она замуж за разбойника, а не за банкира.

Кот Ивер долго наблюдал за нами, топорща губу, словно из неё в человеческом облики

торчали его кошачьи усы, заставлял повторять одни и те же действия вновь и вновь, а потом взорвался:

— Берни, возьми себя в руки: это танец, а не прогулка на выгоне! Посмотри, как эта дылда двухметровая двигается и поучись мастерству — мотылёк и то не ступал бы легче по этой долбаной раздолбанной сцене.

Бернара сдержалась, хотя я видел, как раздуваются её ноздри:

— Я стараюсь, Ивер!

— Вот и усердствуй! У нас премьера через месяц, так что кончай жрать булочки и почаще посещай танцкласс. Доски, знаешь ли не новые, могут не только скрипеть, но и проламываться под лишним и от балды приложенным весом.

Этого наезда прима не выдержала. Бешено топнув каблуком в гулкий и действительно уже не новый настил, она развернулась и ушла в гримёрку. Мальвин пригнулся к спинке переднего кресла, чтобы стать незаметнее: напугал его грозный рысь.

Я как раз придумывал, какие бы произнести примирительные слова, когда Ивер в корне зарубил мою мирную инициативу, сказав, как отрубив:

— И не вздумай что-то вякать, вампир! Ты знаешь, что я прав. Распустились!

Я знал, но Бернару всё равно жалел, когда другие актёры заняли сцену, порывался зайти к ней в гримёрку, долго топтался у двери, но решил, что моё утешения сейчас вряд ли прозвучит уместно, поскольку в пример-то поставили именно меня, а не кого-либо другого.

Потом мы проходили сцену в лесу и кот опять бесился, что актёры должны выглядеть романтическими разбойниками, а не подвыпившими чиновниками на пикнике. Он прыгал как мячик, фыркал и объяснял, что театр — это не жизнь, это сказка, и, если зритель ушёл от нас без мечты, мы потратили зря время силы и грим. Как всегда, Ивер нас завёл и зажёг, да и Бернара вскоре появилась, пусть немного отчуждённая, но вновь готовая разрабатывать свою делянку.

Мальвин пришёл в полный восторг от происходящего и всю дорогу домой помалкивал, лишь сиял глазами, как видно, лелеял подцепленную на службе мечту. Мы заехали в распределительный пункт за кровью, ещё два талона ушли на это дело, а накормив птенца и строго-настрога велел ему сидеть дома и никуда не высовываться, я отправился в ночной город.

Совість мучила невероятно, поэтому первым делом я поехал на окраину и нашёл место, где оборотень оставлял свой автомобиль. Сейчас тут было пусто, а внимательно изучив оставленные следы, я понял, что машину забирал хозяин, хотя вернулся к ней и не в лучшем виде. Кровью тянуло изрядно. Я успокоился отчасти, но одновременно и взъярился. Запах раненого врага здорово шибает в голову: сколько не живи мирной жизнью, старые инстинкты никуда не деваются.

Ладно, выкарабкался — значит проблемы с трупом нет, зато рисуется на глазах другая — неизбежное наказание за мою вину. С одной стороны маячил призрак черета-чиновника, с другой — оборотня. Каждый из них располагал большими правами, чем я, и действовать мог без оглядки. Я понимал, что ни один так другой противник меня точно уроет, ну, значит, и думать здесь было не о чём.

Развернулся и поехал по указанному птенцом адресу.

В клубах я никогда не бывал, уклад тамошний не знал совершенно, а от входных цен у меня зачесались одновременно клыки и кулаки. Сущий грабёж затеяли державшие эти площадки люди, да ладно бы что-то полезное давали взамен. Представив, что Мальвин

прожигал предыдущую жизнь вот в одном из таких заведений, я лучше понял его растерянность при виде трудовых инструментов уборщика. Небедные, как видно, родители прилично избаловали отпрыска.

В дверях меня оглядели недоверчиво: недорогая одежда внушала здесь презрение, но рост и разворот плеч явно произвели впечатление на охранников. Я держался прямо, смотрел уверенно и заминка произошла совсем лёгкая. Меня пропустили.

Я вошёл в грохочущее музыкой нутро заведения и подумал, что задача у меня не только сложная, но и накладная.

Посетители самозабвенно танцевали, извивались как ненормальные, но я подумал с усмешкой, как ругался бы Ивер при виде неловких механических телодвижений. Бернара бы ему птичкой показалась, после посещения подобного заведения. Люди не давали себе труда приобрести хоть какой-то стиль и опыт.

Я прошёлся по залу, внимательно разглядывая женщин, и мой интерес тут же поняли обычным образом: начали глазеть, подмигивать, приставать с разговорами. Косу я расплёл, чтобы не привлекать к себе внимания, завязал волосы в хвост, потому никто не видел во мне вампира и дамы проявляли чисто человеческий интерес к вполне привлекательному и при этом свободному самцу.

Отбиваясь от девчонок, я обошёл зал, потом обнаружил ещё несколько комнат, исследовал их тоже, но запаха вампира нигде не учуял, да и по виду никого похожего не нашёл. Женщины, конечно, мастера изменять внешность, но базовые приметы сохраняются. Работа в театре научила меня разбираться в способах маскировки.

Этот клуб я покидал с облегчением, но меня ждали ещё несколько. Мрачная перспектива. Раздражали шум, унылые развлечения, вопиющая бессмысленность происходящего. Я успокоил себя тем, что это ненадолго и лишь для дела, но, когда отыскал нужную вампиршу в третьем по счёту заведении, был уже очень зол и изрядно утомлён.

Она сидела у стойки в роскошном золотистом платье и тянула что-то из стакана, оглядывая зал. Пришла, вероятно, недавно, потому что мальчики вокруг не вились, а должны были, судя по тому, как у меня самого заискрился организм. Привлекательная оказалась штучка, я понимал, почему Мальвин таскался за ней следом как пришитый.

Я втянул запах, удостоверился что ошибки нет, я совершенно точно вышел на цель и подошёл вплотную.

— Привет, подруга!

Смена выражений на прелестном личике достойна была театральных подмостков или скорее экрана кинематографа с его крупными планами: поощрительная заинтересованность, недоумение, опасение, которое возникает, когда рядом появляется более крупный и сильный зверь и, наконец, страх.

Очаровательный нос разобрался с запахами, и его обладательница невольно дёрнулась в безуспешной попытке от меня сбежать. Догнал бы и легко.

— Тихо. Я только хочу поговорить. Найдём место поспокойнее.

Она послушалась, хотя оглядывалась на меня всё время, пока мы шли, попыталась улыбнуться, но я сейчас не стремился флиртовать с обращённой. Перспектив тут не было, да и какие у меня теперь вообще могли возникать планы на будущее?

В одной из верхних гостиных мы остановились возле зашторенного окна. Снаружи неуверенно пробивался городской шум. В уголке под лампой что-то серьёзно обсуждали две девушки. Я решил, что вампирша будет чувствовать себя немного свободнее в присутствии

людей, а разобрать наш разговор они не смогут.

— Как тебя зовут?

— Доминика, — ответила она, разглядывая меня довольно неприязненно.

— Я — Элле. Объясни, почему ты поступила так некрасиво? Нельзя бросать птенца — это нарушение наших законов.

Увещевания пользы не принесли — напротив. Теперь в её глазах появилось нечто новое: торжество, облегчение, снисходительная спесь.

— А, ты его пригрел? Я думала люди убьют, или сам сдохнет. Зачем ты подобрал этого ублюдка?

— Затем, что он был один и нуждался в защите. Он чем-то тебя обидел?

— Меня? — она рассмеялась, запрокинув голову так, что я разглядел её гланды, хотя был намного выше ростом. — Ты ничего не знаешь и не хочешь знать.

— Зачем бы я тогда сюда пришёл? Говори.

— Не в курсе я, что наплёл тебе милый птенчик, на какие жаловался несчастья, но он заслужил то, что получил. Он сказал кто он и из какой произошёл семьи?

Я покачал головой:

— Нет.

— Ещё бы! — неприязненно усмехнулась вампирша. — Этот щенок возглавлял одну из тех злобных человеческих организаций, что проповедуют ненависть к вампирам, призывают убивать нас или загонять в лагеря за заборы и решётки. Посмотрел бы ты как он плевался на их проклятых митингах, обзывая нас грязными тварями, мокрицами, живущими в щелях. Знаешь каким удовольствием было водить за нос этого уродца? Он вился вокруг меня, не зная подлинной сути, и я отомстила. Я обратила его не затем, чтобы жил, а желая ему сдохнуть от человеческих пинков, во тьме, на помойке, там, куда он хотел упечь нас!

— Ну, следовало проконтролировать этот процесс до финала, — ответил я рассудительно. — Безнадзорный птенец — это всегда преступление.

Торжествующее выражение на милом лице вновь сменилось откровенной неприязнью. Тонкие брови нахмурились, губы искривились, глаза метали злобные искры. Из угла неожиданно окликнули:

— Эй подруга, этот красавчик тебя достаёт? Помощь нужна?

— Отвалите, курицы! — злобно фыркнула Доминика.

Я вежливо поклонился, чтобы сгладить её грубость. Девчонки смерили нас вызывающими взглядами, но с места не сдвинулись, продолжив свой разговор. Ну и ладно.

В чём-то я вампиршу понимал, хотя сам и не сталкивался вплотную с этими экстремистами, лишь постоянно ощущал недобрую атмосферу вокруг, а мог ведь и нарваться однажды на их пикеты, как, несомненно, получилось у неё.

Вот какую тайну прятал Мальвин. Он пришёл из стана непримиримых врагов. Элементарно боялся, что я убью его, если узнаю, чем занимался до обращения.

— Ладно, Доминика, — сказал я, — сделанного не воротишь, но будь добра в дальнейшем не сваливать на других свои заботы.

— И это всё? — не поняла она.

Карать в мои обязанности не входило, тем более беды не случилось.

— Имя его полное скажи.

— Микел Гриар. Папашка его богатенький с ног сбился, разыскивая сына.

— Тогда тебе лучше свалить из этого района, пока люди на тебя не вышли.

— Он тайком сюда таскался, инкогнито, детективы нескоро доберутся, но я действительно свалю. От вас обоих.

Она дёрнула плечом и, задрав нос, пошла прочь. Я не препятствовал. Человеческие девушки теперь разглядывали меня одного, хотя без выраженного интереса, но сытый всем происходящим по горло я поспешил покинуть клуб.

Когда я вернулся домой, Мальвин ещё спал. Я машинально поправил сползшее одеяло, подоткнул края и сел в кресло. Теперь я хорошо понимал все странности в поведении птенца. Он отчаянно страшился, что его тайна выйдет на свет, держал оборону как мог, выдумывая то амнезию, то смущение. Сердился я на него? Да нет, зачем бы это? Сам же влез в историю, никто не тянул, разве что волк толкнул под локоть, но и у него теперь на меня вырос здоровенный зуб. Впрочем, я уже не особенно переживал по данному поводу: все оскаленные клыки считать, так полук не хватит складывать, хотя люди, кажется досылают в эту идиому иной смысл.

Приняв обращение, мальчик вполне мог изменить прежние взгляды, тем более что почва для их посева окончательно ушла у него из-под ног. Мне было грустно, но так, чуть-чуть. Я не боялся экстремизма самого птенца, а вот его отец вполне мог устроить мне солидные неприятности. Девонька от расправы ушла, а я остался. Впрочем, на фоне прочих бед, эта казалась второстепенной.

Узрум появился в театре днём, но пришёл в замешательство от того, что я всё время был на людях. Поймав из глубины зрительного зала его злой взгляд, я кивнул и подумал, что пусть понимает моё послание, как хочет. Он сразу ушёл, как видно, не сомневался в успехе своего шантажа. Сейчас я и этот эпизод бурного дня воспринимал спокойно. Знал ведь черт, что не оставил мне выбора, так не стоило зря каблуки снашивать, таскаясь лишний раз в театр.

Я зевнул и пошёл спать, решив не предвкушать неприятности раньше момента их наступления. Более всего раздражало, что не получу в нужное время такую важную для меня подпитку человеческой жизнью, но достаточно ли длинна окажется в итоге моя собственная, тоже прогнозировать не стоило.

Птенцу я решил ничего не говорить. Если найдётся время, обсудим, как быть с его убеждениями и родственниками, а если нет, проблема отпадёт сама собой.

Спал я чудесно, весь следующий день был так занят, что на тревоги не хватало времени, а потом полночи натаскивал птенца в основополагающих науках, которые могли пригодиться в первую очередь. Мальвин, чуя моё волнение, искреннее старался делать всё правильно и почти не надоедал с разговорами.

Плотный пакет из департамента правосудия доставили рано утром. Эти столь значимые для вампира депешки всегда приходили с курьером. Я расписался в его журнале и похрустел бумагой, прежде чем вскрыть солидный без излишеств конверт.

Мальвин робко наблюдал за моими эволюциями, прихлёбывая деликатно искусственную кровь из кружки.

— Когда? — спросил он, пока я читал письмо.

— Послезавтра. У нас мало времени.

Я не объяснял ему все подробности, лишь обозначил веху, но он думал сейчас о другом.

— Это так важно? Именно забрать жизнь?

— Обращённому необязательно, потому тебе лицензию не дадут.

— Это хорошо, — сказал он тихо. — Я бы не смог.

Казнить преступника, душегуба — это не по нервам, а призывать к истреблению другого народа, значит, в порядке вещей? Странные у людей критерии оценки. Я, впрочем,

промолчал. Прошное следовало оставить в прошлом, другую жизнь начинать, прощая себе прежнюю. Был человек — стал вампир, потому что свершилась эволюция.

В театре о моих казённых делах знали и относились с пониманием. Кот Ивер, когда я показал ему официальную бумагу из департамента, лишь кивнул и сообщил, что даст мне несколько дней свободы. Учитывая, что положенным по человеческим законам отпуском я редко пользовался, мои казённые отлучки обременяли театр не слишком сильно.

Уладив этот вопрос, я каждую свободную минуту старался посвятить птенцу, обучая всему, что мог вспомнить, и жалея, что я, такой безалаберный: не потрудился составить хоть какой-то план. Тревожили и другие незавершённые дела. Когда мы бродили по ночам, я присматривался к окружению, принимался, но никаких следов старого волка не наблюдал. Или он решил оставить меня в покое, или ещё не оправился от нанесённых ему увечий.

Ключи от машины и квартиры я вручил птенцу, а на эшафот отправился пешком. Тут недалеко было, да и захотелось подышать напоследок свежим воздухом. Казнь, по обычаю, происходила сразу после захода солнца.

Встретили меня обыденно, для всех участников свершавшееся давно сделалось рутинной. Я подписал все нужные бумаги и прошёл в комнату, где, собственно говоря, и происходило основное действие.

У дальней стены простиралась широкая лавка и я сел на неё, гадая про себя, есть ли здесь записывающая аппаратура. Мне она не мешала, просто мучило вот такое любопытство, захотелось вдруг выяснить, интересно ли людям наблюдать как всё происходит? Ну да их проблемы в данном случае меня не касались.

Волновался я? Не особенно. Горькая досада от того, что сладкий кус отрывают, не дав донести до губ, донимала сильнее, чем страх. Я старался не думать о том, что дарю жизнь и волю человеку, преступившему самый главный жизненный закон. У вампиров не было страшнее преступления, чем убийство ребёнка, череты тоже относились к этому душегубству сурово, оборотни обожали своих котят и щенков, драконы едва не обожествляли новую жизнь, даже злии берегли чад, только люди считали, что вправе смести потомство на помойку.

Впрочем, казнить мне предстояло не человека.

Преступница оказалась маленькой и хрупкой — девочка, а не женщина. Тело едва угадывалось под длинной просторной рубахой, какую надевали на казнимых, но, когда черетессу подтолкнули в спину и она пошла ко мне, заученно переставляя ноги, проступила в этом слабом теле такая победительная женственность, что у меня едва не отвисла челюсть. Доминика в роскошном платье и то не казалась настолько привлекательной и желанной, как это почти дитя. Под грубой рубахой обозначались от движения то изящное бедро, то крепкая грудь, из-под подола выскакивали маленькие ступни, обутые в тюремные тапки.

Девочка подошла, не поднимая головы, замерла, как видно не зная, что делать дальше. Сопровождающий кивнул мне, окончательно давая разрешение на казнь и плотно притворил за собой дверь. Мы остались вдвоём.

Глядя на неё, я понял Узрума. В эту женщину можно было влюбиться наповал, забыть порядок и устои. От неё исходило фантастическое ощущение невинности, свойственное, впрочем, многим преступникам.

Я мягко подхватил её, усадил к себе на колени, и тут она словно проснулась. Лёгкий трепет прошёл по телу, щёки окрасил румянец, но я сразу понял, что это не страх, а смущение. Она стеснялась близости чужого мужчины. Я не собирался приставать, просто

так мне удобнее было пить, но всё же почувствовал себя грязным негодяем. Вот ведь попал в переплёт и на полку, как бережённый том.

— Это очень больно? — спросила она.

Голос звучал взросло, полноценный женский тембр, из тех, что заводит мужчин одним лишь звучанием.

— Совсем чуть-чуть, — ответил я. — Лёгкое неудобство, а потом ты просто заснёшь.

— Я хочу быстрее. К своему ребёнку. Мне здесь нечего больше делать.

Вот теперь я действительно разволновался, сам не зная почему. Запах, трепет, тихие дыхание этого существа рождали внутри никогда прежде не испытанное смятение.

— Всё будет хорошо, милая, — сказал я. — Ты не бойся.

Я отвёл в сторону пряди гладко зачёсанных волос, нащупал губами жилу. От близости волшебного источника клыки выскочили сами, налились силой. Я сделал маленький прокол, помня, что пришёл не убивать, а лишь изобразить убийство и действовать надлежит с осторожностью. Первый глоток тягуче пошёл в горло, обласкал нёбо и язык, хмелем ударил в голову. От сладости момента я не вдруг сообразил главное, но колокола тревоги уже ударили в затылок, заставили собраться, обнажить все нервы, что жили в теле.

Я сделал ещё один глоток, ещё. Лёгкая девчачья кровь мягко наполняла меня образами и ощущениями, но я сразу выделил главное в её изысканном букете жизни. Приговорённая к смерти черетесса была невиновна.

Что я испытал в этот момент — даже не знаю. Ошеломление. Я многожды вершил приговоры суда и каждый раз видел преступления убиваемого ясно, как линии на ладони. Злодеяния противны сути всего живого и оставляют грубый след, выделить его легко. Как-то уже после казни я обмолвился представителю закона о заковыристом дельце, в котором моя жертва принимала горячее участие, и услышал в ответ, что вина его не была доказана, а упекли мерзавца за совсем иной криминал. Я всегда знал, что убиваемый страдает за дело, и понять, что сейчас мне отдали на откуп безгрешное существо стало шоком.

Если ещё недавно я проклинал черета за то, что он подбил меня на дурное предприятие, то теперь сказал бы спасибо. Верил, что подруга его оклеветана или нет, он собирался её спасти.

Я быстро обдумал ситуацию. Выйти из комнаты смерти с живой жертвой на руках и заявить о её чистоте было, конечно, эффектно, но что это давало? Вполне вероятно, комиссия и прислушалась бы к моим словам, но она ничего не решала, а суды не любят, когда им указывают на ошибки. Не сложились интриги с похищением тела в дороге, я бы всё же так и поступил, но план черета казался сейчас более разумным.

Возможно, Узрум уже пытался оправдать подругу, но не сумел это сделать, потому и прибег к отчаянным мерам? Доказывать невинность умершего, конечно, достойное дело, но ещё правильнее спасти девочку, а после разобраться, как ей жить дальше.

Я решил действовать по плану.

Сделал ещё несколько осторожных глотков, вновь ясно ощутил чистоту этой крови. Она просто кричала о праведности, и я с ужасом подумал, что где-то есть человек или не человек, который сумел устроить всё так, чтобы едва родившая женщина твёрдо поверила в своё душегубство. Жив ребёнок или нет я не понимал (вполне могли и подменить добытым в морге трупом), но слышал отзвуки его существования в этом теле. Дочка. Бедная черетесса даже не знала пола новорожденного. Как же страшно ей было жить эти дни в тюрьме, где все её презирали. Да она сама себя не могла уважать, убеждённая окружением в

непреложности страшной вины.

Не знаю, как объяснить это противоречие. Внушение проникает в голову, морочит сознание, но память тела имеет свою собственную ценность. Кровь не обманет. Поэтому суд наверняка верил в справедливость вынесенного им приговора, жертва — тоже, поскольку её убедили в непреложности дознания, но я видел истину ясно как в солнечный день.

Я сделал ещё несколько глотков, а потом без труда вошёл в уже подвластное моей воле сознание и сплёл в нём нерушимую сеть сна. Бедная девочка покорила без малейшего сопротивления, я с горечью подумал, что и злодею не составило труда вторгнуться в этот нестойкий ещё разум, чтобы сломать его волю.

Я выждал несколько минут, аккуратно зализывая рану, чтобы она не кровоточила, когда я понесу тело на освидетельствование. Теперь должна была решиться наша общая судьба. Если Узрум обманул и не подкупил врача, я мигом окажусь в камере, а девочку либо казнят завтра, либо просто сделают фатальный укол сразу, раз вампир оказался мерзким человеколюбом и не исполнил свой гражданский долг.

Решиться следовало не колеблясь. Когда по моим прикидкам жизнь уже должна была покинуть тело жертвы, я поднялся и неторопливо вышел наружу.

Бережно нести её на руках я не рискнул, боясь выдать себя неосторожным движением, закинул на плечо, как поступал всегда. Из комнаты, где собралась комиссия, шёл рокот голосов. Люди болтали, дожидаясь отработавшего своё палача. Я вошёл ровным шагом и небрежно сгрузил тело на демонстрационный стол. Мешок на нём расстелили заранее.

Я придержал голову, чтобы не стукнула, падая на металлическую плиту, но этот жест вполне отвечал моим обычным привычкам. Громкие звуки неприятны как вампиру, так и людям.

Врач как раз досказывал какую-то занимательную историю, закончив её на весёлой ноте, так что судейский чиновник и представитель полиции рассмеялись. Ни один из них не поднялся, чтобы взглянуть на тело, да и врач, производя рутинную и хорошо знакомую мне процедуру, был небрежен и косился на собеседников, как видно горя желанием поделиться очередной байкой, пока эти люди, выполнив свой долг, будут спускаться по парадной лестнице, торопясь домой на поздний ужин.

— Пакуй! — кивнул мне человек и быстро отвёл глаза.

Ну да, не настолько он был легкомыслен, чтобы не отличить живое от мёртвого. Деньги воистину творят чудеса.

Я небрежно и привычно закинул руки девушки ей за голову, застегнул мешок и взвалил его на плечо. Мне предстояло спускаться по чёрной лестнице во двор, и я направился к ней, чувствуя, как оставляет душу страх немедленного разоблачения.

Первый этап авантюры прошёл хорошо, не было оснований сомневаться в том, что и дальше дело пойдёт так же успешно. Я ровным шагом спустился вниз, где водитель скучая прохаживался возле машины, а завидев меня, сразу сел за руль. Многие люди пугались мёртвых, не желали на них смотреть, отворачивались, сторонились. Для чёрной работы существовали вампиры.

Я забрался в фургон, уложил тело на скамейку, закрыл дверцы и постучал в стенку возле кабины. Мотор уже урчал, так что в путь мы тронулись без промедления. Я сел на другую скамью, обе шли вдоль бортов, и, нагнувшись, приложил ладонь к проступавшей под чёрной плёнкой груди жертвы. Сердце билось так тихо и медленно, что даже вампир с трудом уловил слабый ритм, затем ребра едва заметно дрогнули на вдохе.

Девушка была жива, я всё сделал правильно. Чтобы ей легче дышалось, я немного расстегнул молнию мешка, впуская воздух. Ехать оставалось недолго, теперь следовало собраться и сделать всё правильно и быстро в момент, когда Узрум устроит свою аварию или другое дорожное происшествие.

Нервничая, я несколько раз поднимался, вглядываясь в маленькое окошко впереди, над кабиной, два задних были закрыты щитками и видеть, что происходит за нами или с боков я не мог, зато слушать — вполне, чем и занимался, ловя хорошо знакомые шумы города, угадывая улицы по транспортной напряжённости, по тому как звуки отражались от стен домов.

Разумеется, я заранее прикидывал, где лучше всего было бы совершить обмен, как устроить его достаточно надёжно. Не однажды обдумывая детали, я наметил несколько наиболее подходящих точек и каждый раз, когда машина приближалась к очередной, напрягался, прислушиваясь к происходящему снаружи особенно тщательно.

Пока ничего не случилось, но я успокаивал себя тем, что чем ближе к печи, тем меньше транспорта будет на улицах и конечно же Узрум тоже это понимает и потому планирует нападение на одном из финальных участков маршрута.

Вот уже движение почти сошло на нет, лишь изредка проносились встречные машины, но ни одна из них не притормаживала и не пыталась помешать нашему ровному ходу. Сзади долго тянулся, судя по звуку, фургон того же типа и размера, я возлагал на него основные надежды и держался настороже, чтобы в случае, если последует сильный толчок, подхватить тело и не дать ему упасть, но на одном из поворотов фургон свернул в другую сторону и потерялся вдали. Нет, не он. Кто же тогда?

Я вновь поднялся и выглянул в единственное окошко. Ничего подходящего навстречу не ехало, никто нас не догонял, не пытался прижать к обочине.

Мне лишь теперь пришло в голову, что гораздо проще было подкупить водителя, чем устраивать этот переполох на колёсах, быть может, именно так Узрум и поступил, просто не успел или не захотел меня предупредить? Но почему тогда машина твёрдо идёт знакомым маршрутом и не пытается свернуть в глухой переулок, чтобы обменять один чёрный мешок на другой и лишь потом следовать к цели?

Я ничего не понимал. От страха и волнения уже заметно потряхивало. Глянув в очередной раз в окошко, я увидел перед собой проезд, который вёл напрямиком к печи. Совершенно пустой, не имеющий ответвлений. Мы прибыли на место, и ничего, фактически не произошло.

Какое облегчение я испытал бы, будь девочка виновна. Мне ведь ничего не стоило походя свернуть тонкую шейку и отправить теперь уже окончательно мёртвое тело в печь, но чертесса никого не убивала и я не мог с ней так поступить.

Сейчас неважно было, почему Узрум бросил меня одного с серьёзной проблемой на руках. Мне следовало самому принять решение, и мгновений, когда что-то можно так или иначе сделать, оставалось всё меньше.

Пойти на преступление перед законом или стать преступником в своих глазах — вот и весь выбор, что предоставила судьба. Правильного по всем пунктам решения не предвиделось.

Машина уже въехала в ворота. Что ж, я ждал до последнего, но ничего не случилось. Волнение, как ни странно, улеглось, я рассуждал холодно и здраво. Водитель вряд ли покинет кабину, его работа закончена, как только я заберу тело, он развернётся и уедет. Встречать меня никто не станет, все заняты, а дорогу я и так знаю. Несколько свободных минут я выиграю. Лишь когда они истекут, кто-то забеспокоится, что машина была, а труп на ликвидацию так и не поступил, вот тогда и выйдут раздражённые сотрудники во двор, чтобы поинтересоваться, куда запропастился проклятый вампир и его скорбная ноша.

Всего несколько минут. За это время я не смогу сгрузить одно тело и найти взамен другое, а любая попытка набить мешок мусором и выдать его за труп будет выглядеть смехотворной, да и нет на территории предприятия ничего лишнего. Значит, всё что мне осталось — бежать вместе с маленькой девчонкой, которую так сурово взяла в оборот судьба. Укрыть её в надёжном месте и надеяться, что однажды смогу оправдать обоих. Не так и много в жизни до такой степени призрачных упований.

Прикончить черетессу и жить самому? Я же вампир, чудовище для которого лишать кого-то жизни — привычный и вполне законный способ существования. Я сотни раз убивал на войне и в мирное время. Я не считал это грехом, отчего же сейчас всё внутри перевернулось? Застыла в онемении душа, а по телу, по причудливым нечеловеческим нервам, растекалась незнакомая боль.

Хотел сберечь честь семьи и сам же готов её порушить. А что такое честь? Много ли её в казни безвинного? С этим бы тоже неплохо разобраться.

Машина остановилась у бокового входа. Единственная лампа над дверью скудно рассеивала мрак. Для преступников и здесь существовал вот этот кривой путь, парадными залами их не баловали, ну и меня заодно.

Я распахнул дверцы, вытащил тело, закрыл фургон, чтобы не обременять водителя и отошёл в сторону. Машина развернулась и уехала. Я огляделся. Надежда на то, что сейчас Узрум выскочит из темноты с другим мешком не оправдалась. Не было тут никого, никем не пахло, чадно и страшно тянуло выдохом печи — и только. Я услышал, как машина притормозила у ворот, которые тотчас закрылись, выпустив её наружу.

Тянуть дальше было нельзя.

Я склонился к девушке, убедился, что она жива, а потом махнул на стену, плавно спрыгнул с другой стороны. Город здесь уже кончался, но землю вокруг печи прибирали и содержали в порядке. Я положил тело на грунт, вынул из кармана телефон, несколько мгновений держал его на ладони, но звонить было некому, а оставлять его при себе, значило выдать с головой своё местонахождение. Я перебросил маленький аппарат обратно на территорию комплекса, быстро снял куртку, рубашку и, чтобы не потерять, деловито засунул одежду в мешок.

Становясь тут на крыло, я нарушал ещё один человеческий закон, но полагал, что детали теперь большого значения не имеют. Переломившись, я поднял плоскости, позволяя им немного обвыкнуться с ветром, а потом прижал к себе несчастную черетессу и взлетел.

Человеческие учёные утверждали, что вампиры, а тем более драконы, не способны держаться в воздухе за счёт мышечных усилий. Как ни могучи те и другие, а слишком большой вес не позволит. Возможно, они не ошибались. Я постоянно ощущал, что крылья — не главное, есть внутри иной механизм, от которого расползается по нервам сладкий холод, это он позволяет подниматься с необыкновенной лёгкостью и даже нести с собой приличных размеров груз.

Как бы он ни работал, я им пользовался и с трудом, случалось, удерживался от того, чтобы однажды оторвать себя от земли, не переламаываясь, а в человеческом облики. Не помню, чтобы был на это дело запрет, но мешал страх. Боялся я, что получится или напротив — честно говоря, не знаю.

Вот и теперь я более полагаюсь на внутренний резерв, а крылья использовал для планирования. Чтобы ни с кем не столкнуться в ночи и не попасть на человеческие экраны, я стлался над самой землей, стараясь держаться к ней как можно ближе, поднимался лишь когда на пути вставали деревья или дома городков и деревень.

Я стремился, хотя не по прямой, к хорошо известной мне цели. Домой, в поместье, куда же ещё? Нет, разумеется не к усадебному строению, где искать начнут в первую очередь, а в глухой угол принадлежащей мне рощи. Строевым лесом тут и не пахло, корявились над зацветшим прудом старые больные деревья, дыбились густо застланные мхом щётки плитняка, да росли горькие ягоды и поганые грибы.

Когда-то тут добывали камень для строительства домов и оград, остались от карьера пустые заросшие ямы, да несколько пещер, которые я потрудился соединить ходами и превратить в неплохое убежище.

Подгребая под себя власть, люди нередко устраивали всем прочим расам смутные времена, так что, опасаясь за своё благополучие, я и подготовил это укрытие. Здесь можно было отсидеться какое-то время, а то и впасть в спячку, если горести затянутся надолго.

Не дворец, но место, где я чувствовал себя уверенно. В городе наверняка тоже можно было найти немало уютных нор, но не до такой степени надёжных, чтобы стоило верить им не только свою, но и чужую жизнь.

Я достиг поместья задолго до рассвета, насторожённо прислушался и принялся прежде, чем переломиться обратно и внести черетессу в одну из моих пещер. Самое необходимое имущество здесь имелось, поэтому, освободив девушку от смертного мешка, я уложил её на одеяла, а потом быстро отлучился в усадьбу, чтобы прихватить другие нужные вещи.

Человеческой еды у меня в доме не водилось, но я набрал плодов в саду и поймал несколько кроликов. Череты в давние времена успешно питались сырым мясом, хотя я не уверен, что стремились к этому в теперешней благополучной жизни. Ну продержаться день другой можно было и на том, что нашлось.

Вернувшись в пещеру, я тщательно занавесил вход, зажёл несколько свечей. Пришла пора разбудить спящую, и я полагал, что уютная обстановка поможет моей подруге по несчастью быстрее освоиться в незнакомой обстановке. Предстояло ведь ещё всё объяснить, а я этого ох как не люблю, потому что толком не умею.

Правильные пассы восстановили сердцебиение и дыхание до нормального уровня. Теперь юная женщина казалась просто спящей, даже нежный румянец отчасти вернулся на щёки. Грудь равномерно вздымалась, губы слегка приоткрылись. Я понял, что любуюсь тонким гармоничным лицом и смущённо отвёл взгляд. Живая или мёртвая, она всё равно

оставалась женщиной чужой расы, да ещё подругой другого мужчины. Сделала выбор.

Момент, когда она пробудилась, я из-за своей деликатности пропустил, только заметно учатившееся дыхание подсказало, что черетесса уже не спит. Она смотрела на меня смутно, словно не совсем понимала, что происходит.

— Уже всё? А почему ты здесь? Мы ушли вместе? Где мой ребёнок, я могу его увидеть?

Она задавала эти вопросы, перемежая их долгими паузами, так словно подготовила заранее и теперь лишь повторяет заученное.

— Как тебя зовут? — перебил я.

Опять пауза, а потом прозвучало тихо и отчасти удивлённо, словно произошёл сбой при запланированном вхождении в новый мир.

— Меня зовут Ланика.

По-детски подробный ответ прозвучал трогательно.

— А я — Элле, вампир, который должен был тебя казнить, но не исполнил свой долг, потому что, отведав крови, осознал твою невиновность.

Наверное, следовало подготовить чудом увильнувшую от смерти душу, действовать деликатно, но я как-то не привык к романтике и выдал, что имел, сразу. Надеялся, что черетесса востепенится, услышав добрую весть, но она лишь спросила:

— Значит, я жива? Моего малыша здесь нет?

— Ты не умерла, и где твоё дитя я не знаю, но поскольку оба мы теперь поставлены за грань закона, придётся постепенно выяснить всё, что произошло с тобой и твоей дочерью, а до тех пор скрываться или погибнем оба.

Ланика довольно долго смотрела на меня, причём я так и не смог понять выражение её лица, а потом из глаз покатались крупные младенческие слёзы, и она разрыдалась, горько всхлипывая и содрогаясь всем телом.

Ругая себя за чёрствость и грубость, я сгрёб её в охапку, принялся укачивать, гладить по голове, нашёптывая какой-то вздор, который в принципе не мог помочь по моим представлениям, но рыдания начали утихать, а потом тонкие пальчики с небольшими совсем незаметными когтями осторожно смяли рубашку у меня на груди, а голова приникла к моему плечу с доверчивостью, которой я не заслуживал. Я растроганно замер.

Если в комнате для казни она стеснялась меня, то теперь что-то изменилось, и это доверие слабого беззащитного существа настолько меня поразило, что сам едва удержался от слёз. Я уткнулся носом в тёплые взлохмаченные волосы и подумал, что даже в самой горькой беде всегда найдутся моменты счастья, вот как сейчас, когда против нас ополчился мир, а мы, забыв обо всём, утешали друг друга в пещере на краю болота.

Ланика скоро задышала ровнее, расслабилась в моих руках, а я, подумав о том, сколько ей пришлось вынести всего такого, что мало кому по силам, снова отругал себя за излишнюю прямооту и отсутствие тонкой деликатности в моей примитивной вампирской натуре. Папа учил драться и соблюдать правила, а не утешать плачущих девиц чужой расы, но всё же у меня и это получилось.

Я осторожно отполз ближе к стене, чтобы удобно к ней прислониться и тоже заснул.

Пробудились мы одновременно, глянули друг на друга и поспешно отстранились, как дети, честное слово. Её, вероятно, смущало, что облапил грубый двухметровый вампир, а меня-то что? В принципе это было понятно. Я обнимал чужую женщину, уже выбравшую себе мужчину и соответственно выведенную за пределы моих возможных интересов.

— Нам обоим следовало поспать, даже и представить не могу, что тебе пришлось

пережить, но отдых единственное лекарство, которое есть в нашем распоряжении.

— Ещё добрые слова.

Я загасил свечи, отодвинул занавесь, пустив в пещеру утренний воздух. Заря практически отгорела, и рассветная сырость вскоре должна была смениться дневным сухим теплом. Я принюхался к едва ощутимому ветру, ничего опасного в нём не усмотрел и вернулся к нашей постели.

Ланика выглядела теперь много спокойнее, чем ночью, в ней словно пробудилась воля к жизни, глаза смотрели ясно, рот отвердел. Я подумал, если молодая женщина вынесла всё, что отпустила ей злая судьба и не сломалась, значит, она гораздо крепче духом, чем кажется на первый взгляд. Утешать более не следовало, пришла пора начать серьёзный разговор, но прежде накормить бедняжку, чтобы вернуться в это хрупкое тело, из которого я ещё нахлебался крови, хоть какие-то силы.

— Вот, поешь. Чтобы выбраться из беды нам потребуется всё наше мужество. Телесную слабость тем более следует избыть.

Совсем молоденькая, она всю жизнь прожила в цивилизованном обществе и не знала, что такое дичина, но храбро потянулась к мохнатой тушке. Догадавшись, что она понятия не имеет, как надо снимать шкурку и удалять внутренности, я всё сделал сам. Наши когти гораздо острее чем у волков и черетов, так что нож мне не понадобился, хотя я и прихватил его из дома.

Ланика смело впиалась зубами в мясо, и принялась отрывать и прожёвывать небольшие кусочки, но не так как люди, а словно разминая волокна частоколом хищных зубов. Убедившись, что она действует правильно, я взял себе печень и съел её. Вампиры редко употребляли твёрдую пищу, поскольку пользы от неё происходило мало, но в сложные времена выбирать не приходилось. Фрукты тоже пошли в дело, кусать и жевать их, как делают люди, мы не умели, но натирать острыми зубами словно на тёрке — вполне.

Воды я принёс заранее, так что мы смогли умыться после дикарской трапезы на свежем воздухе.

— Ты думаешь, что моя дочь может быть жива? — спросила Ланика.

Она осторожно поглядывала на меня, словно боялась услышать слишком прямой ответ, но я сказал честно, что не знаю.

— Когда я пил твою кровь, некогда было разбираться в оттенках, — пояснил подробнее, — но я запомнил их и постарался позднее проанализировать. У меня нет уверенности в том, что дитя живо, но и наоборот — тоже. Судьба его пока неизвестна. Тот, кто убедил тебя в виновности, мог забрать ребёнка, преследуя какие-то свои цели.

— А ты точно знаешь, что это сделала не я? — жадно спросила Ланика и я обрадовался, что хоть на этот вопрос могу ответить чётко и определённо.

— Поверь, это совершенная правда. Убийство собственного младенца оставляет в женщине такой ужасный разрушительный след, что вампир способен уловить его по запаху, даже не пробуя кровь. Влага в твоих жилах не содержит ни капли преступной горечи.

Она закрыла лицо ладонями, словно страшась мне поверить. Я увидел слёзы, текущие между пальцев, но с утешениями не полез и правильно сделал, потому что Ланика быстро взяла себя в руки.

— Расскажи всё, что помнишь, — попросил я. — Знаю, будет больно, но теперь, когда мы убеждены в твоей невиновности, страдание не должно стать чрезмерным.

— Надо найти настоящего злодея, и тогда меня оправдают!

Я вздохнул.

— И меня тоже, потому что, сохранив тебе жизнь и похитив прямо от печи, я совершил преступление.

Мы помолчали, оба, наверное, ощущая одинаковую подавленность, но быстро справились с тяжёлым чувством. Спасаться приходилось самим, рассчитывать нам было не на кого.

Ланика поведала немного. Признаться, я не слишком хорошо знал, как протекают нормальные роды у черетов, но мне показалось, что не так всё пошло с самого начала. Ланика точно помнила, что, когда начались схватки, она была в квартире одна, позвать кого-то на помощь не успела из-за навалившейся слабости. Поначалу думала, что вообще не сможет освободиться от бремени, просто не хватит сил.

Мучилась она около суток, а потом сразу ощутила облегчение и то ли заснула, то ли потеряла сознание, но ненадолго, а придя в себя тут же начала искать младенца. Его не было на кровати. Ланика встала и принялась бродить по квартире. Ребёнок лежал в ванной, в корзине для белья, замотанный в непонятные тряпки. На светлой ткани засохли кровавые пятна, только тогда Ланика разглядела, что руки её тоже в крови, причём основательно, по локоть, а когти болят, словно она крепко сжимала ими добычу. Выводы напрашивались, и даже измученное сознание оказалось способно их сделать.

Наверное, тогда она и закричала, а шум привлёк внимание соседей.

Потом опять следовал провал. Как и когда вернулась в комнату, она не помнила, просто очнулась опять на постели, на подсохших в кровавых пятнах простынях. Ребёнка рядом не было, и Ланика вновь пошла искать его, она помнила, где видела тельце, но в корзине его не оказалось. Затем она, кажется, опять потеряла сознание, а пришла в себя, когда в комнате уже толпились люди, требовавшие выдать им убиенного младенца.

— Так его не нашли? — воскликнул я.

Ланика ответила не сразу.

— У меня в голове всё так перепуталось. Допросы один за другим, твёрдая убеждённость дознавателей, что я виновата, казалась мне вполне разумной. Руки мои были в крови младенца, на когтях нашли его волосы и частички кожи. Я видела протоколы. Мне показывали фотографии, но я заставила себя на них не смотреть, расфокусировала зрение и не видела ничего, только размытые пятна. Я хотела, чтобы всё быстрее закончилось. Верила, что, если меня казнят, я искуплю этим вину и буду вместе с малышом, ни о чём другом не могла думать, а вообще как-то смутно всё происходило.

Отзвук сильного успокоительного в её организме я уловил, но полагал тогда, что дали его перед казнью, чтобы избежать истерик. Сейчас же моё мнение изменилось. Теперь я был убеждён, что произошедшее с Ланикой несчастье не случайно на всех этапах её страданий, и мы столкнулись не с судебной ошибкой, а с планомерным заговором.

Вампиры не умеют читать мысли, особенно те, которые человек не думает, так что пришлось полагаться на интуицию. Я был уверен, что даже в самом тяжёлом состоянии мать чувствует новорождённого ребёнка, способна хоть смутно его отследить, потому то ненавязчиво расспрашивал Ланику, то уводил разговор в сторону, надеясь, что утерянныя воспоминания выскочат на нас из-за угла, то уговаривал её отдохнуть и ещё поесть.

Не знаю, в какой момент меня угораздило спросить про Узрума. Если честно ни видеть его не хотел, ни слышать о нём, но для черетессы он оставался возлюбленным, а чувства — мощный стимулятор разумной деятельности: могут вытряхнуть из подсознания, казалось, навсегда утраченное, на что не всегда способны даже пытки.

Ланика не воодушевилась, а поникла, но послушно начала рассказывать, как познакомились начали встречаться, как он пообещал жениться потом, зато близости хотел сразу. Для людей в свободных отношениях не было ничего необыкновенного, но череты строже относились к добрачным связям, да и вампиры тоже. Я вон взрослый мужчина, а романы заводил редко, тайно и с опаской, потому что не полагалось у нас ходить направо и налево, могло крепко влететь от родителей, сколько бы лет ты не прожил на свете и каким взрослым себя не считал. Конечно я не боялся взбучки, просто не хотел расстраивать маму и папу. Да и чего стоили те случайные короткие встречи? Обе стороны не давали и не хотели никаких обязательств.

Я понимал, что Ланике ещё сложнее было решиться на запретную связь с любимым, но она верила ему и совсем потеряла голову от первой прекрасной привязанности.

Слушая её излияния, я радовался и грустил одновременно. Мне удивительной казалась эта всепоглощающая страсть, эта одержимость другим существом, сосредоточие на нём всего света вселенной, но и пугала она ничуть не меньше. Я тысячу раз изображал романтические чувства на сцене, но сам не испытывал их никогда. Любовь казалась тёмной водой с неведомыми глубинами и загадочными обитателями холодной бездны, даже меня страшило её дно.

Мысль о том, что вот эта маленькая юная почти девочка не побоялась нырнуть в свой личный омут, добавляла уважения к ней. То есть, по хорошему-то мне следовало заняться нравоучениями, но я и не подумал. Нельзя усугублять упреками муки совести даже во искупление сотворённых ошибок — нет в природе таких вин.

Мне было хорошо с Ланикой, спокойно и правильно, как с птенцом, только ещё лучше. Я заботился о её удобствах, показывал все тайны нашего убежища, я и массаж ей делал потому что он настоятельно требовался (у неё очень ослабели ноги), хотя она жутко смущалась и пыталась целомудренно прикрыть как можно больше телесных прелестей.

Влетели мы оба по полной, как говорят люди, но таким счастливым я себя прежде не чувствовал никогда. Всё, что попадалось на глаза, казалось новым, ярким, протёртым до блеска.

О ссоре с любовником Ланика не говорила, да я и не расспрашивал, опасаясь новых слёз, зато почти случайно выяснилась одна вещь, которая показалась мне важной. Я не понимал, почему черетесса не обратилась в больницу, когда подошёл её срок, там бы не отказали в помощи, наплевав на отсутствие рядом мужа, и тогда Ланика объяснила, что роды начались намного раньше положенного времени.

А вот с чего бы это?

Пусть хрупкая на вид, она обладала крепким здоровьем. Её порода, как и наша, тоже почти не знала болезней. Череты некогда сражались рядом с нами, так что я хорошо помнил, насколько закалённый и выносливый это народ. Теперь, конечно, попадались среди них откровенно хилые, даже толстые. Человеческие блага соблазняли многих, распущенность до добра не доводила. Высшие вампиры оставались единственными, на кого это правило не распространялось. Надолго ли?

Сообразив, что злоумышленник мог заранее озаботиться принятием мер, я теперь расспрашивал обо всём, что происходило прежде трагедии, не показалось ли что-то подозрительным или хотя бы странным. Параллельно я размышлял о том, кто вообще получал выгоду от расправы с матерью и ребёнком.

Когда убивают преднамеренно, для этого всегда есть причины. Только я их не находил. Ланика была скромной девочкой из простой семьи, ни у кого она не стояла на дороге. Разве что сам Узрум имел повод для недовольства. Внебрачный ребёнок не радует семьи, но обойти его имуществом по новым законам тоже нельзя.

Но если черет хотел избавиться от несправедного плода, почему нанял меня, заплатил врачу? И по какой причине его план внезапно прекратил действовать? Играть я в детективных пьесах, играл, но самому расследовать преступления не доводилось. Не хватало у меня соображения для того, чтобы осмыслить происходящее.

Через несколько дней, когда Ланика окрепла, я решил, что пора навестить в город и выяснить хоть что-то. Сидя на месте мы ничего не могли сделать. Брать с собой черетессу я не собирался. Убежище оставалось надёжным, а по округе бегало много сытых ленивых кроликов, ловить их для любого хищника не составляло труда. Кроме того, я познакомил Ланику с одним из своих арендаторов, точнее, одной.

Крепкая ещё вдова Марила самостоятельно содержала ферму и отлично справлялась с хозяйством. Я знал её с детских лет (не моих, конечно) и очень любил, иногда помогал делать тяжёлую работу. Мы дружили. Я ведь свой дом сам содержал в порядке, освоив за годы человеческого правления много полезных профессий. Мариле я мог доверять. Фермеры вообще хорошо ко мне относились: я не старался выжать из них арендную плату побольше, да и жил не богаче, чем они, а то и беднее. Мы ладили, потому что вместе везли непростой крестьянский воз.

— Я присмотрю за девочкой! — пообещала Марила. — Делай что нужно, а потом возвращайся, мы будем ждать.

Едва стемнело, как я поднялся в небо и достиг города, когда ночь только начиналась. Спрятав волосы под куртку и натянув на уши капюшон, я проник на улицы. Здесь меня наверняка искали, даже в поместье наведывались, осмотрели пустой дом, (я определил по следам) должно быть, имея на то разрешение. Я не старался вести себя неприметно, поскольку при моём росте всё равно не получалось слиться с толпой, просто имитировал как мог неуклюжую человеческую походку и держался не так прямо, как привык.

На окраине я зашёл в одно из тех заведений, где разрешали за деньги выйти в информационную сеть и сделал несколько запросов. Адрес Узрума мне удалось раздобыть не без труда. Не происходи он из богатой семьи, которая так или иначе всё время оказывалась на виду, ничего бы у меня не вышло.

Ноги прежде всего понесли к родному жилищу, но посмотреть на него я мог лишь издали. Вполне вероятно, что здесь ждала засада, да и на птенца я не слишком полагался.

Сдать меня властям, как ни крути, получался прямой резон. Мальвин обрел свободу, убежище и более никому не обязан был объяснять скандальные страницы своего прошлого.

Я вздохнул и пошёл мимо. К театру тоже тянуло как магнитом, всё же немало лет я служил в труппе, но друзей, на которых мог положиться, там не завёл. Досада брала, стоило мне подумать о том, как одинок оказался в трудную минуту, но, если вампир в радости был никому не нужен, в горести от него тем более отвернётся каждый первый.

До богатого предместья пришлось добираться на такси, но машину я покинул задолго до цели. Далее шёл медленно, вслушиваясь и вглядываясь в окружающую реальность. Я здесь никогда прежде не был и с удивлением разглядывал домики, рядом с которыми мой усадебный смотрелся бы откровенно убогим. Люди и многие не люди накопили изрядно богатств, раз могли себе позволить такую роскошь. Раньше я не особо задумывался о том, насколько велико расслоение в обществе. Когда-то я находился на его вершине, но жил незамысловато и одевался лишь чуть роскошнее простых воинов или землепашцев. Теперь всё переменялось.

Я несколько раз обошёл дом, прежде чем махнуть через ограду. Поверху шли довольно странные на вид провода, потому я, не рискуя их коснуться, просто перепрыгнул. Вампиру нетрудно оказалось это сделать.

Сквозь ухоженный до неприличия сад я пробрался к зданию. Каменное, оштукатуренное, основательное — оно буквально кричало о приличном достатке. Сквозь большие окна первого этажа лился яркий свет, я прокрался к самому стеклу и разглядел чинного пожилого черета, сидевшего, а точнее тонувшего в кресле. Массивная фигура едва в нём помещалась. На диване расположились другие череты, да и люди тоже. Я сообразил, что хозяин принимает гостей. Я видел портрет отца Узрума, потому узнал его сразу, но лишь теперь сообразил, что у сына наверняка имеется отдельное жилище и вряд ли он до сих пор обитает в семейном доме. Запах, и довольно свежий, я уловил, но не мог понять, как часто и возникает здесь его источник и надолго ли остаётся.

Только я вознамерился подняться по стене к верхним этажам и поискать следы моего нанимателя в спальнях, когда сам он появился в гостиной, прошёлся, кивая одним и разговаривая с другим. Надменный и невозмутимый, не встревоженный тем, что случилось с его подругой, и где она находится теперь.

У меня зачесались пальцы, зазудели клыки, сам того не ожидая, я испытал приступ ярости почти такой же сильный, какой накрыл меня в лесу. Предать малышку Ланику мог только законченный мерзавец. Убить его хотелось почти нестерпимо, несытость, неизбежная от того, что лишился законной жертвы, служила в этом стремлении не главной причиной.

Я справился с порывом, заставил себя успокоиться. Ланика любила этого парня, вполне вероятно, осталась равнодушна к нему после всех пережитых бед, значит, я его не трону.

Прежде всего нужно с ним поговорить.

Улучив момент, когда никто из гостей в сад не смотрел, зато лицо Узрума было повернуто к бронированному стеклу, я приблизился к нему, махнул рукой.

Поначалу показалось, что черет слишком глубоко погружён в свои мысли, чтобы замечать происходящее вокруг, но потом черты его дрогнули, плечи чуть сгорбились и он машинально оглянулся, словно хотел проверить не видит ли кто-то другой того, что узрел он.

Убедившись, что меня заметили, я снова отступил в тень. Мелькнула мысль, что не станет он со мной разговаривать, а просто вызовет полицию или войска, или кто там

призван хватать и уничтожать вампиров, но вскоре он появился на одной из боковых дорожек, неуверенно вглядываясь в очертания кустов и деревьев, такие незнакомые в слабом освещении сада.

Убедившись, что рядом нет посторонних, я вышел из укрытия. Никто не умеет так грамотно слиться с пейзажем как вампир, поэтому черет вздрогнул и отшатнулся, когда я появился буквально ниоткуда.

— Что пошло не так и почему? — спросил я сухо.

Он поморщился, неприязненно меня разглядывая, при этом ещё и голову приходилось запрокидывать, учитывая разницу в росте, но я не собирался облегчать ему жизнь даже в мелочах.

— Я решил, что совершаю ошибку, вот и отменил последнюю часть плана, — сказал он. — Тебе следовало выполнить свой долг и более не впутывать меня в это дело.

— Ничего себе шуточки, как люди говорят, а предупредить не мог?

— Нет! — отрезал он. — Почему ты не убил осуждённую как это полагалось сделать? Теперь тебя ищут и обязательно найдут, придётся ответить за то, что натворил, не надейся, что я тебя прикрою.

Меня начало потряхивать, пришлось старательно держать себя в руках, но желание свернуть эту никчёмную шею становилось уже едва переносимым. Я невольно оскалился.

— Потому, что твоя подруга не делал того, в чём её обвиняют!

Он неприятно усмехнулся:

— А, эта интриганка успела и тебе налить в уши лживого яда. Не получилось втереться в приличную семью черетов, так решила охмурить вампирчика из знатного дома. Не думаю, впрочем, что твоя родня обрадуется мезальянсу.

Знай он, насколько близок сейчас к официально оформленной могиле и просторному некрологу в газетах, поостерегся бы говорить такие вещи. Я старался дышать ровно, словно я человек, и такой простой способ мог меня успокоить. Я не боялся ответственности за новое преступление, удерживала лишь мысль о том, что этот черет дорог Ланике и поэтому надо сохранить его жизнь.

— Она не пыталась меня обмануть, пусть тебе бы хотелось думать иначе, — сказал я, стараясь произносить слова размеренно и не рычать.

На самом деле меня трясло от ярости, соображал от этого неважно, потому Узрум почти сумел отвести глаза. Лишь теперь я сообразил, что его ничуть не удивило моё утверждение. Он допускал, что его подруга была невиновна, но спасти её не предполагал в любом случае. За дни между нашим первым разговором и казнью, произошло нечто изменившее намерения этого щенка коренным образом. Я не знал, что это было, но его попытки скрыть сам факт не могли не насторожить.

Он продолжал насмешливо и вроде беспечно, хотя внутреннего напряжения скрыть и не мог:

— Девчонка симпатичная, неудивительно, что ты втрескался. Вина её доказана, так что зря ты ввязался в это дело, вампир. Я полагал, что ты умнее. Ну раз похитил её на пороге забвения, так хоть потрахай напоследок, если она конечно жива, и, если тебя волнуют такие вещи.

Я стиснул кулаки, сжал зубы, но не ударил мерзавца, не смял как лист бумаги его горло. Воспоминание о том, как я едва не покалечил престарелого волка там, в лесу, всё ещё было слишком ярким. Я не хотел поддаваться глупому порыву, потому что пользы от

опрометчивых поступков не происходило. Я не понимал происходящего. Временами мне казалось, что Узрум произносит заученные речи, как поступают в театре, а на деле думает совсем иное.

Старый волк тоже мог оказаться ни в чём не виноватым перед моим семейством, а я влез в дело, которое до меня не касалось и едва не совершил непоправимое. Я боялся повторить допущенную в лесу ошибку, потому справился с гневом.

— Ты совсем не намерен помочь Ланике? Я для неё теперь слабая защита.

Он заколебался или задумался, я видел, как тени непонятным мне сомнений скользят по замкнутому лицу. Способна ещё пробудиться в нём совесть? Он ведь всё затеял, а расхлёбывать предстояло другим.

Когда он заговорил, показалось, что проснулось в его душе прежнее стремление уберечь подругу от злой судьбы. Голос теперь звучал тише, словно сомнения всё же мучили.

— Вампир, я не хочу зла ни тебе, ни ей. Неладно всё повернулось, но я дам денег, и ты сможешь скрыться от правосудия. Что касается Ланики, если она ещё жива...

Он пытливо заглянул мне в лицо, шагнул ближе. Тревога звенела в сознании. Жизнь не сцена, игры тут совсем другие, я не верил черету и в то же время хотел предоставить ему шанс. Не знаю — почему, не мог себе этого объяснить и, отдавая должное законным сомнениям, всё же стерпел фамильярность, когда он дружеским жестом положил ладонь на моё плечо.

Как выяснилось, зря, я доверял этому мерзавцу. Укол едва почувствовал, но от его ладони, точнее того, что в ней скрывалось, сразу поползла, стремясь к сердцу, тягучая боль. За ней шёл ледяной холод. Через долю мгновения я уже отшвырнул Узрума прочь, но своё чёрное дело он сделал.

Что за яд он ухитрился мне ввести я не знал, но разбираться с этим на месте не тянуло. Сейчас Узрум поднимет тревогу, и я окажусь в ловушке. Надо бежать, пока есть ещё силы. Я бросился к стене, взлетел на неё, кувыркком миновал провода и рухнул на мягкий газон под стеной.

Смерть ползла, норовя захватить целиком, но сдаваться ей на милость я не собирался. Я вскочил и кинулся вдоль улицы. Юная парочка, гулявшая под романтическими звёздами, взирала на происходящее заторможенно, даже не отшатнулась, я уже почти пробежал мимо, когда какой-то снаряд жестоко ударил в спину, бросил прямо на людей. Как я ухитрился сгруппироваться, чтобы не вмять девчонку в стену, даже не знаю. Ослабевшие руки с трудом удержали мой собственный вес.

Я пытался соображать. То, что меня сбило, прилетело не со стороны черетова сада, значит, есть в непосредственной близости ещё враги, не иначе полиция устроила засаду, а значит, сейчас тут будет ад.

— Бегите! — крикнул я людям, точнее прошептал, потому что на крик уже не хватало дыхания.

Эти идиоты ведь невинных завалят, совсем ничего не соображают. Я оттолкнулся от стены и рванул прочь от людей, чтобы хоть они не пострадали в том, что сейчас начнётся. Вовремя. Ещё один снаряд ударил в больное плечо. Меня снова отшвырнуло, протащило по ограде, я напрасно попытался зацепиться за кирпичи. Теперь я видел противников. Они бежали наперерез в удивительных блестящих скафандрах, а их оружие всё посылало и посылало неведомые штуковины. Иные из них благополучно пролетали мимо, а иные попадали в меня, что скрывать. Увернуться не получалось

Ноги неумолимо подламывались, но я попытался собраться для борьбы, и мне почти удалось преодолеть шок, когда в воздухе с противным скрежетом развернулась металлическая сеть.

К тому моменту как странные инопланетяне в нездешних скафандрах окружили меня со всех сторон, боль разгулялась настолько что я с трудом сдерживал стоны. Сеть оказалась очень хитрой штукой, она облепила меня как сорная трава, в то же время каждый элемент её можно было отстегнуть и передвинуть. Вот мои пленители этим и занялись, в итоге всех манипуляций с ловкостью защёлкнув кандалы на моих руках и ногах.

Подкатила длинная машина, похожая на закрытый катафалк, пока меня тащили внутрь, позволяя идти, но отслеживая каждый шаг, я успел повернуть голову и увидеть, что юные влюблённые не пострадали. Ну хоть что-то сложилось хорошо, когда всё обещало стать плохо.

Даже столь невинное движение насторожило людей и на меня вновь наставили грозного вида винтовки. Я решил не нарываться: человеческая агрессия всегда любила идти через край, кого только не захлёстывало её мутным потоком. На целенаправленные действия я был сейчас не слишком способен, зато ненароком покалечить кого-то мог и в настоящем кислом состоянии. Преувеличивая мою мифическую опасность, они недооценивали мою реальную силу.

Яд продолжал трясти организм, выдёргивая все нервы с насиженных мест. Я не знал, способен ли он меня убить, но уже не слишком и переживал по этому поводу, боль сводила с ума. Меня уложили на металлическую лавку, пристегнули к ней дополнительно тяжёлыми шпангами. Пожалуй, люди достаточно верно оценивали потенциал вампира, пусть едва живого. Польщённым я себя не ощутил.

Начальственный голос, прозвучавший где-то рядом, с трудом проник в сознание. Мыслил я достаточно чётко, но беспорядочные судороги в мышцах всё равно изрядно отвлекали от происходящего вокруг. Командир ругал подчинённых, открывших огонь, когда пострадать могли посторонние, и я почувствовал невольное удовлетворение от того, что виновникам перепало за проявленную дурь. Судя по тому, как много снарядов пронеслось мимо моей немаленькой особы, влюблённым исключительно повезло не попасть под шальной обстрел.

Потом машина дрогнула, словно крупный человек вскочил на платформу и действительно помимо тех, что меня стерегли, в поле зрения появился ещё один инопланетянин в блестящем одеянии. Шлем слепо отсвечивал фальшивым серебром, но я и сквозь преграду ощутил на себе внимательный взгляд. Меня осматривали, причём не как опасный предмет, а иначе. Изучали.

— Вколи ему антидот, — сказал этот новый человек.

Другой возразил:

— Не сдохнет, а нам спокойнее.

— Делай, что говорят, тогда как рассуждать буду я!

Командир исчез, а один из охранявших меня бойцов, выругавшись, достал из сумки на поясе одноразовый инъектор и всадил иглу мне в бедро. Прямо сквозь одежду.

Лекарство подействовало почти сразу. Боль понемногу начала утихать, чувства возвращаться. Мне показалось, что слышу снаружи голос черета, вкрадчиво негромкий и шелестяще-торопливый, но поручиться я не мог. Мотор всё время гудел, причём где-то рядом с головой, так что посторонние звуки изрядно гасились.

Вскоре дверь захлопнулась, и мы поехали. К тому моменту, когда прибыли на место, я почти оправился от действия яда, осталась лишь небольшая слабость, но это не значило, что я намеревался героически прокладывать путь себе к свободе. Инстинкт подсказывал, что успехом это предприятие не завершится, да и имело ли смысл бежать? Я оказался некудышным расследователем, на шаг не продвинулся на пути к истине. Пусть всё идёт своим чередом. На воле от меня всё равно вышло немного толку. Теперь я смогу хотя бы объяснить мотивы своего проступка, а главное: просить пересмотра дела Ланики. Если моя правда никого не заинтересует, значит, я окажусь за решёткой, но её, быть может, сумею выцарапать из беды.

Наиболее настойчиво удерживало от решительных действий ещё одно соображение. Люди изобрели так много секретных средств против вампиров, что я не мог предвидеть, как повернётся дело, не надеялся, что мне ещё раз удастся ускользнуть от человеческого надзора. Выследят, а приведу погоню к Ланике, и пропадём оба, лучше уж я пострадаю один.

Полицейские моих соображений не знали, а спросить не догадались, потому держались начеку, но я не пытался сопротивляться. Сеть от меня отлепили ещё по пути, зато тяжеленные кандалы оставили. Когда выводили из машины в крытый двор, цепь от ножных неприятно стучала по асфальту.

В спину мне настойчиво упирался ствол винтовки, с двух сторон контролировали широкие как шкафы бойцы, внушительно, должно быть, выглядело всё шествие.

Увидел я и командира, что оказался неожиданно гуманен и избавил вампира от лишних страданий. Он наблюдал за происходящим со стороны, и я опять почувствовал его настойчивый интерес. Одинаковая форма не могла меня обмануть, я различал людей по осанке и манере двигаться, а не только по росту и комплекции.

Меня провели внутрь здания. Судя по тому как массивно и основательно было сделано всё вокруг, тюрьма предназначалась специально для вампиров, я прежде не знал, что существуют такие. Затем ножные кандалы сняли и втокнули в крошечную комнатку. О назначении узкого горизонтального окошка на уровне моего пояса я догадался сам и действительно, когда просунул в него руки, меня освободили от браслетов.

Процедуру, как видно, отработали давно. Мне велели полностью раздеться, потом встать в тёмный шкаф, где неприятно жужжащие сканеры обследовали со всех сторон, затем, следуя новым указаниям, я прошёл в душевую и охотно помылся. Вместо моей одежды меня ждал тюремный комплект. Бельё белого цвета, а штаны и блуза — алого. Я облачился в эту униформу и поспешил заплести косу, пока руки были свободны.

Вовремя, надо сказать. Почти сразу последовал приказ вновь воспользоваться оконцем, и на запястьях опять сомкнулись кандалы.

Камера оказалась крошечной. Узкая койка, умывальник и никакого окна. Мне велели лечь, и я подчинился, после чего пристегнули к кровати, пропустив металлический прут вроде тех что использовали в машине, между скованными руками. Я мог повернуться на бок, но не встать.

Странно, но меня все эти процедуры занимали не на шутку. Я удивлялся, начиная понимать, что люди всерьёз считают нас чрезвычайно опасными и необузданными существами. Стерильная суровость этого места порождала в душе сомнения, в сути которых я пока не разобрался.

Решив, что на какое-то время оставят в покое я постарался заснуть, и у меня получилось.

Утром меня отстегнули от кровати и выдали пластиковую бутылку с искусственной кровью. Почему-то изумило, что в тюрьме кормят, хотя вроде бы предполагать известный порядок было логично. Я спросил у надзирателя, можно ли мне ходить по камере, и он разрешил, велел только не производить шума.

Я не понял, почему он особо подчеркнул этот момент, ведь вампиры передвигаются практически неслышно, особенно в мягких облегающих тапках, которые мне выдали вместо нормальной обуви. Я жутко устал находиться в неподвижности, потому воспользовался случаем и размялся как мог.

На допрос повели, когда утро уже никак нельзя было назвать ранним. Обставили этот процесс кучей предосторожностей. На меня надели ножные кандалы и сопровождающие всё время держались настороже, словно хотели любой ценой поднять мою самооценку. В комнате для бесед, одну цепь пристегнули к скобе в полу, другую к аналогичной, выступающей из поверхности стола, так что сидя на привинченном наглухо стуле я не мог рыпнуться, даже если бы и хотел.

Я разглядывал все эти суровые приспособления с совершенно детской любознательностью, отвлёкся лишь когда дознаватель переступил порог комнаты. Я сразу узнал человека, руководившего моим захватом, хотя раньше полагал, что скручивать и допрашивать — это разные профессии.

Высокий, поджарый, пожалуй, мы могли бы шить одежду по одной мерке. Человек. Темноглазый, темноволосый, довольно обыкновенной, на мой взгляд, наружности. Взгляд пристальный, но отторжения, которое часто можно наблюдать у людей, когда они смотрят на вампира, я не заметил.

Дознаватель рассматривал меня, я — его. Стеснения я, признаться, не испытывал. Всё происходящее выглядело настолько неправдоподобным, что и страха особого не внушало.

Если пристальное изучение с порога было попыткой продавить мою волю, не думаю, что она сработала. Человек, по всей видимости, пришёл к тому же выводу, потому что сел напротив и принялся сосредоточенно просматривать несколько сколотых между собой листов бумаги, иногда возвращаясь к уже прочитанному.

Я сидел спокойно, дожидаясь, когда на меня обратят внимание, пальцем и то не шевельнул. Вампиру несложно замереть на месте — мы же хищники. Раз люди здесь нас опасаются, лучше придерживаться их правил.

Убрав прочитанные листки, человек вновь протестировал меня взглядом, потом выдвинул клавиатуру из-под кромки стола, развернул небольшой экран.

— Меня зовут Фабр Кастле, я дознаватель по твоему делу. Назови полное имя, происхождение, место жительства.

Я послушался. У знатного вампира много имён. Где-то в середине списка человек поднял на меня удивлённый взгляд, но не прервал долгое перечисление. Писал он быстро. Кроме того, я не сомневался, что где-то есть и устройство фиксирующее происходящее, только мне на глаза оно не попало.

Когда я завершил пространную речь упоминанием о том, что живу и работаю в городе под коротким прозвищем Элле Трэр, он опять окинул внимательным взглядом, но комментариев не сделал.

Далее последовал собственно разговор. Вопросы человек задавал с причудливо манере, то выяснял моё мнение на происходящие события по порядку их действия, то вдруг возвращался к уже обговоренному и начинал уточнять какие-то детали, а иногда

любопытствовал совершенно не относящимися к событиям вещами. Ну это я так думал. Вероятно, в каждом пассаже имелся глубокий смысл. Меня хитрые уловки не тревожили, потому что говорил я только правду, умолчав лишь о своём подозрении, что врач, освидетельствовавший тело, был подкуплен. Точно я не знал, а стоять домыслы по не касающемуся до меня делу считал ненужным.

Выдохся он, по-моему, быстрее, чем я. Умолк, лишь хмурил брови и то проглядывал свои записи, ну я так полагал, то смотрел на меня, хотя уже должен был изучить до мельчайших деталей.

— Нет ни одного доказательства твоей точки зрения, — сказал он наконец.

Я удивился. Честно говоря, полагал, что всё мой произнесённое будет отвергнуто без разговоров, и дознаватель просто отрабатывает свой хлеб, набивая дело протоколами исключительно для солидности.

— А у вас есть подтверждения той, что привела невинного на эшафот? — не удержался я.

— Подследственному не разрешается задавать вопросы, — педантично пояснил он.

— Прошу меня простить.

Он помолчал, а потом всё же ответил:

— Поверь, мы тщательно провели расследование. Брали образцы, сделали все анализы. Кровь и ткани ребёнка обнаружены на руках матери, отпечатки на простыне, которой он был удушен, тоже принадлежали ей. Следов присутствия постороннего в квартире не обнаружили вообще. Есть все основания полагать, что женщина находилась одна. Приговор, не спорю, удивил суровостью, у меня сложилось впечатление, что она была не совсем вменяема в момент совершения преступления, но врачи отклонений не нашли.

— Значит, младенец всё-таки мёртв, — вырвалось у меня. — Мы с Ланикой надеялись...

Я замолчал, ожидая, что меня опять одёрнут и посоветуют заткнуться, но Кастле не рассердился.

— Это абсолютно точно её ребёнок и он безусловно, убит.

Я и не думал, что это сообщение отзовется в душе такой болью. Как я скажу Ланике, что её дочки действительно больше нет? На несколько мгновений я перестал понимать, что происходит вокруг, а когда пришёл в себя, обнаружил, что дознаватель смотрит на меня с непонятной сосредоточенностью.

— Эта женщина так важна для тебя?

— Её обидели, я всего лишь хотел защитить.

— Утверждение, что по капле крови ты можешь отличить виновного от виноватого — всего лишь слова. Ты ведь понимаешь, что на этом основании я не могу вновь открыть дело?

— Да, но если бы мне дали возможность осмотреть место преступления и тело ребёнка, я мог бы найти уцелевшие вещественный следы.

— Напекаешь на недобросовестность наших экспертиз?

— Нет, конечно, просто методы у нас разные.

— Или ты хочешь воспользоваться случаем и бежать.

У них на уме только побеги, хотя, здраво рассуждая, они должны быть на уме у меня. Я шевельнул скованными руками, чтобы цепь звякнула.

— Вот в этом железе? Я вампир, а не герой пьесы. Могу слово дать, что не попытаюсь скрыться, да и некуда мне.

— Для подруги своей убежище нашёл. Где она, кстати?

— Город большой.

— Не скажешь?

— Нет. Я совершил преступление — наказывайте меня, а она невиновна.

— Вот ведь упрямец, — сказал Кастле, но, как мне показалось, не зло, а скорее с одобрением.

Странно было думать, что он относится ко мне как к человеку, но впечатление такое сложилось, хотя я не спешил ему полностью доверять. Люди хитры, не стоит полагаться на их дружелюбие, оно обманчиво.

— Ладно, так я с тобой и без обеда останусь. Отправляйся в камеру, а там видно будет.

Он поднялся, собрав свой инвентарь, а потом неожиданно спросил:

— Жалобы или просьбы есть?

— Помоги Ланике, оправдай её, у меня не получилось, так я в этом ничего не смыслю, но ведь ты умеешь делать свою работу.

— Я имею в виду твоё пребывание за решёткой.

Кажется, он интересовался доволен ли я условиями содержания, но тут я искренне не понимал, какие могу предъявить претензии. Конечно, я предпочёл бы хоть в камере находится без кандалов, но раз тут приняты такие обычаи не мне их менять.

— Ко мне хорошо относятся.

Он фыркнул как кот-обротень и я даже потянул носом запах, чтобы убедиться, что не обманулся с его породой, но ничего нового не обнаружил. Дознаватель как был человеком, так им и остался.

Он ушёл, а вскоре и за мной явилась привычная делегация, чтобы сопроводить обратно. На крошечном столике дожидалась бутылка еды. Ножные кандалы с меня не сняли, как видно, чтобы не возиться лишней раз, если неоднократно в течение дня придётся вести на допрос, но я не возражал. Людям виднее. Это их мир.

Я попытался обдумать, что и как стал бы искать, пусть они меня на место преступления, но ничего здравого в голову не шло. В пьесах, где разыгрывались детективные сюжеты, всё выглядело очень драматично, но я сомневался, что в жизни дело обстоит точно так же. Понял уже, что расследование — это кропотливая работа, а не стремительный наскок. Разучивание роли тоже выглядит скучно, весёлым всё предстаёт лишь на сцене.

Ходить по камере, грохоча цепями я не решился, но лёг на кровать и выполнил статичную разминку. У нас существовал хорошо отработанный комплекс таких упражнений, на войне пригождавшийся не раз.

Тюремщики ко мне не заглядывали, да и нужды не было, потому что прямо над дверью поблёскивал глазок следящего устройства. Я не обращал на него внимания, потому что не делал ничего предосудительного, но подумал мельком, что в тюрьмах для людей такое вряд ли допустили бы. Их права охранялись гораздо строже, чем наши.

Остаток дня не принёс ничего нового, кроме вечерней порции еды. К кровати меня на этот раз не приковали, но велели лечь и не болтаться по камере до утра. Я пообещал вести себя послушно, да и зачем было поступать иначе? Закрыв глаза и думал о Ланике, о том, как она тревожится за меня, но терпеливо ждёт. Я надеялся, что у неё хватит выдержки не пуститься в приключения, а оставаться в надёжном убежище. Мне вряд ли грозила смертная казнь, а вот её доказанное преступление могло привести к немедленному возмездию.

А утром за мной пришли, и, судя по предосторожностям, которые предпринимали

люди, мне предстоял не рутинный допрос, а что-то иное.

Для начала провели в соседнее здание. Путь по коридорам и переходам занял немало времени, потому что соблюдалась при этом куча предосторожностей. Я грохотал цепями, охранявшие меня тюремщики проявляли чудеса бдительности, а случайные встречные и поперечные разбегались в разные стороны с похвальной резвостью. Несмотря на прискорбность моего положения, временами разбирал искренний смех, я с трудом подавлял несвоевременные позывы. Не хотел лишний раз раздражать людей, хотя происходящее казалось удивительно нелепым.

Следовало, наверное, нести голову горько склонённой, как положено узнику, но так неудобно было бы смотреть по сторонам, а всё вокруг пробуждало любопытство, даже морг, куда меня и привели в конце концов. Интересно же заведение, я в настоящем никогда не был.

Внутри оказалось прохладно и как-то нечеловечно что ли, тем не менее, на меня эта обстановка подействовала успокаивающе. Озираясь я заметил двоих людей явно высокого по местным рамкам ранга: пожилую женщину и мужчину чуть моложе. Судя по тому, как ориентировались на них все прочие, они принадлежали к категории большого начальства. Я хотел поклониться, но передумал: заключённым под стражу, наверное, не полагалось демонстрировать не только свою натуру, но и наличие манер.

Рядом с этими двумя, хотя чуть наособицу держался полный мужчина в белом комбинезоне. Одноразовое одеяние, которое, как я предположил, использовали для вскрытия. Патологоанатом?

Не догадываясь, что за представление меня здесь ждёт, я остановился, где велели.

Мой дознаватель выступил вперёд и кивнул сотруднику помельче, чтобы тот выдвинул из холодильника один из оцинкованных столов.

— У тебя есть возможность осмотреть труп младенца, — сказал мне Кастле. — Прошу.

Мне разрешили подойти к телу одному, все теперь держались поодаль, лишь наблюдали за каждым моим движением. Если желали смутить подчёркнутым вниманием, то просчитались. Я — актёр, не умею забывать о публике, не добился бы успеха в своей профессии.

Холодная одиночная камера трупа накопила немало запахов и ощущений. Теперь они щедро хлынули на меня, не будя брезгливости, лишь застенчиво делясь сведениями. Я потянул верхнюю волну, потом склонился над телом, удручающе крошечным на обширной металлической поверхности.

Пальцы отвели с лица край простыни, люди всегда прикрывали своих мёртвых, словно опасались присмотра с того света или ощущали вину на этом. Бедный малыш. Впрочем, его судьба, вполне возможно, оказалась завидной. Он не успел хлебнуть прелестей и невзгод бренного мира. По дурацкой актёрской привычке я выдержал паузу и лишь потом сказал, обращаясь к дознавателю, поскольку именно этот человек имел со мной дело, да и поручение дал тоже он:

— Мальчик умер ещё в утробе, здесь не убийство, такое просто бывает. Ну и кроме всего прочего это человеческий детёныш, и к черету Ланике он отношения не имеет.

Двое людей начальственного вида промолчали, а дознаватель опять кинул сотруднику, который приблизившись ко мне не без опасения, загнал обратно использованный стол и

выкатил другой. На металлической поверхности лежал взрослый мужчина. Я вопросительно посмотрел на человека. Живого не мёртвого. Мне ведь не объяснили, какую играть роль. Я привык получать указания от режиссёра.

— Можешь определить причину его смерти?

— Три примерно недели спустя, да ещё после вскрытия? Не осматривая подробно труп, лишь взглянув на него мельком?

Кастле слегка улыбнулся и дал было знак сотруднику убрать тело, но я сказал:

— Могу. Ножевое ранение в область брюшной полости. Вполне вероятно, не одно.

Я перечислил повреждённые органы. Тело успело пропитаться их запахом до того, как трупу извлекли для подробного изучения.

Теперь люди следили за мной куда заинтересованнее прежнего. На следующий труп я едва взглянул и сам вернул обратно в холодильник.

— Наркоман. Передоз. Этот душный запах ни с чем не спутаешь. Я мог бы указать и сам яд, если бы знал его название.

— Вот так быстро? — уточнил Кастле.

— Простой случай.

Дознаватель поглядел на начальников, мне показалось, что у него заметно улучшилось настроение, как видно я играл хорошо и впечатлил публику. Лишь патологоанатом выглядел сердитым и нетерпеливо переступал с ноги на ногу, я понадеялся, что мои заключения не разойдутся с его протоколами, если проверка затянется надолго.

Кастле вновь кивнул служителю. Тот уже увлёкся спектаклем и бояться меня почти перестал, совершенно театральным движением, явно чувствуя себя важным участником происходящего, он выкатил очередной стол и картинно отступил.

На этот раз передо мной лежала женщина. Я взглянул на лицо, но отнять простыню дальше не рискнул, вдруг людей оскорбит если я начну водить носом по обнажённому телу. Пришлось внимать сквозь ткань. Этот случай поставил меня в тупик. Я долго прислушивался к своим ощущениям. Они говорили одно, а рассудок возражал, утверждая другое, всё же я решил положиться на чутьё.

— Переохлаждение, но каким образом? Сейчас же лето.

Это произвело на них сильное впечатление. Начальники переглянулись и обменялись несколькими фразами, к которым я старался не прислушиваться, поздно спохватившись, что узнику не стоит быть деликатным.

— Я ошибся?

— Наоборот! Верно во всех случаях.

Дознаватель выглядел весьма довольным, и я решил, что всё делаю правильно. Без режиссёра я так себе актёр, но по подсказке работаю хорошо.

Мне предложили ещё несколько трупов. Лёд оказался если не сломленным, то изрядно подтаявшим, и зрители держались теперь ближе и свободнее. Когда однажды моё предположение всё же разошлось с заключением врача, он задиристо набросился с обвинениями, не страшась моей вампирской сути. Я невольно отступил на шаг-два под его напором и машинально отбросил носком тапка цепь, о которую он мог нечаянно запнуться.

Этот маленький эпизод вызвал на лицах улыбки, но спорить дальше я не рискнул, просто замолчал, позволив человеку поносить мои таланты эксперта. Пожалуй, людям понравилась проявленная незлобивая покладистость.

Ребёнка Ланики я узнал сразу. Стол ещё не успел выехать из холодильника, а за

грудиной уже разлилась боль. Я коснулся кончиками пальцев крохотного тельца, кандалы неприятно стукнули о металлическое покрытие полки. Личико, искажённое умиранием и смертью, застыло в немом укоре. Я дотронулся до едва заметных бугорков, из которых однажды выросли бы рожки.

Две капли, взявшиеся неизвестно откуда, упали на простыню, расплылись, оставляя тёмный след. Я не вдруг сообразил, что плачу. Запаниковал, как-то попытался прекратить непонятное безобразие, пока никто не заметил, поэтому наклонился ниже, едва не уткнувшись носом в тело. Что же меня так развезло-то? К аресту отнёсся с полным спокойствием, а тут растаял как свеча в печи.

Люди ждали, и я постарался сосредоточиться. Да, никаких сомнений более не осталось. Отцовство Узрума тоже было для меня очевидным, но я постарался отвлечься от простых вещей и понять, что произошло в действительности, какая злая сила расправилась с едва явившим себя миру чудом новой жизни. Я ловил запахи, пропускал их через себя, прислушивался к ощущениям. Старался так, что голову сжало болью, но не находил никаких посторонних следов, лишь тусклый оттенок того пластика из которого делают комбинезоны для работы в морге.

Простивший мою неделикатность патологоанатом самолично принёс простыню, которой сдавили маленькое горло, но и на ней я не уловил ничего чужого, кроме запаха того же пластика.

— Обнаружил что-то?

— Нет, — сказал я.

Горечь поражения заволокла разум, я едва понимал, что меня опять куда-то ведут. Морг остался за спиной, но вскоре я пришёл в себя и сообразил, что путь лежит не в камеру, а в тот крытый двор, куда доставили в самом начале. Неужели мне всё же покажут место преступления? Или переводят в другую тюрьму? Да вряд ли у них так много каталажек для вампиров.

Я поглядел на человека, но он не обращал на меня внимания, занятый своими мыслями. Двое начальников с нами не поехали.

Во дворе ждала та же самая машина и меня с прежними предосторожностями куда-то повезли. На лавке напротив сидели охранники в знакомых уже скафандрах. Я ещё подумал, что подобная парадность привлечёт слишком много внимания, а зачем оно? Впрочем, люди, вероятно, знали, что делали.

Место по описаниям Ланики я узнал сразу, она не однажды рассказывала про улицу, где прожила много лет, и я угадывал дома и даже деревья, на которые она смотрела из окна. Я ведь собирался наведаться сюда и изучить место преступления, если получится, потому расспрашивал подробно.

Меня опять торжественно, уперев ствол винтовки в позвоночник и старательно охраняя с двух сторон, провели в парадную, и я поднялся на второй этаж по вытертым ступеням, причиняя им дополнительный ущерб волочившейся цепью.

Дознаватель, что любопытно, свой скафандр не надел. Демонстрировал храбрость или стал меньше меня бояться? Я начинал испытывать определённую симпатию к этому человеку и немного тревожился. Природное простодушие могло сыграть со мной злую шутку. В сущности, обмануть меня ничего не стоило, хоть я немало знал о людях. Получается, приобретая жизненный опыт, сосредоточился не на том, на чём следовало?

В квартире истошно пахло кровью и бедой. Я заглянул в обе маленькие комнаты,

поражаясь бедности обстановки. У меня у самого были не хоромы, но здесь становилось совсем грустно. Маленькая девочка так отважно боролась с рухнувшими на неё бедами, мне следовало из кожи вылезти, но доказать её невиновность. С телом ничего не вышло, но неужели я, вампир, существо с самым чутким в этом мире обонянием не справлюсь с задачей на месте событий?

После того, как поработали эксперты все двери и окна закрыли, и квартира стояла пустой. Запахи в ней отлично сохранились, и я взялся за дело. Мне безразлично было, как выгляжу со стороны, и я не замечал нацеленного на меня оружия. Требовалось — ползал на коленках или вовсе ложился на пол, не стеснялся утыкаться носом прямо в окровавленные тряпки.

— Ланика видела ребёнка в корзине для белья, это единственное, что она запомнила, как он оказался под кроватью? Ведь именно там вы нашли труп?

Я задал свои вопросы, забыв, что не велено так делать, но дознаватель не рассердился. Кажется, моё усердие произвело на него впечатление. Он ответил.

— Предположительно, она сама его туда засунула.

— Это очень странно. Если допустить, что Ланика убила ребёнка, она, испытывая ужас от содеянного, либо попыталась бы спрятать тело подальше, либо держать его при себе. В корзине труп был на месте. Если же здесь находился кто-то ещё, он мог растеряться от того, что женщина слишком рано пришла в себя, нашла младенца и попробовать исправить дело.

— Поясни.

— Тот, кто убивал, хотел подставить Ланику, ему требовалось мёртвое тело, чтобы обеспечить обвинение доказательствами. Только у преступника был мотив перепрятать труп, чтобы женщина лишилась шанса от него избавиться. Я не верю, что Ланика могла выбросить собственное дитя, а вот негодяй способный на такое злодейство судил бы по себе. Он спрятал ребёнка именно там, где его вряд ли сумела бы обнаружить одурманненная сонным снадобьем, едва понимающая что происходит вокруг женщина, зато сразу нашли полицейские.

Я говорил немного бессвязно, спеша донести свою мысль до человека, пока не заткнули правилами. Каastle выслушал мои рассуждения, но какое впечатление они на него произвели, я не понял. Неужели провалю и это изыскание? Я вздохнул и растянулся на полу. Черетесса была аккуратной женщиной и вся пыль, скопившаяся под кроватью, попала туда явно после убийства, да и той практически не накопилось в пустом жилище. Я коснулся пальцами гладкой половицы.

Поражение оглушило. Преступник оказался так предусмотрителен, что не оставил после себя следов. Я сделал попытку и проиграл, я ничем не смог помочь Ланике, я никчёмный детектив, и толку от меня никакого. Дурнота накрыла такая, что я зажмурился, спрятал лицо от дознавателя, чтобы он не видел в каком я отчаянии. Всё оказалось напрасно. Я пытался взять себя в руки и никак не мог. Рухнувшие надежды смели моё самообладание с привычного места.

— Эй, Трэр, с тобой всё в порядке?

— Да, что мне сделается?

Я опомнился и встал, грохоча кандалами.

— Ничего? — спросил Каastle, в его голосе звучало сочувствие.

— Нет, — вынужден был ответить я.

Я полагал, что меня немедленно утащат обратно в тюрьму, но дознаватель почему-то

медлил, а потом его отвлѣк посторонний шум.

Кто-то резко и властно прокладывал себе дорогу на место происшествия, и так силѣн оказался напор, что охрана уступала ему почти без сопротивления. Рокочущее несчастье приближалось, теперь я отчётливо различал слова. Кастле вышел в гостиную, я машинально проковылял следом. Бойцы меня не задержали, как видно решив, что я выполняю указания дознавателя, лишь привычно подтянулись поближе, так что в крошечной комнатке оказалось тесновато, когда в неё ввалился Юрим Грис — папаша Узрума собственной персоной. Спину его прикрывали два охранника-оборотня.

— А вот ты где! — захохотал он, увидев Кастле. — Тебя я и ищу! Нечего приплетать к этому делу моего сына! Да девка понесла от него, но всё остальное сделала сама, он ничего не знал!

— Полагаю твой сын достаточно взрослый, чтобы самостоятельно отвечать на вопросы, когда их ему зададут, — невозмутимо ответил дознаватель.

Он не тушевался перед важной персоной, а я лишь теперь сообразил, что Узрум не помогал полиции меня задержать, а играл собственную игру, стремясь устранить меня как опасного свидетеля. Напрасно я видел в Кастле союзника моих врагов, этот человек служил только истине.

— Вы уже приставали к нему со своими измышлениями — довольно! И если вампир клеветает на моего сына, придѣтся ему ответить и за это. Уж я постараюсь, чтобы он получил по полной программе. Он сам заслуживает смертной казни за то, что помог бежать преступнице, детоубийце!

Толстый черет был в ярости. Глаза его сверкали, ноздри дулись, он брызгал слюной, когда говорил и злобно сжимал кулаки. Я опасался, что он бросится на кого-либо с побоями. На меня, скорее всего, я ведь выглядел самым беспомощным в тяжѣлых кандалах.

Я разглядывал его с тягостным чувством брезгливости. От массивных рогов на затылке, роскошного костюма до дорожных туфель и перстня с вычурной печатью на среднем пальце — он весь был олицетворением больших денег, ударивших в голову и отравивших кровь. Тупые когти в его возрасте уже должны были почернеть, но он то ли отбеливал их, то ли красил и почему-то именно эта деталь вызывала особое отвращение.

Кастле, надо отдать ему должное, стоял под этим потоком оскорблений как под летним дождиком. Щурился от летящих брызг, но волнения не показывал. Более того, он меня заслонял от черета и его страшеньких подручных. Защищал неспособного постоять за себя скованного по рукам и ногам пленника. На меня это произвело сильное впечатление.

Вывалив на головы присутствующих всё, что принѣс, Юрим вдруг успокоился, окинул внимательным взглядом меня и Кастле, а потом развернулся и вышел, оборотни потянулись следом. Дверь в квартиру захлопнулась, содрогнулась как от удара. Глядя на эту хлипкую преграду, я машинально ловил внешние звуки. Черет топал основательно, охранники ступали гораздо тише. Все оборотни мягко ходят, но мой острый слух подсказал, что за хозяином следует лишь один. Второй зачем-то задержался на площадке. Вот хлопнула дверь парадной.

— Жаловаться помчался, — усмехнулся кто-то из моих сопровождающих, глядя в окно.

Машина действительно сорвалась с места, словно черет очень спешил. В этот момент зревшее во мне чувство опасности оформилось, осозналось и яростно ударило в затылок. Я понял, что на правильный поступок у меня есть всего секунда, а то и доля её, потому двигаться начал сразу.

Какая бы смерть не торопилась к нам снаружи, у закованных в скафандры ребят шанс избежать её был, а вот у дознавателя, одетого весьма легко — нет. Вампиры сильный народ, люди и не представляют — насколько. Кандалы обременяли меня не до такой степени, чтобы я стал беспомощен. Когда я был воином, специально для тренировки надевал утяжелённые сапоги и рукавицы, чтобы меч после такой разминки пёрышком казался. Цепочки мешали, но тоже слегка, я к ним привык, мог рассчитать каждый бросок.

Это я объясняю длинно, а действовал быстро. Схватив в охапку дознавателя, я рванул в спальню и, едва успел прятнуть в сторону, хлопнув за собой дверь, как её вынесло из косяков. Стена, под которую я толкнул человека, оказалась не несущей, чисто декоративной, её ощутимо шатнуло. Другой, впрочем, в нашем распоряжении не имелось, приходилось спасаться тем, что есть. От грохота мозг спёкся в комок, но думать сейчас по большому счёту не требовалось. Я схватил кровать и, завалив её на бок, двинул к стене, заклинил эту сомнительную подпорку опрокинутым комодом. Могла преграда устоять, последуй за первым второй взрыв? Кто знает. Пока было тихо.

Сквозь пустой проём внесло в спальню облако пыли и мусора. Подхватив упавшего от моих бросков человека, я поставил его на ноги и прижал к изнаночной тканевой подложке матраса. Воздух здесь был чуть почище. Кастле заходился судорожным кашлем, но соображения, кажется, не утратил. Его глаза хорошо смотрелись бы крупным планом на киноэкране. В жизни не видел такого ошеломлённого лица.

— Ты в порядке! — сказал я громко, подозревая, что взрыв его изрядно оглушил. — Сейчас всё пройдёт, слух вернётся, пыль осядет. Не думаю, что последуют другие взрывы. Оборотень убежал.

Он не ответил, а зрачки расширились ещё больше, когда взгляд сосредоточился на чём-то рядом с моей физиономией. Я проследил за ним и почувствовал досаду. Как ни старался действовать максимально аккуратно, но порвал цепь кандалов, несколько уцелевших звеньев вызывающе болтались на запястье той руки, что придерживала матрас.

— Я почию! — сказал быстро, чтобы успокоить человека. — Не сердись, это вышло нечаянно.

Он посмотрел на меня как на идиота, и я подумал, что вполне возможно, не так уж он ошибался. Следовало подумать, а потом рот открывать. Человек наверняка напуган тем, что ужасный вампир практически вырвался на свободу, всех сейчас загрызёт или, как минимум, поколотит. Полезно успокоить того из людей, кто уже проявил добрую волю, а не болтать глупости. Я смущённо отвёл глаза и тут увидел такое, от чего все прочие мысли, если они у меня имелись, сразу вылетели из головы.

На серой ткани изнанки темнел кровавый отпечаток, причём такой чёткий, что я узнал его сразу, благо оригинал видел минуту назад.

— Фабр! — воскликнул я. — Фабр, смотри! Я всё понял. Запах пластика, который был везде. Я списал его на следы работы патологоанатома, экспертов, а преступник надел одноразовый комбинезон, чтобы не оставить следов. Он наверняка натянул на когти гасители, чтобы не порвать случайно перчатку, но забыл о перстне и, когда засовывал труп ребёнка под кровать, оставил отпечаток — руки у него были в крови.

Кастле меня услышал и понял, взгляделся, щурясь, мешала пыль, потом перевёл взгляд на

меня, теперь в нём почти не осталось ошеломления. След, улика — такие вещи он понимал, они приводили в чувство вернее всего другого.

— Фабр, это поможет?

— Да! — сказал он. — Этот оттиск послужит поводом открыть дело заново.

Я бурно обрадовался, но тут ноздрей коснулся запах дыма. В гостиной начался пожар.

— Надо уходить отсюда, — сказал я. — Сейчас пожелует огонь. Прыгай в окно, тут невысоко — второй этаж, а я выброшу следом кровать она пролезет в проём, если вынести рамы, я уже прикинул. Стена упадёт, да и злий с ней.

Кастле немедленно разозлился:

— Ненормальный вампир! Прекрати немедленно показывать насколько ты могучий. Мы просто вырежем кусок ткани, этого будет достаточно, моих полномочий хватает на экстренное изъятие улики.

Не кашляй он, как заведенный, гневный порыв выглядел бы грознее.

— Покажи, где резать, — попросил я кротко.

— У тебя и нож есть? — проворчал он.

Я молча выбросил когти из пальцев — острые, не чета черетовым. Человек даже не отшатнулся, презрев новую демонстрацию вампирского могущества, кивнул, показал, и я тотчас вынес нужный кусок ткани, подал ему.

— Там ребята остались, может кто жив ещё! — выдавил из себя человек, он мучительно задыхался, атмосфера в комнате превышала его возможности адаптации.

— Я их вытащу, лезь в окно! Я не сбегу, даю слово.

То ли он поверил мне, то ли другого выхода из ситуации не видел. Стена уже угрожающе потрескивала, я знал, что баррикада ненадёжна и рухнуть может в любой момент, потому без долгих разговоров дёрнул человека к окну.

Стёкла благополучно высыпались ещё при взрыве, так что я всего лишь выбил раму, перекинул Кастле через заваленный осколками подоконник.

— Хватайся за цепь, так будешь ближе к земле, когда придётся прыгать.

Он послушался, и от его веса у меня затрещало запястье, но человек терпения не испытывал, глянул разок вниз и сразу выпустил опору. Убедившись, что приземлился он надёжно, я рванул в гостиную. Выглядело тут, наверное, всё ужасно, у меня не было возможности рассмотреть, потому что дым заволок комнату, скрадывал очертания предметов. Его тянуло во все открывшиеся проёмы, хотя слишком вяло. Пламя едва занималось, но я знал, что в любое мгновение оно способно встать злой стеной и не мешкал лишней секунды. Один из охранников, как видно, оказался прямо на пути снаряда или ракеты, не знаю уж что произвело все эти разрушения, грудь разворотило так, что ловить здесь было нечего, два других подавали признаки жизни. Я ощущал их смутно, не иначе скафандры экранировали восприятие.

Подхватив того, что меньше пострадал я мигом выволок его на лестницу, благо от двери ничего практически не осталось и сбежал с ним на руках на первый этаж. Тут уже суетились и кричали люди, от меня шарахнулись, но хоть драться и стрелять никто не стал. Я положил стонущего человека на газон и рванул обратно.

Кандалы на ногах грохотали, но мешали не слишком сильно, я приспособился к ним и старался хоть эту цепь сохранить в целости. Думать о том, как мне попадёт за ту, что уже порвал, не хотелось.

Второй человек пострадал много серьёзнее и, несмотря на то, что огонь постепенно

разгуливался, а от дыма даже у вампира ело глаза, я припал к телу ухом, прислушиваясь к своим ощущениям. Тут боец ещё совершенно некстати начал приходить в себя.

Стремление убежать, когда кругом дым и огонь вполне естественное, вот только дёргаться бедняге было нельзя. Повреждённый позвоночник следовало хоть как-то зафиксировать. Удерживая на месте бьющееся тело, я подтащил к себе обломок двери и осторожно переместил пострадавшего на ровную поверхность. Привязать бы, да ничего под рукой не нашлось, а увещевания от вампира плохо проникали в рассудок человека. Дать по голове, чтобы потерял сознание и не мешал, я не решился, потому что не знал прочности шлема, который только треснул при взрыве, но совсем не развалился.

Пришлось выбиратья странным крабьим манером, прижимая к себе доску с человеком как поднос. К счастью оказавшись на лестнице, где дыма гуляло существенно меньше, мой подопечный затих, и я смог вынести его из дома и положить рядом с товарищем.

Тут он опять начал метаться, хотя вокруг уже суетились люди, а возможно, как раз поэтому. Я прижал его к доске и огляделся в поисках дознавателя.

Я был уверен, что он станет караулить меня у двери, но его нигде не было видно. Отсутствовал и тот человек, что охранял вход в парадную, пока мы находились в квартире. Не иначе оба пустились в погоню за оборотнем, устроившем переполох, и я подумал, сожалея, что ускользнет преступник от них с гарантией, потому что человек за бегущим зверем попросту не угонится.

Впрочем, меня сейчас занимали иные переживания. Доверие, которое выказал Кастле, так согрело душу, что я не удержался от улыбки. Люди от меня разбегались, выглядел я закопчённым и страшным, но человек мне поверил, увидел перед собой не чудовище, а разумное существо, с которым можно договориться. Я решил, что не подведу его, справлюсь любой ценой.

Медицинская машина приехала первой, хотя поначалу врачи не хотели ко мне подходить, им почудилось, что беглый заключённый взял заложника, только ещё не успел что-либо потребовать взамен, и лишь когда я объяснил, что стараюсь исключительно для того, чтобы снизить тяжесть возможных последствий, мне отчасти поверили. Пострадавшего примотали к доске липкими лентами и так погрузил на носилки. Теперь я был за него спокоен.

Подкатила с рёвом пожарная машина, я отошёл в сторонку, чтобы не мешать. Оставшись без дела, особенно остро почувствовал себя изгоем. Тюремная одежда и кандалы чересчур заметно выделяли меня в толпе зевак. Тянуло спрятаться от всех, избежать недобрых взглядов. Кастле не возвращался, и я на всякий случай обошёл дом, чтобы посмотреть не остался ли он с стороны окна. Там, ломая кусты, разворачивалась ещё одна машина, пришлось убраться с дороги.

Лишь потом я заметил автомобиль, на котором меня сюда привезли. Водитель отогнал его дальше по улице, чтобы дать дорогу специальной технике, но совсем не уехал. Я заглянул в кабину, там дознавателя тоже не было, зато шофёр, увидев меня, испуганной съёжился и едва не рванул с места. Я поспешно отступил, он, кажется, успокоился.

Следовало залезть в фургон, но я опасался, что человек за рулём от испуга может увезти меня в неизвестном направлении, а потом заявить, что я заставил его угрозами покинуть место происшествия. Не доверял я сейчас никому, потому просто сел на землю возле заднего колеса и стал ждать возвращения дознавателя.

Он появился довольно скоро и тут же принялся озираться, поначалу сосредоточился на

толпе, но потом заметил меня у машины, несмотря на грязь и копоть одежда моя своим неистовым цветом всё так же резала взоры.

Он пытливо вглядывался пока шёл, словно не верил в мою реальность. Я поднялся и поспешил доложить, что вытащил только двоих, а тело забрать не смог, потому что один из раненых нуждался в присмотре. Добавил, что медики уже забрали обоих.

— Хорошо, полезай в машину.

Он подошёл к кабине и переговорил о чём-то с водителем, слов я из-за царящего вокруг шума не расслышал, а потом вернулся и залез в фургон. Щёлкнув замком дверцы, он сел напротив.

Я как раз обнаружил, что сломанное звено цепи потерялось в суматохе и разглядывал обрывки, прикидывая, как мне вернуть кандалам хотя бы видимость благопристойности. Не разнимать же было пальцами следующее соединение прямо на глазах и без того шокированного человека.

— Оставь, — устало сказал Кастле. — Чего уж теперь. Не поймали мы этого оборотня, молнией ушёл. Так чьё ты говоришь колечко отпечаталось?

— Я не говорил. Думал, ты сам знаешь. Это перстень-печатка Юрима Грися, отца Узрума. Я разглядел её, ещё когда высматривал сынка под окнами их дома, а сегодня изучил уже во всех деталях. У вампиров отличное зрение и превосходная память.

— Экспертизу мы сделаем, — кивнул он и задумался о чём-то, хмурясь временами.

Я сидел тихо, чтобы не напоминать о себе лишней раз. Не сомневался, что за порванную цепь мне ещё влетит. Уже когда машина въезжала во двор тюрьмы, дознаватель встрепенулся.

— По всей вероятности расчёт был на то, что никто не выживет. Полагаю, Грис хотел избавиться и от тебя, и от квартиры на случай если все же оставил там какую-то улику, а тут так удачно срослось, что нужные объекты оказались в одном месте. Погибни все и всё, доказать что-то было бы трудно. Твоё бегство с места происшествия полного трупов, тоже оказалось бы на руку преступнику. Охранник оставленный при входе, кстати, исчез. Вполне вероятно, тоже был подкуплен.

Он сурово глянул на меня, словно упрекая в несовершенстве бытия и добавил с нажимом:

— Как и врач, освидетельствовавший тело, тот самый, которого ты так старательно покрывал. Почему, кстати?

— Я не был уверен, что он действительно виноват. Кроме того, он помог спасти Ланику, и я ему благодарен.

— И много ещё такого отыщется, о чём ты из деликатности умолчал?

— Всё прочее я изложил честно и исчерпывающе.

Он недоверчиво хмыкнул и отпер дверь.

— Можно мне в душ? — рискнул я попросить.

Вонь и грязь, которой пропитались одежда и волосы, ужасно раздражали.

— Разумеется. Тебя в таком виде даже не пустят в тюрьму, порядки тут суровые.

Хотя я решил, что он шутит, засмеяться не рискнул. Трагедия ведь из-за меня случилась, исправить ничего уже было нельзя.

Без торжественного вооружённого сопровождения я чувствовал себя непривычно, неуютно, инстинктивно жался к единственному человеку рядом, чтобы меня не заподозрили в какой-либо дерзости, хотя у меня и мысли не водилось её совершать. Кастле не

отшатывался брезгливо, даже когда я нечаянно задевал его рукавом, впрочем, его собственная одежда была ненамного чище моей.

Так мы знакомым маршрутом добрались до душевых, где я охотно проделал привычную процедуру. Наслаждаясь горячей водой, я всё же постарался управиться быстро. Свежий комплект тюремной формы дожидался на знакомом месте, я оделся, поспешно расчесал пальцами волосы, потому что больше было нечем и заплёл косу. С той стороны ждали, я слышал голоса, потому не тратят лишнего времени просунул руки в окошко за новыми кандалами.

— Может старого образца браслеты надеть? — предложил тюремщик. — Мне всегда казалось, что они покрепче нынешних.

— Никаких не надевайте! — резко ответил дознаватель. — Целее будут!

— Вообще без оков? — воскликнул надзиратель, чувствовалось по голосу, что он шокирован.

Я праздно ждал.

— Именно так. Толку от них чуть, только идиотами себя выставляем. Трэр вылезай оттуда, нечего подслушивать.

Я предпочёл выйти сквозь дверь. Держался смиренно, как только умел. Надзиратель оглядел меня с головы до ног, хотел произнести что-то ещё, но передумал и лишь пожевал губами. Всё же я провёл какое-то время в этом заведении и успел, как видно, зарекомендовать себя послушным арестантом.

— Идём! — сказал Кастле, и я старательно потопал следом.

Менее всего хотел произвести плохое впечатление, ведь от моего поведения в изрядной степени зависела судьба Ланики, да и собственная, если на то пошло, не была мне совсем безразлична.

Бежать в моём положении значило окончательно поставить себя вне закона, и что это давало? Вампиры жили в невидимой, но осязаемой сети правил, наше пропитание целиком зависело от людей. Единственное место, куда я мог скрыться — это драконьи горы, но там меня встретили бы неприветливо и кормить однозначно не стали, а на крови животных ни один из нас долго не протянет. Люди, вероятно, не осознавали, насколько несвободны мы в их мире, иначе не заботились бы производством оков и решёток.

Грустно, но ничего не поделаешь. Наверное, однажды наступят времена понимания, когда не страх и презрение будут руководить нами, а желание понять и простить, но явно это произойдёт не сейчас.

Кастле сам отпер дверь моей камеры, распахнул, пропуская. Набравшись храбрости, я открыл рот:

— Можно спросить?

Он кивнул.

— Ты ведь попробуешь рассмотреть эту версию? Теперь, когда появилось хотя бы одно доказательство невиновности Ланики.

Он говорил, что есть повод изучить вскрывшиеся обстоятельства, но я-то хотел знать точно.

— Пока что у нас есть признак соучастия, — педантично возразил дознаватель, — но я уже сказал, что заново открою дело и займусь им сам.

Он помедлил ещё мгновение, и, прежде чем захлопнуть дверь, произнёс напоследок, отрывисто кивнув, словно намечая малый поклон:

— Спасибо, Трэр.

Несколько суток я провёл в камере, не зная, что происходит вокруг. Мне регулярно приносили еду и вообще не придирались по пустякам, а я старательно соблюдал правила и терпеливо лежал всю ночь на кровати, раз уж люди считали необходимым валяться так долго.

Когда повели на допрос, надо сказать, с куда меньшими предосторожностями, чем раньше, я обрадовался возможности узнать хоть что-то о происходящем по ту сторону тюремных стен. Потом, правда, одолели сомнения. Информированность зависела целиком от доброй воли дознавателя, а я не был уверен, что моё обращение во время прискорбных событий по здравом размышлении показалось ему достаточно почтительным. Я ведь таскал и швырял его, как придётся. За окно вообще выставил, схватив за шиворот, словно котёнка. Поначалу он проникся благодарностью, но кто знает, какие выводы сделал потом. Так что в знакомой комнате я уселся на привычное место не без волнения.

Ждать пришлось долго, а когда Кастле пришёл вид у него был озабоченный и отчасти сердитый. Он листал очередную пачку сшитых между собой бумаг, ещё толще чем в прошлый раз. Разглядывая грозно сведённые брови, прямую линию рта, я начал всерьёз опасаться, что мне вообще ничего не сообщат. Вероятно, по правилам так и следовало поступать. Я слишком мало знал о месте куда угодил, о его законах.

Приготовив всё для работы, Кастле начал задавать вопросы, которые уже звучали на прошлых беседах, иногда повторял их дословно, иногда что-то переиначивал. Я понятия не имел, зачем он это делает, но терпеливо отвечал на каждый. Так мы развлекались полчаса или около того, когда настроение человека резко изменилось. Он выключил аппаратуру и поглядел на меня с усмешкой.

— Ты до такой степени точно помнишь то, что говорил в прошлый раз?

— Конечно.

— Вероятно, подловить вампира на противоречиях — задача не из лёгких.

— Я же не лгу.

Он улыбнулся шире, словно я его порадовал, хотя чем? Я не понимал.

— Вероятно, ты хочешь знать, как обстоят дела у твоей подруги. Строго говоря, сообщать эти сведения я тебе не должен, но учитывая помощь, оказанную следствию, вреда, полагаю, из этого не выйдет.

Я сжал пальцы в замок, стараясь не выдать охватившее меня волнение, но наверняка виден был как на ладони — жертва пламенных надежд.

— Мои сотрудники опросили жителей соседних домов, и нашлись те, кто видел полного черета, слишком дорого для этих трущоб одетого. Более того, его заметили торопливо выходящим из подъезда, где расположена квартира девицы. Свидетельница так же утверждает, что в руке этот дородный мужчина нёс пластиковую сумку, не слишком подходящую к его респектабельному облику. Люди решили, что пожертвовал родственнице какие-то вещи, и забыли о происшествии, но при новом внимательном опросе опознали черета по фотографии и добавили много подробностей.

Я слушал, затаив дыхание, вероятно, выражение лица у меня было потешное, потому что дознаватель рассмеялся.

— Пакет нас особенно заинтересовал, потому пришлось обыскать ближайšie помойки,

в первую очередь те, что лежали на предполагаемом маршруте отхода.

— Слишком много времени прошло! — сказал я с отчаянием. — Баки наверняка опорожнялись и не один раз.

— Совершенно верно, — согласился Кастле, даже не обругав меня за то, что говорю, не будучи спрошен. — Только нам невероятно повезло. Одна из местных жительниц заметила, как солидный мужчина выкинул сумку в мусор и потрудились полюбопытствовать её содержимым. Народ там живёт небогатый, так что не брезгает искать стоящие вещи и в помойке. Увидев внутри непромокаемый комбинезон из пластика, женщина решила, что он вполне пригоден для того, чтобы собирать грибы-ягоды в сырую погоду и припрятала добычу до начала сезона. Более того, она не стала стирать костюм, чтобы не накручивать показания водяного счётчика, решив помыть его уже в лесу, тем более, что изнутри он выглядел чистым, а снаружи едва запачканным.

Даже такой профан как я сообразил, что в руки дознавателя попала настоящая улика. Вместе с оттиском перстня, который наверняка найдётся на внутренней стороне перчатки, это могло служить доказательством. Я улыбался, сжимая кулаки, боясь радоваться слишком рано и слишком сильно.

— Следы на простыне и на перчатках совпали почти идеально, — продолжал Кастле. — Грис уже арестован, теперь не отвертится. Пора тебе сказать, где ты прячешь девочку.

— Нет, я знаю, что оправдать её может только суд, вот когда он это сделает, тогда я скажу где она скрывается.

Кастле вновь рассмеялся.

— Молодец вампир, стойко защищаешь свою любимую.

— Ланика мне просто друг, у неё есть мужчина.

— Видел бы, как светятся твои глаза, не молот бы чепухи, ну да ладно, считай, как знаешь. Скажи мне лучше, собственная судьба тебя хоть в малейшей степени беспокоит?

— Да, конечно.

Я полагал, что мои дела плохи, но спросить прямо не рискнул, надеясь, что добродушно настроенный дознаватель сам меня во всё посвятит.

Он посерьёзней, словно готовясь сообщить недобрую весть, так оно и вышло.

— К сожалению, оправдание твоей подруги тебе не поможет. На момент совершения провинности она была приговорена к казни, и закон обратной силы не имеет. Ты способствовал бегству преступника, да ещё в тот момент, когда сам был призван к официальному совершению правосудия.

Он помолчал, разглядывая меня, пожалуй, сочувственно.

— Не берусь утверждать, какую меру сочтёт адекватной суд, но несколько лет заключения тебе светит.

Не казнь — уже легче, хотя... Мне в голову пришло, что вампира ведь можно наказать разными способами, и есть среди них куда более суровые, нежели тюремное заключение. Кастле подтвердил самые серьёзные мои опасения в следующую же минуту.

— И ещё одно, Трэр. Не знаю, насколько для тебя важен этот момент, но твоя лицензия приостановлена, о возобновлении её речи пока не идёт.

Вот тут сердце у меня действительно упало, как люди говорят. Я постарался скрыть пробудившийся страх, оказалось, что управиться с ним легче, чем с радостью. В груди разлилась тоскливая пустота, ладони повлажнели, хотя у вампиров такого обычно не случается. Впрочем, человека моё отважное лицемерие не обмануло. Он смотрел так, словно

понимал без подсказки творящееся в смятённой душе. Удивительное ощущение возникает, когда тебе сопереживают, пусть даже слегка. Человек был проницателен и умён. Впрочем, я так часто подвергался его пристальному разглядыванию, что, наверное, многократные повторы дали в итоге стоящий результат.

— Это скверно, да? — спросил он.

Я кивнул.

— Очень, но я догадывался, на что иду, и сделанного не поправишь, да я и не хочу. Я поступил так, как считал правильным.

— Позволь мне кое-что для себя уяснить, — продолжал он. — В прежние годы, о которых я читал в книгах, а ты их наверняка помнишь в натуре, вампиры убивали чаще нежели теперь. Они что, всегда выбирали лишь исчадий ада? Наша история твердит, что мочили всех подряд: праведников и душегубов. Кто приглянулся, тот на клыки.

— Её писали не мы. В старые времена вообще не случалось нужды убивать приличных людей, потому что скверных хватало с избытком, а вампиры владели имуществом и тоже были заинтересованы в его сохранности. Ты бы ещё из развлекательной литературы и фильмов информацию черпал. Там романтические красавцы кусают девиц, а потом берут их в жёны.

— А так не случается? — вполне серьёзно спросил Каastle.

— Только у обращённых, а им убивать необязательно. Я — высший вампир и мне немало лет, но я смиренно жду, когда родители найдут мне подходящую партию. Наши порядки строги, традиции держатся крепче человеческих.

Его это кажется, поразило, снова принялся просматривать меня насквозь, от души, похоже, жалея о суровости наших правил.

— Значит, не романтические соображения толкнули тебя на побег с осуждённой, а единственно порушенное чувство справедливости?

— Я скажу «да». Возможно, это мне навредит, но лгать было бы нелепо. Будь на месте Ланики мужчина, я поступил бы также. Мы не чудовища, у нас тоже есть чувства и моральные принципы.

Он долго молчал, размышляя о чём-то. Мне казалось, что нужды в допросе никакой не было, судьба моя уже решена, просто этот человек действительно хотел разобраться, или отчасти расплатиться со мной познавательной беседой за спасённую жизнь, хотя здесь я более ощущал себя виноватым, нежели отважным. Нападали-то на меня, а остальные угодили под раздачу случайно. Один человек всё же погиб.

Я терпеливо дожидался продолжения разговора, одиночество, столь любимое мной когда-то, сейчас угнетало, я радовался любой компании, случайно сказанному кем-то из тюремщиков слову. Я не признавал прежде как много значат для меня, те, кто просто был рядом, даря изумительную возможность общения. Горько оказалось уяснить, что не замечал многогранности существования, не ценил подаренного людьми тепла.

Лёжа бессонными ночами на казённой неудобной кровати, я тосковал о весёлой атмосфере театра, о репетициях и спектаклях, о тех минутах близости, когда после удачного представления актёры обменивались впечатлениями и скромным угощением. Я был не вполне своим, не полностью таким как они, но меня принимали в компанию.

Сейчас, когда я всего лишился, каждая случайная встреча в толпе, казалась небесным даром, да сама людская суета, что прежде раздражала ум и нервы, виделась желанной и тёплой.

Я сидел тихо, наслаждаясь самой возможностью лицезреть человеческое лицо, наблюдать за его мимикой, угадывать чувства, сменяющие одно другое, предполагать логические затруднения. При мысли, что меня на много лет лишат такой естественной и нужной вещи, как жизнь в обществе, внутри скапливался страх. Я боялся не выдержать изоляции. Отчаяние с трудом удавалось держать в рамках.

Сейчас я был в силе, но лишение привычной подпитки, да ещё малополезная тюремная еда неизбежно вели к деградации. Я знал, что через несколько месяцев, реакции мои начнут притупляться, чувства вянуть. Временами станет поглощать обморочная пустота, я примусь забывать прожитые дни и плохо понимать происходящее вокруг.

Когда это случится со мной, я, наверное, перестану бояться чего бы то ни было, во мне погаснет сама способность испытывать такую яркую эмоцию как страх.

Возможно, к лучшему? Годы заточения пройдут быстрее, если я перестану их замечать, полужизнь покажется такой естественной в этом ограниченном пространстве. Так пройдёт отмеренный мне срок, а если по освобождению не вернут лицензию, я превращусь в призрак самого себя. В театре я без темперамента точно не пригожусь. Смогу ли заработать на жизнь? Кто знает. Хотя люди слабы от природы, тем не менее, не плачут о своей судьбе. Придётся и мне привыкнуть.

Кастле очнулся от задумчивости, сказал:

— Грустно, Трэр. Ребята, признаться, сочувствуют тебе. Никогда бы прежде не поверил, что они могут так хорошо относиться к вампиру, но что есть, то есть. Сделать мы ничего не можем. Ходатайство я уже подал, надеюсь, тебе зачтут хотя бы оказанную дознанию помощь. Страшно ведь представить, что невинный мог умереть от руки закона лишь потому, что кто-то не дал себе труда задуматься о добавочных версиях, а слепо ухватился за одну единственную.

— Кто-то? — спросил я.

Показалось, он не станет сейчас придираться к нарушению правил, по сути мы просто беседовали.

— Разумеется я не скажу, чья тут вина! — улыбнулся он. — Ты и так узнал больше, чем тебе положено.

— Спасибо! — сказал я от души.

— Не за что. Теперь давай о деле. Следствие закончено, материалы ушли в суд, состоится он примерно через месяц. По правилам на всё это время тебе предписан довольно строгий режим содержания, но всё же своей властью я разрешу тебе парочку свиданий.

Сказать, что я удивился, значило ничего не сказать. Мне и в голову не приходило, что в целом свете способны найтись те, кто пожелает меня увидеть. За решёткой я имею в виду, опозорившего свой род и частное имя. Изгоя по всем параметрам.

— Не смотри так. Поверь, ты не один в этом мире, а теперь отправляйся в камеру, у меня полно и других дел.

Меня отвели обратно и предоставили самому себя. Я вновь попал в замечательное необременительное одиночество, от которого хотелось выть и кидаться на стены. Впрочем, я воздержался.

Поначалу мысли бились и клубились в полном беспорядке. Я хватался то за одну, то за другую, пытаюсь обдумать всё сразу, а потом рассердился на себя. Не стоит гнать лошадей. Для того, чтобы разобраться с мелочами у меня будут целые годы. Запертый в четырёх стенах, чем я ещё займусь, кроме долгих размышлений на различные темы? Это всё

подожждёт. Сейчас следует сосредоточиться на главном.

А что самое важное? Новость о том, что Ланику в ближайшее время оправдают, она сможет жить как прежде, ну или почти по-старому, потому что перенесённые беды не отпустят душу так скоро.

И вот когда я сообразил это, и по телу от настоящей неподдельной радости разлилось светлое тепло, добравшись до самых кончиков пальцев, доминируя над всем, давая мне силы жить дальше, я понял другое.

Кастле был прав. Человек увидел то, чего не разглядел я сам. Не только восстановление попранной справедливости руководило мной на этом пути, но и любовь — тоже. Я влюбился в женщину чужой породы, другого социального уровня, уже выбравшую себе мужчину. Я глупо и безнадежно влип.

Нет, когда я отведал её крови, я видел в ней лишь несчастное страдающее дитя, но чем дальше, тем сильнее крепла привязанность, силы которой я не замечал до тех пор, пока радость от чужой удачи не перевесила легко и просто уныние от своей беды.

Я соглашался уйти во тьму, лишь бы с этой женщиной оставался свет. Если это не любовь, то что тогда?

Мысль так меня поразила, что я не удержался и принялся мерить свою тесную камеру широкими шагами, радуясь, что сейчас ещё день и мне можно бродить от стены к стене, а не лежать в позе трупа на кровати.

Я пытался понять происходящее со мной, разобрать его на моменты, уяснить, счастлив я своим открытием или оно пугает. И непрошено, робко пробивалась в сознание иная забота: а как относится ко мне Ланика? Что я для неё: товарищ, который пришёл на помощь в трудную минуту, или нечто большее? Предана она всё ещё своему черету, или жестокость его решения отвратила её от старой любви?

Опыта у меня не было никакого, а в тех романтических пьесах где я играл небольшие роли, героини с тупым упорством следовали за своим чувством к какому-нибудь мерзавцу и ещё гордились этим. Насколько жизнен такой порядок вещей я не представлял. Вот что значит существовать, не замечая никого вокруг! Способна Ланика забыть этого уroda Узрума, более того, ответить мне взаимностью?

Некоторое время я всерьёз об этом размышлял, а потом опомнился, начал рассуждать холодно и, надеюсь, здраво.

Любовь мужчины и женщины — это не центр вселенной. Спору нет, вещь важная, но есть препятствия и преграды. Никогда не случится такого, чтобы вампир и черетесса сошлись в супружеской паре. Наш мир не идеальная сфера чувств, а место где каждый связан прочными нитями обязанностей. Долг перед родом выше личных предпочтений. С этим я никогда не пытался спорить.

И ещё одна внятная мысль охладила мой пыл. Нарушив закон, лишившись всех прав, я вообще перестал представлять хоть какую-то ценность на брачном рынке. Даже если предположить, что мне вернут лицензию, когда наказание закончится, случится это нескоро. Зачем юной женщине ждать того, кто может стать изгоем навсегда?

Я долго стоял на месте, бессмысленно глядя в стену, а потом понял, что сейчас неважно, есть ли у меня будущее, с кем, главное — я изведал любовь, и если не она поддержит меня в трудную минуту, то что?

На другой день меня опять забрали из камеры, но повели не на допрос, а в противоположную сторону. Я оказался в просторной комнате, поделенной надвое прозрачной перегородкой. Стулья стояли друг напротив друга с разных сторон, и одну пару уже занимали двое людей. Они переговаривались через специальные микрофоны, покосились на меня сначала рассеянно, потом с неприятным опасением. Может, мне хоть в тюрьме стоило косу не заплетать? Хотя именно здесь я счёл важным продемонстрировать, что не пытаюсь быть не тем, кто есть.

Я с утра постарался и, поскольку руки мне теперь не сковывали, уложил пряди в довольно сложном порядке. Не особенно верил, что ко мне кто-то придёт, но в глубине души надеялся. Возможно, отец не рассердился на меня до такой степени, чтобы полностью игнорировать.

Мне указали стул, и я сел, подумав мимоходом, что теперь едва ли не каждый мой шаг подконтролен людям, строго обусловлен их повелением. Рабство, что существовало в былые времена, и то, пожалуй, не ограничивало свободу так всеобъемлюще. Впрочем, я ведь реально провинился, потому страдал за дело. Следовало почаще напоминать себе эту простую истину. Я мельком подумал, что однажды могу сорваться и натворить такой беды, которую уже не расхлебаю, но не стоило растравлять себя возможными заботами будущего.

Когда дверь в другой стене отворилась, и вошла мама, я едва не вскочил, забыв, что послушание здесь котируется выше, нежели хорошие манеры. Впрочем, от стыда хотелось провалиться сквозь землю, а не демонстрировать немалый рост. Мама выглядела высокой женщиной, но не рядом с младшим сыном.

Я взгляделся в прекрасные черты такого знакомого неизменного лица. Искал надменное неприятие, но понял, что явно нафантазировал лишнего. В семействе Триэверов рычаги воздействия отличались большей элегантностью. Я покорно склонил голову. Мама села напротив, я ждал, когда она начнёт разговор, но она минуту или около того просто разглядывала меня.

— Мы с твоим отцом решили, что будет лучше, если приеду я. Он рвался тебя повидать, но мои деловые навыки могли более прийтись кстати.

Я рискнул посмотреть на родительницу и не обнаружил признаков гнева. Она улыбнулась мне мягко, но слегка отчуждённо, словно сейчас важнее было разобраться в ситуации, а не ободрить облажавшегося сына. Так и предполагалось, если я хоть сколько-нибудь знал лордессу Триэвир.

— Нанять хорошего защитника мне не удалось. То есть, этого добра хватает, но твоё злодеяние подпадает под категорию внутренних нарушений системы, никого стороннего в процесс не допустят.

— Вот и хорошо, — рискнул я заметить. — Услуги юристов дороги, а заработка я лишился. Нет нужды в защите: мне, как вампиру, всё равно прилетит то, что положено и ещё больше.

— Не исключено, — сказала мама.

Даже не попрекнула тем, как живя среди людей, я набрался от них слов и выражений. У меня появилось чувство, что я вообще не услышу упреков в поругании семейного имени. Робкая надежда согрела сердце, так хотелось в неё поверить. Вот только стыд жёг теперь с

новой силой. Вину перед человеческим законом можно искупить, хотя пятно останется на репутации. Род отнесётся к случившемуся гораздо серьезнее. Бывали прецеденты, каждый о них помнил.

Словно угадав мои мысли, мама заговорила о том, что меня сейчас особенно мучило.

— Сынок, семья от тебя не отвернётся, пусть только попробует. Люди могут иметь собственное мнение по любому поводу, но вампиры в твоём поступке не усмотрели порочности. Спасти невинную душу — это не преступление, даже если использованные методы не всегда пристойны. Ты рискнул и выиграл — вот главное. Впрочем, и проигравшего тебя бы не осудили.

— Вы правда, на меня не сердитесь?

— Ну ты с детства был немного повёрнут на нравственных ценностях, я не удивилась, когда со временем добронравие слегка вынесло за рамки обыденного.

Я не удержался от улыбки.

— Ты говоришь, как люди.

— Нам теперь приходится с ними ладить, и каждый кто способен подтвердить, что мы не звери в человеческом облиции, ценен для вида в целом. Я верю, что ты достойно выдержишь испытание.

Я хотел сказать, что меня лишили лицензии на казнь, и чем это обернётся, предсказать нельзя, но воздержался. Я и так доставил родным немало забот, следовало хоть часть их оставить при себе, ну или на потом. Самому разобраться.

— Как отец и братья?

— Всё в порядке с ними. Люди объяснили, что после суда видеть тебя разрешат чаще, так что тогда каждый сможет приехать для личной встречи. Пока пустили только одного из родителей.

Она помолчала, взглядываясь в меня не пытливо, как дознаватель, а словно размышляя о том, как преподнести какую-то серьёзную новость. Я насторожился и не напрасно.

— Отец винит себя в том, что до сих пор не нашёл тебе пары. Он хотел выбрать наилучшую невесту, увлёкся переговорами с другими семьями, забыв, что ты взрослеешь и потребности твои растут.

А это при чём? Мои брачные шансы сейчас настолько приблизились к нулю, что не стоило их вообще поминать.

— Я об этой девушке...

Ну вот, снова мой поступок объясняют романтическими устремлениями, а я ведь не думал ни о чём таком, когда ощутил невинность жертвы. Возможно, позднее, проведя немалое время наедине с Ланикой, я и пленился её женственностью, но одно другого вообще не касалось.

— Тэлле, сынок, если у тебя сложились с ней какие-то отношения, мы с отцом не станем возражать. Разумеется, мы мечтали о более блестящей партии для тебя, но теперь, когда мир уже не тот, что прежде, нам опасно оставаться неизменными. Вы оба, ты и черетесса, попали в трудное положение, и, если взаимная поддержка поможет каждому из вас преодолеть невзгоды в будущем, не следует от неё отказываться.

Я не ожидал ничего подобного и внимательно посмотрел на вампирессу, подарившую мне жизнь. Она любила меня, но всегда очень сдержано. Устой не рухнули, но пошатнулись? Уточнить я не рискнул. Времена менялись быстрее нас.

— У этой женщины есть мужчина. Не думаю, что она захочет меня.

— Пусть всё идёт своим чередом. Мы с отцом готовы признать твою жену, даже если ты выберешь её сам.

Пожалуй, следовало приуныть при известии, что меня окончательно вычеркнули из брачных списков вампирской знати, но на фоне всего прочего я даже не расстроился. Потускневший блеск прежнего величия давно казался мне лишним, я жил и работал среди людей, ничуть не считая себе выше них. Полагаю, это шло на пользу всем.

Разговор наш наверняка прослушивался. Если любовные бредни вряд ли интересовали тюремное начальство, то информация о местонахождении Ланики — вполне могла привлечь внимание, потому что о главном мы переговорили лишь взглядами и едва заметным движением мимических мускулов. Мама знала о моём убежище, без сомнения, сделала правильные выводы. Теперь я уверился, что черетесса получит поддержку.

Мимоходом я решил, что само свидание мне разрешили как раз затем, чтобы выведать то, что я отказывался сообщать на допросах. Хотя, вполне возможно, Кастле просто хотел приободрить. Новое ощущение, когда человек питает ко мне не вполне злые чувства и даже готов выразить их делом, захватило так, что после того, как свидание завершилось, я думал более об этом, чем о своей плачевной судьбе.

Если мама велела выдержать, я справлюсь. Я смутно сознавал, что чего-то не понимаю в происходящем вокруг меня, но разбираться особенно не хотелось.

Жизнь вошла в рутинную колею, то есть, это я так думал, потому что через два дня, меня опять привели в ту же комнату со стеклянной перегородкой и велели сесть и ждать. Я и предположить не мог, кого увижу на этот раз. Лордесса Триэвир уже всё мне сказала, и она была не так сентиментальна, чтобы навеститься ко мне без важного повода. По голове меня и в детские годы как-то особенно не гладили, в вампирских семьях сдержанность в проявлении чувств была порядком вещей.

Если честно, я более вообще никого не ждал. Мелькнула, правда, мысль, что Узрум способен явиться, чтобы позлорадствовать над моим плачевным положением, но он, скорее всего, был занят по горло семейными делами.

Я с любопытством смотрел на дверь и опять едва не вскочил на ноги, когда в открывшемся проёме появился лорд Арран.

Мучительно чувство стыда (когда я только избавлюсь от этой напасти?) вновь прошило до пяток, я невольно опустил глаза, разглядев, как неуклюже двигается волк. Он опирался на трость и прихрамывал, а ещё по некоторым признакам, хорошо мне известным из опыта, правда, не личного, я понял, что спину ему всё же изрядно повредил. Обратни выправлялись от увечий почти так же успешно, как мы, только процесс тянулся дольше. Да и возраст сказывался. Старели они быстрее и основательнее нас.

Нехорошо вышло, я опять жутко провинился и догадывался, что сейчас мне наглядно объяснят, насколько закономерен факт моего нахождения здесь.

Кстати, лишь теперь пришло в голову, что волк ведь может написать на меня жалобу, или как это правильно называется, а мне припаяют срок ещё и за нанесение увечий пожилому оборотню.

Смотрел он сурово, выдержал длинную паузу, после того, как осторожно устроился на стуле.

— Нравится взирать на дело рук своих?

— Прости, лорд Арран. Я был непозволительно груб.

— Ты повёл себя как глупый щенок, неспособный прежде думать, а потом действовать!

Он говорил, словно гвозди в голову заколачивал, но вопреки жёсткому напору, я почему-то всё меньше готов был прогнуться под его напором. Не знаю, чем это объяснить. Я хотел завершить дело миром, даже если обвинение дорого мне обойдётся, а он нет. Излучаемая волком неприязнь казалась мне неправильной.

— Как ты, мальчишка, посмел даже думать... — он осёкся, как видно сообразив, что здесь всё разговоры прослушивают, а возможно, и записывают. Называть имена не стоило.

— Я и не думал! — ответил сразу и довольно резко. — Просто это выглядело неуважительно.

— Как бы известное нам обоим обстоятельство не смотрелось со стороны — это совершенно не твоё дело! Ты недостаточно взрослый, чтобы судить о поступках и намерениях родовых старшин.

Зато вполне зрелый, чтобы переломать кое-кому все ещё целые местами кости. Пробовал уже и ведь неплохо получилось! Вслух я этого не заявил, зачем озвучивать очевидные вещи? Я промолчал.

Он тяжело дышал, давил суровым взглядом, но на меня внушение уже не действовало. Внутри накапливался боевой задор, от невозможности выплеснуть его наружу в полноценных действиях шкура чесалась везде, где только могла.

Волк почувствовал мою ярость, её нельзя было не ощутить, даже человек, стоявший у стены и до этого скучавший на своём посту, изрядно насторожился, припал спиной к обшивке.

— Да, я полюбил, — сказал оборотень тяжело выговаривая слова, словно только рычать учился. — Моей волчицы уже не было на свете и никого не оскорбила страсть, которую я всегда таил глубоко в сердце. Никто ничего не знал и никогда бы не проведал, не будь ты так груб, неадекватен и жесток!

Как раз такой характеристики мне не хватало для полного счастья сейчас, когда каждый мой шаг и без того был связан кучей ограничений. Если волк пришёл сюда, чтобы мне навредить, он преуспел.

Я сдержал рвущийся из горла рык. Клыки едва повиновались мне, норовя вылезти на всю длину они изрядно напрягали внимание.

— Никто и не узнает, если сам не примешься болтать, — ответил я. — Зачем пришёл? Я не искал твоего общества там, на воле, ты навязал его сам. Для чего явился теперь?

— Да, я намеренно познакомился с тобой. Я одинок, подкупили хорошие манеры. Вот, думал, приличный юноша из достойного дома, с которым приятно поддерживать знакомство

Взгляд говорил совсем другое. Я без объяснений понял, чего хотел этот оборотень. Влюблённый в мою мать, и не имеющий возможности мозолить глаза ей, он видел во мне её черты, а мы действительно были похожи. Заодно, вполне вероятно, хотел суррогатом заменить погибших волчат. Вообразить себе семью. Поиграть в доброго папашу.

Более всего злило осознание того, что предприятие волка почти удалось, я ведь начал питать к нему искреннюю симпатию, не прочь был подружиться, причём без всякой корысти, потому что честно считал, что живу на редкость благополучно и не нуждаюсь в помощи. Грустно оказалось сознавать, что я опять обманулся в пусть скромных, но надеждах.

— Думаю, тебе следует вести себя почтительнее, если не хочешь усложнить своё и без того тяжёлое положение, — сказал он внушительно.

Опять играл в старшего!

— Я пытался, и чем это закончилось? Ложью! Хочешь моей крови и плоти — получи её, старый враг.

Ну да, с губ рвались конечно, вещи похлеще, душа стремилась оскорбить его со всем тщанием. Если, убедившись в слабости собственных когтей, он спрятался за спину человеческих законов, то стоил ли уважения? Ну и хороших манер — тоже.

— Я не стану тебе мстить! — заявил он, высокомерно задрав нос. — ты знаешь — почему. Я многое готов стерпеть, чтобы не причинять вреда известной нам обоим особе.

Не стоило ему делать прозрачные намёки. Ох не стоило! Неуправляемый порыв бешенства едва не вынес мне мозг, показалось, сейчас лопнут, не выдержав давления лёгкие. Прозрачная преграда могла, наверное, удержать сильного человека, а то и группу людей, но я чувствовал, что при необходимости могу разнести её в осколки, как взрыв — то оконное стекло.

Быть обязанным хоть чем-то вот этому? Да лучше бы меня казнили, чем выносить очередное унижение. Я забыл, как дышать и медленно обнажил клыки, боялся сделать хоть одно резкое движение потому что закончилось бы оно очень плохо, как для преграды, так и для увечного оборотня.

Думаю, остановило меня только это. В первый раз я не знал его силы, да и своей не ведал тоже, я едва не убил его, заставил валяться в грязи, а потом бросил одного в лесу. Пусть он опять на своих ногах, но поправится полностью ещё нескоро. Я был жесток.

Мама велела держать себя в руках, и я справлюсь, даже если придётся кости вывернуть из суставов.

Пока не мог ничего поделаться с внешними проявлениями своих необузданных чувств, но внутри уже овладел ими. Холодная капля благоразумия тихо растекалась по нервам. Я разжал клыкастые челюсти и произнёс традиционную формулу:

— Лорд Арран, прошу принять мои официальные извинения.

Далее по общеизвестным правилам следовала тяжеловесная конструкция формального вызова, но я решил, что он сейчас придётся не к месту, ограничился сказанным. Всё бы хорошо, но волк тоже знал, как вся эта галиматья звучит целиком и решил, как видно, что я не желаю предложить ему честный поединок, поскольку не считаю равным соперником.

Никогда не думал, что он так близко к сердцу примет мою силу и свою слабость, разницу между которыми я чересчур наглядно продемонстрировал в лесу. Урок мне на будущее: нельзя полагать, что все судят о вещах так же как я, надо учитывать чужие предрассудки. Пожалуй, задержался в состоянии всегда-юности, давно настала пора понемногу взрослеть.

— Я их не принимаю! — сказал он сухо, тоже вероятно, решив продемонстрировать природную выдержку, хотя пальцы тряслись и ноздри раздувались как у задорного щенка.

Оба мы вели себя подобно идиотам, ну мне так казалось.

Знакомый человеческий запах я уловил только когда сам человек оказался рядом: накрыло меня основательно.

— Свидание окончено! — сухо сказал Кастле и поскольку Арран не спешил принять намёк на свой счёт уточнил: — Уйди, оборотень! Живо!

На этот раз волк внял призыву или приказу, не мне в этом следовало разбираться, неторопливо встал и ухромал, тяжело и явно демонстративно опираясь на палку. Меня что ли хотел устыдить? Напрасно. Когда кровь с таким усердием гоняет эритроциты по ухабам вен, я теряю чувствительность к упрёкам. Дверь захлопнулась.

— А ну, пошёл за мной! — велел Кастле.

Ну вот, нарвался-таки на неприятности, а ведь как старался быть послушным.

Я шагал, уныло гадая, какими бедствиями обернётся для меня ненависть оборотня. Маячившая впереди спина человека выдавал заметное напряжение. Я полагал, от злости, пока до меня не дошло, что шаги мои абсолютно бесшумны, он просто ничего не слышит за спиной, не угадывает моих намерений, а обернуться мешает гордость? Помочь с опознанием? Пошаркать тапками? Так этому ещё надо учиться. Ступня вампира почти лапа по своей пластике, мы же хищники и охотимся не только в небе, на земле как раз чаще. Я еле слышно кашлянул и сообщил вполголоса:

— Я здесь. Нападать не собираюсь, сбегать — тоже.

— С кандалами было проще, — буркнул он, но всё же не оглянулся, демонстрируя доверие к подопечному.

— Наденешь их на меня опять? — рискнул я спросить.

Он не ответил, хотя ругаться не стал. В знакомой комнате для допросов я без дальнейших указаний сел на привычный стул. Злоба ещё гуляла в крови медленной смертью, но клыки я уже на место загнал и выглядел спокойным. Ну, мне так казалось.

— Что ты творишь? — спросил дознаватель.

Для начала он походил немного из угла в угол, а потом остановился рядом, так что мне пришлось запрокинуть голову, чтобы на него посмотреть.

— Я ведь сдержался.

— Теперь этот так называется? Контролёр чуть в штаны не наложил от твоего рыка. Пока я спешил из кабинета, думал, тюрьмы на месте не окажется, разве что обломки мелькнут, уносимые вдаль на твоих плечах.

Я невольно улыбнулся, представив в деталях описанную картину.

— Мне некуда бежать.

— Всем этого не объяснишь Трэр, и прекрати лыбиться! Положение серьёзно, как ты не поймёшь? Матушка твоя кругом права, пора бы тебе научиться её слушаться.

— Да, прости.

Он долго смотрел на меня, недобро щурясь, а потом развернув экран и, поколдовав в базе, включил запись моего милого диалога с оборотнем. Поначалу я не понял, зачем он это делает. Сегодня я не потерял голову до такой степени, чтобы забыть суть беседы. Я всё помнил и сознавал, только вот не видел происходящего со стороны. Не понимал, как выгляжу сам.

Холодок прошёл по коже, когда откровенно угрожающая поза показала насколько серьёзны мои намерения. Я видел перед собой вампира и понимал каждое мельчайшее движение его тела, наклон головы, длительность взгляда. Считывал без запинки знакомый язык давления, которому меня обучили с детства. Он моментально рассказал, как я зол, разъярён и опасен. Не стоило удивляться, что человек сполз по стенке, стекленея взглядом и холодея лицом. Имел на то полное право. Высокомерие оборотня разбудило во мне старые инстинкты, которые казались прочно забытыми в нынешние мирные времена.

— Ох, — сказал я виновато. — Я не думал, что для досужего наблюдателя картина смотрится так пугающе. Почему ты сразу меня в карцер не отправил? Оно того стоило.

Он выключил запись и сел напротив.

— Потому что я изучаю тебя не первый день, внимательно как культуру бактерий под

микроскопом, потому что видел в по-настоящему опасной ситуации, убедился, как правильно и разумно ты способен реагировать, поверил, что вампир действительно может не понимать, как он иногда страшен для окружающих.

Он помолчал, словно дожидаясь разумной реакции с моей стороны, но я совершенно не представлял, что могу сказать, и нужно ли вообще что-то говорить. Следовало соображать немного, а не только кровь по жилам гонять. Старые времена давно убралось в прошлое, ошибкой было воскрешать их, да ещё в самый неподходящий момент.

— Моей ошибкой было допускать сюда этого седого, но я полагал, что он окажет на тебя положительное влияние, учитывая твоё привычное почтение к старшим. Это ты его так приласкал, что на трёх лапах ковыляет?

Я призадумался. Следы моих пальцев на горле уже должны были рассосаться, а все остальные травмы могли возникнуть и без моего участия. Признавать вину я пока смысла не видел. Рассматривает оборотень нашу стычку как внутреннее дело старых противников или обычно уголовное преступление — время покажет.

— Я не стану отвечать на этот вопрос.

Кастле ухмыльнулся вместо того, чтобы рассердиться. Одобрил:

— Ну и правильно. Даже старших надлежит слушаться до определённого предела. Он, как видно, намеревался продавить твою совесть, но не сумел удержать страх.

— Я его напугал?

— До судорог. Сам же понял, насколько ты сильнее и агрессивнее этого старого волка, когда посмотрел со стороны, а легко ли бывшему вождю, или кто он там есть, сознавать себя дряхлой развалиной рядом с молодым на выросте претендентом.

— Ты прав, — согласился я. — Играя в театре или снимаясь в кино я всегда был послушным орудием режиссёра, со временем стал считать, что и в жизни выгляжу обычным персонажем. Я ведь изображал представителей едва ли не всех живущих в нашем мире рас. Чаще всего людей. Учился понимать других и отчасти расстался с собой. Актёр, забывший, что у него существует отдельная реальная жизнь.

— Тебе следует больше общаться с окружающими людьми и не людьми.

— Это нелегко устроить, поскольку я сижу за решёткой и останусь здесь надолго.

В голосе прозвучала горечь, сам её услышал, но утешения в ответ не дождался.

— Вот и рассматривай заключение как подходящую возможность поразмыслить о том, как жить дальше. На пользу пойдёт.

Он поднялся, жестом велел мне сделать то же самое. Вроде бы дружеская поначалу беседа закончилась на суровой ноте:

— Ты наказан. Неделю никаких поблажек, а потом я, может быть, разрешу ещё одну встречу. Если ухитришься не наделать новых глупостей. Всё, марш в камеру.

Справедливо рассудил, чего там. Я не ощущал себя обиженным. Недоумевал, честно говоря, откуда мог взяться ещё кто-то желающий меня видеть, но уточнить не решился. Хотя и поздно, но дошло всё же, что Кастле тоже испугался, наблюдая инцидент, только не меня, а за меня. Он искренне хотел помочь бестолковому подопечному, поэтому подводить расположенного ко мне человека я не имел права.

Дни и ночи казались бесконечными. Сидение в клетке иногда оборачивалось сущим кошмаром. Я с ужасом думал, что не выдержу напряжения, происходящего от замкнутости бытия, повывламываю им все решётки, и что мне останется после этого? Только покончить с собой, бесповоротно опозорив родной дом, накликав на себя вину куда большую той, что

уже обрёл.

Когда не предписывалось бревном лежать на койке я неустанно ходил из угла в угол, делал все известные упражнения, с удовольствием побегал бы по стенам, но опасался до такой степени продемонстрировать свою суть. Изводил себя как мог, сбрасывая нерастраченную силу.

В городе мне тоже отчаянно не хватало движения, но на выходные я уезжал в поместье и там позволял себе и полетать, и побегать. Лазил по деревьям, скакал по крыше, а не только подкрашивал облупившиеся ставни, как рассказывал в театре. Я и представить себе не мог, до чего же хорошо мне прежде жилось.

По ночам я часто вспоминал всё, что раньше ценил так мало, в результате нападала нешуточная тоска, и куда от неё было деваться я просто не представлял.

О Ланике я старался думать как можно меньше. Нет я не раскаивался ни минуты в том, что сделал, как бы плохо не приходилось мне сейчас, но рассуждая здраво, не верил, что могу заинтересовать её как возможный партнёр. Будь у нас больше времени, длись её разрыв с Узрумом дольше, глядишь симпатия и превратилась бы в нечто серьёзное, но скорее всего, её расположение ко мне объяснялось всего лишь благодарностью и суровым набором обстоятельств.

Неделя тянулась месяцем, но она прошла, и у меня дрогнуло сердце, когда вскоре после бутылки утреннего пойла, дверь камеры отворилась, и меня выпустили наружу. Судя по направлению движения, вели в комнату для свиданий. Значит, дознаватель решил, что я достаточно адекватен для следующей встречи. Я от души надеялся, что поглазеть на меня пришёл не враг, хотя, если разобраться, друзей у меня не было.

В знакомом помещении не наблюдалось никого, кроме Кастле, который сидел на одном из свободных стульев, я подумал, что доверие к моему благоразумию полностью не восстановлено, долго мне ещё придётся доказывать, что я стараюсь как могу, хотя и не всегда у меня получается.

— На всякий случай присмотрю сам, — сказал он, кивнув мне на другой стул. — Веди себя сдержанно, даже если опять что-то не срастётся. С тобой нервов потратишь больше, чем со всеми остальными подопечными вместе взятыми.

Я промолчал, поскольку ни о чём не спрашивали. На выход в большой мир смотрел уже с немалым напряжением, гадая, какое испытание ждёт меня теперь, и надеясь, что Кастле всё же не станет слишком жёстко проверять меня на прочность.

Дверь распахнулась так, что едва не слетела с петель, и в комнату ворвался мой птенец, которого я, здраво рассуждая, вообще не предполагал больше увидеть в этой жизни. Он проскочил всю комнату насквозь и едва не врезался в прозрачную перегородку, заставив Кастле тревожно привстать со стула. Я понадеялся, что за художества Мальвина мне отвечать не придётся. Кто же виноват, что воспитывал я его так недолго? Да сам и виноват, потому надо сначала признать честно сделанные ошибки, а потом с ними смириться.

— Элле! — закричал птенец, приликая к стеклу лицом и ладонями.

Я испугался, что он сейчас начнёт процарапывать себе дорогу на эту сторону, но он лишь смотрел на меня и улыбался с совершенно сумасшедшим выражением милостивой мордашки. Я неуверенно улыбнулся в ответ.

— Здравствуй, Мальвин! Сядь, пожалуйста, не напрягай охрану, а то прилетит обоим.

Кастле, кажется, сердито выдвинул вперёд челюсть, выслушав мою дерзость, но сейчас я не склонен был обращать на него внимания. Нашлись более важные дела. Я во все глаза

смотрел на птенца, заметно повзрослевшего за прошедшие дни и в тоже время куда более юного, чем прежде. Узнавал его и не узнавал.

— Элле, меня не пускали, а я так хотел тебя увидеть. Ты мог решить, что я тебя забыл, бросил в трудную минуту.

К стыду моему, я именно так и думал, но произносить вслух скорбную истину было, пожалуй, непедагогично. Я всё ещё чувствовал ответственность за подобранного на улице паренька, автоматически как-то включилась эта функция, хотя толку от неё теперь не предвиделось.

— Я помню, Мальвин, и очень рад тебя видеть.

— И я тебя тоже, хотя мне и не нравится это место.

Он послушно опустил на стул, пытливо вглядываясь в моё лицо и, кажется, стараясь не замечать той отвратительной одежды, которую меня принудили надеть. Должно быть, всё здесь внушало ему невольную робость, потому что улыбался он нервно и явно не знал, как себя держать, я решил переключить внимание птенца на что-то другое, чтобы немного обвыкся.

— Мальвин, как ты? Освоился в новой ипостаси?

— Да, у меня всё хорошо. Квартира твоя в полном порядке, я всё содержу в готовности и чистоте, чтобы ты пришёл домой, а не в пустую пыльную халупу, когда тебя выпустят отсюда.

Долго же придётся ждать свободы, но об этом я тоже решил вслух не говорить, чтобы лишний раз не расстраивать птенца, да и себя — тоже. Мальвин продолжал торопливо, косясь иногда на Каastle, который откровенно наблюдал за нами обоими:

— Я работаю всё там же в театре, совсем хорошо научился управляться с машинами. Ивер меня хвалил и сказал, что могу постоянно подменять штатного уборщика, а ещё он мне дал роль, совсем маленькую, там просто надо стоять в глубине сцены и сказать одну реплику, но мне и за это деньги платят, я справляюсь, ты не думай.

Этот торопливый школьный речитатив выдавал немалое нервное напряжение, но не догадываясь о причине я просто не знал, как погасить волнение птенца, хотя какого птенца — теперь самостоятельного обращённого вампира.

— Я очень рад, — сказал я как мог мягко. — Уверен был, что справишься. Живи теперь без оглядки на меня. Ритуал мы не провели, но думаю при данных обстоятельствах это простительно.

Он внимательно посмотрел на меня, сглотнул, вновь покосился на неподвижного Каastle и всё же решился высказать то, что жгло его совесть:

— Элле, я должен тебе сказать одну вещь. Я скрыл от тебя, кто я и откуда, делал вид, что всё забыл, хотя помнил. Я боялся, что ты не простишь и выгонишь меня вон, а куда бы я делся без защиты и обучения взрослого вампира?..

Смотреть, как он мучается желанием не возникло, а поскольку теперь я понимал из-за чего так убивается птенец, то решил прекратить это представление сам.

— Мальвин, я в курсе, как тебя зовут по-настоящему, знаю из какой ты семьи и чем был знаменит до знакомства с нашим тёмным миром. Доминика мне всё рассказала.

Он нахмурился, то вглядываясь в моё лицо, то отводя глаза.

— Ты знал? И ничего не сказал мне?

— Мальвин, ты вправе быть иметь собственные тайны, и я никогда не выгнал бы на улицу того, кому уже пообещал поддержку. Забудь ты все эти несущественные подробности

и живи дальше. Прошлое не всегда следует тащить за собой в будущее. Ты помирился с отцом?

Он кивнул и улыбнулся уже по-настоящему, открыто, без нервической дрожи.

— Да, ему нелегко оказалось принять то, что со мной произошло, но когда он увидел, как я научился сам себя содержать, зарабатывать деньги трудом, знаешь, он очень обрадовался, поскольку до этого считал меня бездельником и совершенно, кстати, справедливо.

Угадывая, чем меня можно утешить, Мальвин принялся рассказывать о жизни театра, о постановках и актёрах, страстно уверяя, что все горячо меня любят и жаждут непременно увидеть вновь уже в ближайшем будущем. Последнее я списывал на его доброту, но слушал всё равно с удовольствием. Положенное время пролетело в единый миг. Я с сожалением смотрел вслед неофиту, что не предал меня, даже и перестав нуждаться в мастере.

Как странно повернулась жизнь. Тот, кто по сути должен был стать врагом, привязался ко мне по-настоящему, ведь не было у птенца другой причины приходить ко мне в тюрьму, кроме искреннего участия. Напряжение, державшее меня все последние дни словно изжило себя, отпустило. Я и не верил, что смогу радоваться, оставаясь в этих стенах, а вот сидел на казённом стуле и ощущал себя счастливым

Выяснилось, что нашёлся у меня в этом мире друг.

— Славный мальчишка, — сказал дознаватель, вытаскивая меня из блаженства мечты в неудобный реальный мир. — Я так понял, не ты его обратил.

— Нет. Подобрал на улице.

— Ну как видишь, судьба посылает не одни только беды. Он обивал все пороги, пытаюсь к тебе прорваться, родные и то не проявили такого усердия. Отец его, кстати, весьма влиятельный человек.

— Это должно меня пугать?

— Скорее, ободрить. Он тоже выразил желание с тобой повидаться, но я не рискнул пока вас знакомить. После сцены с оборотнем решил начать с юноши и, пожалуй, не ошибся.

— Так странно, — пробормотал я. — Необычное ощущение. Я ведь действительно был убеждён, что у меня нет друзей. Даже представить не мог, что отыщутся те, кто пожелает поддерживать знакомство с вампиром, оказавшимся за решёткой, лишённым всех прав и абсолютно никому не нужным.

— Понимаю, — ответил он. — Ты считал, что люди ненавидят вампиров и всех сторонился, а люди убеждены, что ты опасен, и от тебя полезно держаться подальше. В итоге пришлось совершить преступление, чтобы все вокруг сообразили, что у них есть проблема. Отправляйся в камеру. Свиданий больше не будет, но это потому, что скоро суд, а не потому, что ты вёл себя плохо.

Кастле сам меня проводил, а я подумал, когда за моей спиной захлопнулась дверь, что, наверное, и его могу считать другом, потому что он заботится обо мне, а это ведь самый правильный критерий.

Оставшееся до суда время я провёл в камере. На допрос больше не водили, посетителей тоже не пускали. В сущности, я и лица человеческого не видел, поскольку бутылки с едой мне ставили в специальное окошко с поворотным ставнем.

То, что за мной наблюдают, по-прежнему не тревожило, да может, и не смотрел никто, поскольку давно должно было надоест. Скучно же зрелище. Мои дни ничем не отличались друг от друга. Я тренировался, чтобы не растечься слизью, иногда вспоминал старые роли или книги, которые читал, более и заняться было нечем.

Вампиры плохо переносят заточение, высшие в особенности, но я старался не поддаваться унынию и занимал себя полезным делом или позитивными мыслями всякую минуту, которую не приходилось вылёживать на койке после отбоя.

Поскольку спал я мало, находилось время подумать, оценить суть сумбурных событий недавнего прошлого, и я всё больше убеждался, что жил совсем не так как следовало. Кастле сказал верно: я сторонился всех вместо того, чтобы идти навстречу, в итоге получил то, что получил. Подлинное несчастье застало врасплох. Я не нарастил защиты, не нашёл друзей.

Когда принесли нормальную одежду, я не вдруг поверил, что мучительное заточение в камере хоть ненадолго будет прервано. Аккуратно упакованные Мальвином вещи означали, что настал день суда. Одеваясь и расчёсывая волосы (мне наконец-то разрешили воспользоваться щёткой) я радовался, что увижу человеческие лица, небо хоть кусочком, фрагментом, может быть, дома, машины, спешащих по своим делам людей.

Сладкие мгновения внешнего мира казались чудом. Я смаковал их заранее, чтобы не упустить ни одного.

Надеялся, что придёт Кастле, скажет мне хоть что-то существенное перед рассмотрением дела, но вывели из камеры и доставили к машине безликие фигуры в скафандрах. Кандалы не надели, но оружие держали наготове. Я старался вести себя тихо и послушно, хотя от будоражающего кровь волнения хотелось пройтись колесом.

Ехали недолго, зато двор при здании суда был не крытый, и, когда меня вывели на воздух, я невольно запрокинул голову, жадно устремив взор в небо. Как мне не хватало дали, простора! От того, что взгляд постоянно упирался в стены, болела и кружилась голова. Я невольно замедлил шаги, упиваясь чистейшим цветом неба. Каждое крошечное облачко казалось чудом.

Один из охранников ткнул стволом оружия мне в позвоночник и грубо велел шевелиться, но другой удержал его:

— Пусть глотнёт ветра. В их камерах только с ума сходить удобно.

Меня всё же повели дальше, хотя не слишком быстро. И каждое окно, попадавшееся на пути, уже внутри, в здании, тянуло к себе как магнитом. Ценитель не так восхищался бы полотнами великих художников, как я простецкими видами на соседние дома или забитую транспортом улицу.

В просторной комнате, где столы стояли как в учебном заведении, только стулья у них располагались с обеих сторон, а не с одной, мне велели сесть. Охранники стали по обе стороны. Я не понимал, зачем меня сюда привели, пока в комнату не влетел вприпрыжку тонкий и гибкий как корзиночный прут злий. Я смотрел на него во все глаза, ничего пока не понимая, а он подскочил к ближайшему столу, выплеснул на него притащенную с собой

стопку бумаг в гладких пластиковых папках и воззрился на меня с видом очень недовольного предъявленным товаром покупателя.

— Явился, наконец, правдолюбец крылатый!

Характерные для его расы широко расставленные со сложным зрачком глаза изучали меня без тени дружелюбия. Зубки частоколом поблёскивали, когда он говорил. Выдавать себя за людей, слиться с толпой эти твари не могли и потому давно выработали другую тактику поведения — стали сбоку. Их никто не любил, но пользоваться их услугами не брезговали. До меня лишь теперь дошло, зачем появилось здесь существо его племени.

Злий намеревался защищать меня в суде.

Настроение заметно упало. Мало того, что отмерять мне приговор призвали исключительно людей, так ещё единственный, кто по служебной оказии обязывался взять мою сторону, происходил из народа, широко известного своекорыстием и цинизмом.

— Зачем ты признался? Объясни мне! — начал он, разглядев меня с ног до головы. — Что это за тактика такая: вывалить на первом же допросе всю голую правду и твёрдо придерживаться озвученной версии в дальнейшем? И как я должен тебя защищать? Вампиры все такие тупые? Впрочем, что взять от актёришки, который всего и умеет талдычить то, что ему велют и не смыслит зерна в сути закона и способа разворота его в нужную позицию? Вы, двое, за дверь подождите.

— Да, но... — начал было старший из охранников, кляцнув по полу космическим ботинком.

— Прочь, быстро! — возвысив голос, погнал моих стражей злий. — Не бойтесь, у этого вампира ума не хватит на побег. Вряд ли он вообще в курсе, что выходить можно не только в дверь, но и в окно, а я ему не расскажу и вы, надеюсь, тоже.

Его ужимки показались мне такими забавными, что ничуть не задели.

Когда мы остались наедине он бросил ёрничать и сел напротив.

— Я твой защитник, парень. Поскольку ты сделал всё возможное, чтобы испортить мне работу, на многое не надейся. Ами Шэтэ (так меня зовут) хороший специалист, но надо же ставить разумные цели. Понимаешь о чём я?

Он закурил и с наслаждением выпустил в воздух толстую струю вонючего дыма. Я чуть отшатнулся. Кроме людей только злии придерживались этого скверного обычая, так что удивляться не стоило, но вот глаза над клубами удушливой копоти теперь изучали меня серьёзно и без особого отвращения.

— Да, прости, — сказал я смиренно.

Сердить его не хотелось и, как ни странно, он начинал мне нравиться. Ещё недавно я оскалил бы клыки и плевался ядом, а сейчас простая свежая мысль посетила поумневшую голову. Я решил, что если люди в силах понять сравнительную неопасность вампиров для их стада и социума, то и в злие наверняка найдётся что-то правильное, способное поставить между нами не барьер, а мостик — дорожку к взаимопониманию. Его профессиональная спесь, хотя бы.

— Вот так определённо лучше! — заявил он. — Давай договоримся сразу: я приказываю, ты подчиняешься, я мастер, ты — орудие в моих руках.

— Это рискованное заявление, — ответил я.

Он ухмыльнулся и выпустил новый клуб дыма, хоть и не в лицо мне, но пришлось задержать дыхание. Некстати вспомнился взрыв и пожар в квартире черетессы. Примерно те же тогда испытал ощущения. Как разумные существа способны втягивать вот это в себя по

доброй воле? Я не понимал.

— Приступим! Встань!

Я послушался.

— Ну и дылда! — сказал он, отходя на некоторое расстояние, чтобы оглядеть меня с него. — Пройдись. Нет не так! Как человек двигаться умеешь? Ещё. Медленнее. Голову склони, изобрази печаль. Ты актёр или хотя бы тут сказал неправду? Вживись в роль!

— Так ты объясни — какую, — попросил я.

— Благородный страдающий герой, — тут же нашёлся он с ответом. — Можно слегка раненый.

Далее мне указывать не требовалось. Играть положительных персонажей мне приходилось редко, но я же видел, как справляются другие. Злий несколько минут наблюдал за тем как я прохаживался садился, вставал, поднимал и склонял голову, затем фыркнул словно большой кот и неопределённо качнул головой.

— Ладно, пришлешь мне контрамарку, когда отсидишь срок. Платят тут немного, так что не надейся, что я куплю билет. Идём, скоро здешнее представление начнётся.

— И что мне делать? — растерялся я.

— А то, что показывал мне сейчас. Оставайся в образе, или как там у вас в театре говорят.

Я решил, что нет оснований его не слушаться.

Клетка для преступника была устроена здесь так хитро, что вести его через зал нужды не было. Меня втокнули и захлопнули за мной дверь, а потом подняли щиты, открывая мою особу всем взорам.

Решётка из мощных прутьев не мешала видеть людей, заполнивших, да что там, забивших обширное помещение. Я оробел от обилия публики и огляделся в поисках подсказки, но мой злий уже упрыгал к длинному столу и совещался о чём-то с сидящими за ним представителями закона.

Ко мне подошёл Кастле, которого я разглядел не сразу, и негромко сказал, стоя по ту сторону решётки и критически оглядывая зал:

— Сядь на скамеечку, а главное, помалкивай и веди себя смирно. Ну, ты умеешь, если захочешь. Не смотри, что твой защитник злий — он из лучших. Я сам его уговаривал взяться за дело.

Он слегка кивнул и отошёл к тому же столу, а потом совсем покинул помещение.

Я лишь теперь разглядел неудобное сиденье и опустился на него. В клетке было тесновато, коленям едва хватало простора. Заняв своё место в мизансцене, я немного успокоился и рискнул внимательнее оглядеться, хотя, быть может, не стоило этого делать.

Ко мне были повёрнуты, в большинстве своём, незнакомые лица и, если прежде, в свободные времена, внимание публики меня не тревожило, напротив, нравилось, сейчас я ощутил смятение. Не позорно играть на сцене, но стыдно быть выставленным напоказ, словно живой страдающий экспонат. Эти люди пришли сюда насытиться представлением куда более сочным и жгучим, нежели театральная постановка — потрошением жертвы. Япил их кровь, они пришли, чтобы отведать моих страданий.

Хотелось уткнуться лицом в ладони, отгородить себя от жадно хлебающей мой ужас толпы, спрятаться, скрыться... Я с трудом взял себя в руки, стараясь поверить, что никто не жаждет моих мук, просто я отвык в камере от лиц и запахов, от звуков многих смешанных в общий рокот голосов — одичал. Вспомнив указания злия, я принял предписанную им позу

гордого смирения и посидел полминуты с закрытыми глазами, чтобы прийти немного в себя.

Не скажу, что потом я начал лучше разбираться в происходящем.

Едва я успел толком оглядеться, как появились судьи: трое людей, два средних лет мужчины и женщина постарше. Они важно уселись за самый высокий стол и принялись общаться друг с другом, обмениваясь то замечаниями, то бумагами, то взглядами.

Я наивно созерцал их, полагая, что вот тут мне и объявят приговор, но действие ещё только начиналось. Четвёртый человек, как я понял, он назывался обвинителем, принялся вызывать свидетелей.

Я увидел ребят из комиссии по казням, весьма надо полагать, на меня злых, врача, кажется, ему самому упрёков не предъявляли, но держался он скованно и, вероятно, топил меня как мог. Судьи разговаривали на малопонятном мне языке, слишком далёком от обыденной речи, и смысл вопросов, которые задавал обвинитель, иногда не могли уразуметь и свидетели.

Узрума вызвали почему-то не в начале разбирательства, а после допроса комиссии. Я с любопытством вглядывался в его напряжённое замкнутое лицо. Холодом от него веяло стылой сутью, и я подумал мельком и без особого интереса, рискнёт ли он лгать.

Закончив с формальностями, он застыл на положенном месте, глядя прямо перед собой. Обвинитель начал задавать ему вопросы, и тут я узнал много нового.

Выяснилось, что он обратился ко мне с просьбой помочь освободить любимую женщину, в чью невиновность свято верил. Он предложил мне деньги, и я согласился их взять. План мы разработали вместе. Я должен был сделать вид, что женщина умерла, внушением заставить врача поверить в то же самое и подписать протокол. Затем в дороге подменить одно тело другим, создать таким образом впечатление, что казнь свершилась.

Не особо ведь уклонялся от истины мой сообщник. Маленькие отступления не порочили его, зато все оборачивались против меня. Я предстал чудовищем, жадно ухватившимся за возможность подзаработать и не брезгующим ради этого любой авантюрой.

Я не смел посмотреть на людей в зале, боясь увидеть ненависть на обращённых ко мне лицах, но тут злий выступил вперёд и спросил, какую сумму я должен был получить за осуществление плана, а потом полюбопытствовал, когда и как уважаемый Узрум перечислил деньги.

Я не видел от него ни монетки, да и давно забыл сам факт предложения оплаты, потому с интересом ждал ответа. Как видно, содержимое моих скудных счетов не являлось тайной для суда, потому что Узрум замялся, а затем сказал, что раз он прождал в условленном месте напрасно, и я не явился с его спасённой возлюбленной на договорённую встречу, платить за невыполненную работу он не счёл возможным.

— Обратите внимание! — повысив голос и обращаясь одновременно к суду и публике заявил злий. — Свидетель озвученную сумму на счёт подсудимого не перечислил, подругу свою не спас, снятию с неё обвинений в убийстве не способствовал, покрывал истинного преступника, но в железной клетке почему-то сидит вампир, который бескорыстно, рискуя свободой и жизнью выручил из беды женщину чужого народа...

Его прервали, указав, что спорные утверждения оглашаться в суде не должны, и он тут же извинился, скроив притворно сокрушённую мину, хотя глаза блестели азартом.

Злий, как я понял пока что не пытался ничего доказать, он добивался впечатления и сумел его произвести. Ропот в зале, а кое-где и неуверенный смех подсказали мне, что вера в правоту Узрума оказалась изрядно подорвана.

Допрос на том незавершился. Злий принялся въедливо, хотя с видом неподдельного участия, уточнять детали, которые всё более подтачивали позицию черета, вскрывать как консервную банку умолчания и отговорки. Защитник мой одними вопросами, не имея часто на руках твёрдых доказательств, опираясь на логику сюжета, демонстрировал в нюансах, как мало сам преданный возлюбленный сделал для пользы предмета неизбывной страсти. Затеяв всё предприятие Узрум сдёрнул в кусты, бросив на собственное усмотрения палача и жертву.

В многом суд действительно напоминал театр, чувства тут тоже имели свою силу и, хотя действие развивалось по весьма приблизительному плану, руководили им профессиональные постановщики.

Я смотрел на Узрума и не испытывал обиды. Все злые эмоции как-то отгорели, стёрлись. Он, в сущности, защищал того, кто дал ему жизнь, родителя, в целом — свой род. Не знаю, как я поступил бы на его месте. У обоих наших племён клановые интересы всегда стояли очень высоко. Множество юношей и девушек отказывалось от личных предпочтений, если этого требовали интересы семьи. Я и сам смиренно, не ропща, ждал, когда мне устроят выгодный для Триэвиров брак.

Нет, я не мог взвесить чужую вину, потому искренне поразился отваге судей, которые брались за такое непростое дело и спокойно спали по ночам.

Кажется, я прослушал излияния водителя и работника печи, хотя не представляю, что там могло быть интересного, а потом обвинитель вызвал для дачи показаний Ланику.

Когда я увидел, как она входит в зал, скромно одетая, с опущенными долу глазами, я едва не подпрыгнул на своём месте. Ладони потянулись, стремясь вцепиться в прутья решётки, я подался вперёд всем корпусом, чтобы приблизить лицо к ограждению, убрать из поля зрения мешавшее железо, но злий зыркнул на меня нечеловечьими глазищами, и блеснули они так, что я немедленно отпрянул, изо всех сил постарался снова войти в предписанную роль.

Меня трясло, но это было радостное возбуждение. Мне ведь никто не говорил, что дело Ланики уже пересмотрели, и она теперь оправдана, свободна. Дыхание сбилось, пульс гудел в голове, я, наверное, пропустил много всего важного, пока смотрел на эту юную поздоровевшую и похорошевшую за последний месяц женщину и никак не мог насмотреться.

Влюблён, иначе никак не объяснишь этого сумасшествия, что удержать в себе труднее чем страх, боль, ярость. Свет, готовый рассеять любую тьму. Как же мне удавалось сохранять рассудок все эти долгие дни, слагаемые в недели? Или магия действует лишь в присутствии предмета страсти? Вспоминая Ланику, я ощущал нежность, никак не ожидал от себя бурной вспышки восторга, увидев её вновь воочию.

Это потому, что она свободна — попытался я объяснить себе и успокоиться, но получилось у меня не сразу. Ланике задавали вопросы, она на них отвечала, я видел, как шевелятся губы, но совершенно не понимал слов. Наверное, так и пребывал бы в мутном тумане очарования, но смутила хищная насторожённость злия. Защитник выглядел таким сердитым, что от него только что пар не валил.

Лишь тогда до меня дошло, что черетесса выступает как свидетель обвинения, и даже мне стало понятно, что это неправильно. Не так, как следует.

Я замер, пытаюсь сообразить, что происходит, поглядел на злия. Он жевал губами, словно у него зубы пустились в пляс, но мне сделал страшные глаза, и я понял это так, что приказ надлежит выполнять, что бы не происходило вокруг. Я попытался, получалось плохо. Меня трясло, а едва слышный голос Ланики с трудом проникал в сознание. Она стояла довольно далеко от меня. Как видно преступника старались держать в стороне от свидетеля, чтобы не давил на восприятие своим близким присутствием.

— Расскажите о том, как вы очнулись в логове вампира, — благожелательно предложил обвинитель.

— А можно, я тоже буду подсказывать свидетелю, что ему надлежит говорить? — моментально встрял злий. — Смещать акценты так, как мне нравится?

Небольшой скандалчик, разразившийся между участниками процесса после дерзкого заявления Ами Шэте, сбил Ланику с толку. И так растерянная, испуганная, она совсем смешалась. Я понял, что злий чего-то подобного и добивался, он сражался за меня, уверенно держал мою руку, но видеть, как страдает та, к которой я дышал столь неровно, было невыносимо.

Я забыл жёсткие инструкции, у меня вообще всё вылетело из головы, кроме желания защитить эту юную женщину любой ценой. От любой беды, даже мнимой. Да пусть упекут за решётку на бездну лет, какое это имеет значение, если Ланике больно и страшно? Разве затем я тогда вытаскивал её из злой судьбы, чтобы теперь она переносила эти муки? Я не знал, на какие заявления подбил её черет, что обещал, чем в итоге улестил, но и не задумывался об этом.

Я ничем не мог ей помочь, безнадёжность происходящего буквально разрывала на части.

Какая-то сторонняя сила подняла меня с жёсткой скамьи, бросила к решётке, заставила вцепиться в жёсткие прутья. Я смотрел на Ланику, пока крючокотворы выясняли кто прав, кто виноват и допустимо ли делать резкие замечания на процессе, я пытался хоть взглядом подбодрить её, сходил с ума от того, что не способен поделиться своей дурной мощью, но почему-то не попытался выворотить прутья из гнёзд, хотя обладал властью это сделать.

Ладони верно оценивали преграду, только я уже был не тот, что прежде. Я понимал, насколько бессмысленно решать любые вопросы демонстрацией мускулов в век, когда могущество отдано разуму.

Я хотел, чтобы она посмотрела на меня, мечтал сказать ей, что люблю и одобряю всё, что она сочтёт нужным, не затаю зла, если тот, другой, ей по-прежнему дороже, и она готова забыть ради его объятий наши невинные ночи, взаимную поддержку, долгие разговоры, кроликов, что я ловил на обед. В горле скопился такой жёсткий ком, что сказать я всё равно бы ничего не смог, осталось только смотреть.

Тишина. Я не сразу понял, что зал совершенно угомонился. Звучали ещё сердитые голоса судей, но потом смолкли и они. Грохот упавшей булавки услышал бы даже человек.

Ланика испуганно посмотрела по сторонам, и наши взоры нечаянно встретились.

Иногда не нужно читать мысли и говорить слова. Я хотел подбодрить подругу, всего себя вложил в этот взгляд, ни на что особенное не рассчитывая, но случилось неожиданное. Внезапно сорвавшись с места, она бросилась ко мне, прыгая резво, как и положено молодой

здоровой черетессе, вмиг оказалась рядом, и никто не успел остановить, да никто и не дёрнулся.

Ланика застыла в полушаге, не решаясь меня коснуться и точно так же я не смел протянуть руку сквозь заключившие меня в неволю прутья. Я невольно опустил на колени, чтобы компенсировать разницу в росте и некоторую возвышенность клетки над полом. Я хотел смотреть ей прямо в глаза, потому что поддержать друг друга могут только равные, а жизненно важно было дать ей сейчас понять, что наши судьбы могут как слиться в одну, так и пойти врозь, но товарищество выше любви. С него всё начинается. Не сложится годный брачный союз, если не завязался дружеский.

Не знаю. Я не думал о деталях. Работали глубинные инстинкты.

— Нет, нет! — заговорила Ланика торопливо как в бреду. — Я не могу сказать про тебя ничего плохого, я обещала им, ведь они почти убедили меня, что ты меня бросил, предал, но твои глаза говорят другое. Ты просто не мог прийти, потому что, помогал мне, сам попал в беду. Спасибо тебе, спасибо, спасибо!

Она, наверное, говорила бы ещё долго в том лихорадочном состоянии, когда кажется, что слова не способны передать то что живёт в душе, но хитрый злий подскочил к ней лёгкой птичкой, бережно обнял рукой, как крылом, повёл дрожащую, растревоженную прочь, громко, чтобы все слышали, уговаривая успокоиться, обещая защиту и покой, ещё ухитряясь при этом зло выговаривать противнику за то, что привлекли к процессу девочку, пережившую такой ад, не пожалели несчастную сиротку...

Кто-то из его помощников перехватил черетессу, предлагая бутылочку с водой, а потом возле неё возник Кастле, и я смог вздохнуть свободно, потому что верил в надёжность его защиты.

Злий как ни в чём не бывало вернулся на своё место, мимоходом показав мне кулак в качестве увещевания, а потом два согнутых крючками пальца — знак высокого одобрения у его племени.

Лишь теперь я обнаружил, что по щекам текут слёзы.

Смутясь от неприличия, стесняясь допущенной публично слабости, я вернулся на скамью и опустил голову как было велено. Сердце колотилось, ничего не сообщало разуму, пожалуй, для меня всего происходящего оказалось слишком много. В зале зародился негромкий, задумчивый какой-то ропот, и я подумал, хотя мысль всё ещё выглядела несколько крамольной, что публика сочувствует не только испуганной маленькой девочке, заодно мне: двухметровому страшному вампиру. Не знаю, как объяснить этапы свершившегося прозрения, я их пропустил. На душе потеплело, словно люди поделились со мной лучами добра.

К счастью, объявили перерыв, заслонки стали на место, я на краткие полминуты остался один и успел смахнуть слезинки, растереть ладонями лицо, немного прийти в себя. Как раз справился, когда в замке заскрежетал ключ, дверца распахнулась и доблестный защитник буквально за рукав выволок меня в классную комнату. Грозно спросил:

— Что тебе было сказано делать? Почему не слушаешься? С ума меня сведёт этот бестолковый вампир! На, пей, жрать тут не положено — не курорт с пирогами!

Он сунул мне бутылку воды, и я с благодарностью выхлебал всё до дна: от жажды буквально скручивалось горло. Он наблюдал спокойно и даже добродушно. Я начал привыкать к постоянным перепадам настроения, хотя, вряд ли они вообще имели место. Шэтэ вершил свою игру, последовательно придерживался определённой роли.

— На самом деле ты это классно провернул, — сказал он, отбирая пустую бутылку и кидая её в корзину. — Ты перетащил на нашу сторону самого опасного свидетеля и сделал это одним взглядом. Пожалуй, я куплю билет на твой спектакль, если не очень дорого обойдётся, конечно. А сейчас отдохни, ничего ещё не кончилось.

Совет пришёлся как никогда кстати. Я закрыл глаза, постарался выгнать все мысли из головы, а чувства из сердца.

Когда перерыв завершился, и я вновь очутился в эпицентре человеческого внимания, соображал уже немного лучше, ну по крайней мере, яснее. В зал входили один за другим свидетели, призванные моим защитником.

Если говорить честно, поначалу я вообще не понимал, что происходит, простодушно решил уже, что связность мышления, которую я себе самонадеянно приписал, всего лишь иллюзия, спровоцированная эмоциональной нестабильностью.

На возвышение для выступающих поднимались люди, которых я знал хорошо или плохо, но к моему преступлению не имевшие никакого отношения. Как злий ухитрялся живой ниткой каверзного вопроса пришить их речи к сути дела, я даже не представлял, но он справлялся, и, хотя эти знакомцы мало что могли добавить для прояснение самого происшествия, они говорили обо мне.

Я с изумлением узнал, что о некоем вампире, оказывается, думают. Все эти годы я не просто жил в своей скромной квартирке, честно делал работу, какую удавалось добыть, но существовал в социуме, который прежде считал практически враждебным. Я понятия не имел, что во мне видят не кровососа, которого вынуждены терпеть из-за глупых установок толерантности, ну не только кровососа, а соседа, товарища, мужчину, в конце концов.

Люди вспоминали сущие пустяки, о которых я не задумывался, голоса их звучали тепло. Только хорошее воспитание удержало меня от того, чтобы вытаращить глаза и открыть рот.

Упорный трудяга злий проделал, оказывается, гигантскую работу. Не имея возможности доказывать мою невиновность, он решил сделать из меня такого благородного разбойника, который делится награбленным с бедными и несчастными, а к концу пьесы помогает влюблённой паре соединиться в законном союзе. В похожих ролях я выступал не раз, вполне вероятно и актёрским амплуа работая сейчас на образ.

Как видно Шэтэ обладал истинно постановочным темпераментом, потому что спектакль им устроенный работал весьма гармонично. Свидетелей моей добропорядочности он вызвал много, но каждого держал под допросом недолго, справедливо полагая, что повторы утомят судей.

Когда настал опасный момент однообразия, он вызвал главного очевидца.

Кастле не одаривал меня дифирамбами, он говорил чётко, размеренно и сухо, создавая хороший контраст с предыдущим зрелищем, но его изложение событий поразило даже меня. Я ведь прежде только на сцене старался узреть себя со стороны, поскольку это помогало гармонизировать игру, а в жизни полагал, что ни для кого не представляю никакого интереса. Спокойно и чётко излагая, какие усилия я приложил для освобождения Ланики не только от казни, но от несправедливого обвинения, дознаватель делал меня не просто симпатичной адекватной личностью, куда там — почти героем.

Пожалуй, эти сведения имели косвенное отношение к обвинению, но Кастле никто не прервал. В зале после его выступления воцарилась задумчивая тишина, разбавляемая иногда сдержанным ропотом, словно осторожные волны накатывали на берег.

Я думал, на этом разбирательство завершится, но злий приберег напоследок ещё один

козырь. В зале появилась наша прима Бернара. Сопровождаемая восхищённым шелестом публики, она прошла на положенное место. Ей красота, голос, высочайшее актёрское мастерство подействовали даже на меня, что там говорить про неискущённых зрителей. По крайней мере двоих судей она очаровала наповал.

Бернара отозвалась обо мне почти с нежностью, завершив представление на замечательной умиротворяющей ноте.

Ну то есть, закончилось всё для меня, потому что на время прений сторон преступника удаляли из зала, чтобы он своим видом не подталкивал законников к тому или иному опрометчивому решению. Так я понял из кратких объяснений злия, и провел ещё два часа в стороне от событий, в обществе своей космической охраны. Я ни о чём не думал и тихо переваривал про себя добро, что подарили люди: от соседки, которой я как-то, едва заметив пустячную услугу, помог поднять тележку на последний этаж до кота Ивера, стоявшего за меня горой и своей очаровательной рысёй экспансивностью отлично разогревшего зал.

Когда меня вновь заключили в обжитую уже за длинный день клетку, я даже не сразу сообразил, что сейчас узнаю свою судьбу на ближайшие годы. Длинную речь старшего из судей слушал невнимательно, всё вглядывался исподтишка в публику, где у меня нашлось так много друзей и когда меня опять закрыли заслонками, я, к стыду моему, так ничего и не понял в случившемся.

В классной комнате ждал не только защитник, но и дознаватель.

— Больше мне его не подсовывайте! — фыркнул злий сердито, но уходя неловко, словно не знал, как это делается, потрепал меня по плечу.

Я проводил его растерянным взглядом, а Кастле, как видно догадавшийся о моём вопиющем невежестве, сказал отдельно, чтобы уразумел:

— Двенадцать месяцев тебе дали. Благодарю этого пройду, он сделал всё, что мог. Очень мягкий приговор, я и не надеялся на такое везение, а теперь тебе домой пора. В тюрьму, то есть.

За время пути я немного успокоился, даже смог осмыслить случившееся. Всего год неволи. После ожиданий куда большего наказания срок казался терпимым. Я надеялся, что выдержу испытание не дрогнув.

В тюрьме меня против ожиданий отвели не в камеру, не в комнату для допросов и даже не в поделенный на две части зал для свиданий, а в казённого вида, но всё же куда более приятную чем вышперечисленные помещения гостиную.

— На новый режим содержания тебя пока не перевели, это произойдёт завтра, правила я нарушаю, но особа, которая хочет с тобой поговорить, умоляла устроить встречу безотлагательно. Ты меня не подведёшь?

— Всё нормально, — ответил я. — Спасибо тебе за доброту и участие.

Родителей я не ждал, я и на процессе-то их не наблюдал, потому что негоже было высшим вампирам на нём присутствовать. Собственно говоря, я ничуть не удивился, увидев Ланику, только сердце тревожно замерло, а потом забилось слишком часто, словно я готовился к битве.

Она успела переодеться, вообще привести себя в порядок, я едва узнавал в ней ту худенькую испуганную девочку, теряющуюся в глубинах смертного балахона, да и в зале суда она выглядела иначе. Здесь не было перегородки, и, как я понимал, разрешалось подходить друг к другу вплотную, даже обняться, но ни того, ни другого Ланика не сделала.

Я постарался отогнать грустные предчувствия, предложил ей сесть, сам опустился в

кресло, чтобы не затруднять беседу разницей в росте.

Говорить о любви и брачных намерениях, узнику, лишённому прав и перспектив, наверное, было нелепо, но я инстинктивно угадывал, что другого шанса не найдётся, знал, что обязан произнести те самые слова, чтобы наступила хоть предварительная ясность. Устал я от туманов, что копились вокруг так долго.

— Ланика, выслушай, пожалуйста, то, что я сейчас скажу. Просто дай мне возможность сказать. Когда я, попробовав твоей крови, понял, что ты не совершала предписываемого злодеяния, я просто не смог казнить невинную душу, и радовался, что Узрум пусть угрозами навредить моей семье добился согласия на подмену. Я полюбил тебя позднее, когда мы были рядом, связанные одной бедой, поддерживали друг друга как могли и умели. Прости, признания от вампира, приговорённого к тому же к изрядному наказанию звучат, наверное, нелепо или по меньшей мере странно. Ты свободна, я нет, но просто знай, что дорога мне. Даже родители дали согласие на предполагаемый брак.

Ланика слегка поёжилась, как видно, вспомнив встречи с моей матушкой. Я не сомневался, что лордесса способна была произвести сильное впечатление и на более независимую натуру, но не думал, что общение длилось достаточно долго, чтобы повлиять на выбор Ланики.

Она не смотрела мне в глаза, лишь ниже опустила голову, значит, ответ на моё предложение себя, ущербного, был очевиден, но я всё ещё надеялся. Я ждал.

— Элле, ты хороший, ты самый лучший...

Она вздохнула, опять замолчала, я уточнил, потому что в принципе угадал главное затруднение:

— Но ты всё ещё любишь его.

— Да, — прошептала она. — И я едва не предала тебя там в суде, потому что снова попала в омут, который меня почти погубил.

Что мне оставалось делать?

— Ланика, кто знает, быть может, Узрум ещё станет лучше. Когда в семью приходит горе, многие меняются.

Я выдавил из себя правильные слова, дались они нелегко, а Ланика посмотрела на меня, едва не впервые подняв глаза.

— Ты и теперь хочешь меня защитить. После всего, что было в суде...

Слёзы быстро как у ребёнка побежали по щекам, прокладывая блестящие улиточные тропинки. Ланика вздохнула, проговорила твёрже:

— Только, Элле, я уже взрослая, то, что случилось мне придётся пережить самой, научиться дальше существовать с рухнувшими на меня бедами. Сейчас я слишком слаба, не очень хорошо понимаю, что происходит вокруг, но именно поэтому хочу на время скрыться. Я уже попросилась в сестринский дом, меня примут, надеюсь. Прости.

— Ты ни в чём передо мной не виновата, если пока или насовсем нужен покой, я от души пожелаю его обрести.

Разочарование накрыло, но я знал, что оно меня не убьёт. Не слишком я надеялся на благоприятный исход своего предприятия, зато радовался, что она уходит от Узрума. Вполне вероятно, что не так он был виноват, как мне казалось, но Ланике действительно следовало разобраться в себе, лишь потом что-то решать.

Мы так и не прикоснулись друг к другу. Она ушла, а я остался дожидаться новых приказов, привыкнув уже не распоряжаться собой в малой малости.

Пришла пора понять, что со мной будет дальше.

Кастле вошёл почти следом за тем, как исчезла Ланика, и несколько минут стоял рядом, разглядывая, как видно, мою угнетённую особу. Чего он ещё не видел, я просто не представляю. Команда встать и шагнуть в камеру всё не звучала, и я вопросительно посмотрел на человека. Он созерцал меня сочувственно. Понял наверняка, что тут произошло, искренне хотел утешить, только не имел привычки к самому этому действию. Исход свидания угадать оказалось нетрудно.

— Ты в порядке?

— Да, конечно.

Он со вздохом уселся напротив и уточнил въедливо:

— В самом деле? Сколько пальцев я показываю?

Я невольно рассмеялся.

— Ну вот, — удовлетворённо констатировал он. — Уже лучше. Меньше стал похож на заблудшее привидение. Не грусти, дела обстоят совсем не так плохо, как кажется на первый взгляд, всё постепенно наладится, а любовь... Может быть, нужно время. Оно и лечит, и расставляет приоритеты по местам.

— Я справлюсь! — пообещал я.

— Верю! У меня к тебе серьёзный разговор. Если ты способен адекватно реагировать, то давай приступим, а то уже поздний вечер, оба мы измучились, целый день не жравши.

— Я слушаю.

— Тебя никуда не переведут, оставят здесь, у нас не слишком много тюрем для вампиров, так что привыкать к новому месту не придётся, да и мне это на руку. По правилам моя опека прекращается после вынесения приговора, но возник один проект, ради его осуществления начальство пошло на некоторое отступление от заведенного порядка. Твоя работа с трупами впечатлила тех, кто это наблюдал, посему постановлено было в экспериментальных целях привлечь вампира в качестве постоянного консультанта. Поскольку ты и так всегда рядом, в первую очередь решили предложить эту работу тебе. Согласен?

Я едва на месте не подпрыгнул от восторга. Мечтать не мог о таком счастье, а оно свалилось прямо на голову.

— Конечно! Я что угодно готов делать, хоть двор мести, хоть полы скрести, лишь бы не сидеть непрерывно в клетке, где ночью приходится лежать как привязанному, а днём взгляд упирается в такие близкие стены, что я боюсь ослепнуть.

На Кастле мои слова произвели сильное впечатление. Он даже в кресле откинулся, сощурил глаза от непонятной мне тревоги. Брови нахмурились, между них угнездилась тяжёлая складка. Я испугался, что сказал сгоряча лишнего, только не понимал пока, в чём конкретно моя вина.

— Постой, Трэр, так тебе вредно не видеть простора? Это заявление не фигура речи, не прихоть?

— Конечно, я не стал бы тебе лгать. Говорю правду, какая есть: высший вампир может сойти с ума, находясь долгое время в ограниченном пространстве. Мы — существа полёта, сбежали бы в горы, как драконы, не будь привязаны к роду людскому цепями необходимости.

— Я не знал. Почему ты не сказал раньше? Впрочем, мне тоже следовало понять, насколько мы разные и попытаться собрать и упорядочить информацию. Я ведь за тебя отвечаю...

Он нахмурился ещё больше, наверное, размышляя о моих проблемах, потом произнёс, дружелюбно кивнув:

— Прогулки вампирам не положены, но я непременно придумаю, что тут можно изменить. Проконсультируюсь и извещу тебя о результате. Не отчаивайся! Кстати, ночью не обязательно лежать, если ты не спишь. Я уведомя охрану, чтобы тебя не принуждали соблюдать лишние строгости. С тобой поначалу обошлись жёстко потому, что опасались пресловутой вампирской агрессивности и легендарного злого нрава. Сообщай открыто о своих нуждах, я попытаюсь сделать всё, что могу. А теперь — марш в камеру. Завтра с утра начнём работать.

Так и пошла своим тихим ходом моя новая жизнь. Поначалу изменений в ней оказалось немного. Для консультаций меня выводили совсем ненадолго и почти сразу возвращали в каземат. Правда, с самого первого дня, разрешили по пути туда и обратно постоять возле окна, выходящего на другой двор, забранного внушительной решёткой. Здесь я мог ненадолго увидеть небо, а иногда гулявших внизу заключённых из людей.

Понемногу сотрудники морга привыкли ко мне, перестали дичиться, разрешили задерживаться подольше. Мы обсуждали результаты вскрытия, да и сам процесс мне теперь удавалось посмотреть. Убедившись, что потрошение мёртвых тел, даже совсем свежих, не вызывают у меня приступов неконтролируемого аппетита, патологоанатомы охотно привлекали к работе, не ленились давать пояснения.

Моё невежество изрядно мешало работе, поэтому, чтобы вернее понимать, что каждая из сторон имеет в виду, мне выдали учебники, даже разрешили брать их с собой в камеру, так что по ночам я тоже оказался плотно занят. Не было больше нужды бревном лежать на кровати и тосковать о возможности движения. Читать я мог сидя или расхаживая из угла в угол. Время за полезным делом пролетало незаметно.

Я жадно хватал любые знания, благо отменная память вампира позволяла их без труда удерживать, и вскоре начал понимать работу патологоанатомов в тонкостях, хотя не стремился блеснуть эрудицией, чтобы не обидеть тех, кто так щедро помогал мне выносить тяготы заключения.

Прогулок мне по-прежнему не разрешали, но однажды, это было месяца через два после суда, Кастле пришёл рано утром весьма довольный собой и объявил, что мне предоставят другую камеру, больше прежней, а главное с крошечным, но настоящим окошком. Кажется, мы оба в равной мере радовались маленькому празднику.

Дознавателя я видел нечасто, у него наверняка хватало других забот, но приходил он регулярно, интересовался моими успехами, хотя наверняка ему на стол ложились исчерпывающие отчёты.

Конечно, пространственная и правовая ограниченность моего положения временами угнетала. Не скажу, что я готов был каждый день смеяться и петь. Иногда накатывала такая тоска, что хотелось ладонями раздвинуть стены, развернуть крылья, лететь всё время вверх до тех пор, пока они ещё смогут держать меня в редющей атмосфере.

Что бы я стал делать потом? Не знаю, вряд ли захотел вернуться на землю с её кривыми законами после великолепного полёта. Наверное, переломился бы и рухнул вниз вначале холодным, потом пылающим телом. Говорили, что таким жестоким способом вампир

вполне способен покончить с собой, но я не слышал, чтобы кто-то рискнул проверить.

Я изо всех сил старался скрывать периоды мрачного безумия, опасаясь напугать людей, дать им повод заподозрить меня в планировании побега. Если честно, я не знаю, насколько хорошо удавалось, но мне ни разу не дали понять, что видят перед собой чудовище, постепенно дурные мысли отступали.

В значительной степени мою неволю скрашивали свидания. Теперь их разрешали гораздо чаще, причём, не в комнате разгороженной стеклом, а в той гостиной, где я прощался с Ланикой. Первым ко мне примчался птенец.

Ворвавшись в комнату, он не ограничился чинным поклоном или рукопожатием, а бросился в мои объятия. Ощувив, как он потёрся макушкой о мою шею я с удивлением сообразил, что неведомым образом пробудившиеся инстинкты сообщили ему правильный способ попросить мастера поделиться запахом.

Считая своим долгом сразу уточнить границы взаимных обязательств, я осторожно отстранил его и объяснил, что он полностью свободен, не обязан мне более ничем. То есть, я уже пытался довести до его сведения эту истину в первое свидание, но полагал, что повторить не вредно.

— Да, ты говорил! — сразу ответил он. — И я всё понял, но я твёрдо решил, что должен остаться рядом до тех пор, пока тебя не выпустят на волю. Ты подобрал меня на улице, пожертвовал своим покоем и жизненным пространством ради того, чтобы помочь новоявленному обращённому, сделал всё, что мог, чтобы подготовить меня к самостоятельному существованию, когда собственные дела обернулись скверно. Так что ты теперь от меня так просто не избавишься. Я отказываюсь от статуса взрослого кровососа. Я твой птенец, и точка.

— Ты поступаешь неразумно.

— Плевать! Я поступаю так, как должен.

— И что же скажут на это твои родители?

— А ничего. Ты теперь имеешь на меня такие же права, как и они, так что пользуйся!

Спорить с юным нахалом у меня не хватило духу. Я усадил его рядом обнял, а потом принялся расспрашивать о делах и проблемах, вспоминая попутно в какие вампирские истины не успел его посвятить.

В следующий раз Мальвин привёл с собой отца. Мне понравился этот человек, поладили мы сразу. Он не пытался гневаться из-за того, что изменить было нельзя, а пробовал трезво оценивать обстоятельства и постепенно примиряться с ними.

Ко мне, как выяснилось, он никаких претензий не питал, поговорить пришёл о другом. Его не устраивало, что сын по-прежнему работает в театре, в то время как ему надо завершать образование и привыкать к делам в семейном предприятии. Я, кстати, был целиком на его стороне. Полученный опыт простой работы шёл не ко злу, но каждому полезно соотноситься с теми обстоятельствами, в которые поставила жизнь.

Когда вполне довольные родичи ушли, я отправился в камеру, размышляя о том, какими разными бывают отцы и их сыновья, сколько троп кривых или торных ведёт как к любви, так и к вражде, что зависит от нас самих, а в чём мы не властны. Не думаю, что я совершил какие-то открытия, но почему-то дышать стало легче.

Мои собственные родители навещали нечасто. Я не упрекал их в чёрствости даже мысленно, потому что в семьях высших вампиров вообще не принята была бытовая нежность. Привычка возвращать воинов осталась, когда в них отпала нужда.

Честно сказать, потребность в опеке у меня как-то стёрлась за те годы, что жил один, всё чаще в последнее время я понимал, что повзрослел и это теперь надолго. Есть неоспоримые правила, как тот же подбор невест-женихов для отпрысков знатных семейств, но всё прочее я решаю сам. Налажал — отвечу, справлюсь с поставленной задачей, чего бы мне это не стоило.

А цена росла. Я старался не думать о неизбежной деградации, которая ждёт каждого высшего, лишённого главной привилегии вампира, но сколько ни прячь голову в песок, хвост торчать будет. Слабость нарастала постепенно. Поскольку мне не требовалось делать что-то тяжёлое, то скрывать немощ удавалось довольно хорошо. Апатия же временами даже радовала, потому что позволяло забывать о безумных порывах, что мучили меня в первые месяцы заключения.

Хуже стало, когда начались обмороки. Вот это утаить не удалось. Поначалу мне везло, я отключался ненадолго в камере, а не вне неё, но однажды накрыло в самом неподходящем месте. Через полгода за решёткой, ко мне относились уже с таким доверием, что разрешали иногда возвращаться из морга в тюремный блок без сопровождения. Я по обыкновению задерживался у окна, чтобы глянуть на белый свет, это нарушением не считалось, но когда опоздание стало явным, меня бросились искать и нашли в коридоре холодное, практически бесчувственное тело.

Приступ оказался таким сильным, что люди не разобрались в происходящем, сгоряча доставили меня обратно в морг, а не вскрыли только потому, что кто-то заметил, как с интервалом примерно в минуту я слабо, но дышу.

Очнулся я здесь же на цинковом столе, хорошо хоть не в холодильнике. Патологоанатом пытался делать мне искусственное дыхание и закрытый массаж сердца — манипуляции для вампира не вредные, но не несущие в себе какой-либо ощутимой пользы. Позднее пришёл Кастле. В камеру меня не отпустили, опасаясь рецидива, так что разговор с дознавателем состоялся здесь же.

— Что это за фокусы? — спросил он сухо. — Если попытка суицида, то лучше молчи, я сделаю вид, что ничего не случилось.

Несмотря на скверное самочувствие и холод трупного стола, с которого мне не позволили встать, я невольно засмеялся. Люди, ничего не зная о вампирах, тем не менее тщились их судить.

— Фабр, не говори чепухи. Если бы убить нас было настолько просто, мы бы чаще умирали. Это последствия того, что я не получил нужную мне подпитку.

Полагаю, он и сам догадывался о сути дела, но отсекал в первую очередь самые неприятные для служебного успеха версии.

— Ясно, я так понимаю, это уже не впервые, просто тебе удавалось скрывать от всех своё состояние. Зачем?

— Боялся, что отстраните от занятий и запрёте в камере.

Он вздохнул, как видно озвученный мной вариант подлежал рассмотрению, только мне об этом знать не следовало.

— Дальше будет хуже?

— Не факт, каждый реагирует по-разному, но улучшения ожидать не приходится.

— Сейчас бы кандалы уже не порвал?

— Сейчас — нет.

— Ладно, слезами плакать — это не выход из положения. Быть может уколы какие-то

следует подделать, ну чтобы продержаться оставшиеся месяцы? Я надеюсь, лицензию тебе всё же вернут.

Только ждать первой казни придётся ещё минимум год с момента активации моего права её совершать. Об этом я промолчал. Превращаться в неуклюжее немощное существо вроде человека не хотелось, а оставаться в этом статусе годами было бы ужасно. Я сказал:

— Кровь могла бы немного улучшить моё состояние, имей я возможность получать хотя бы порцию в неделю, но это ведь запрещено тюремными правилами. Здесь допускается только синтетика.

Он задумался, потом ушёл, насколько я понял, за консультацией, а вернувшись, разрешил, как он выразился, «по состоянию здоровья», маленькую поблажку.

— Пусть твой парнишка приносит. Сделаем вид, что он таскает любимому мастеру конфеты.

Теперь раз в неделю я получал дозу крови, ужасно стыдясь того, что птенцу приходится делиться со мной своими талонами, но понимая необходимость жертвы. Отключаться я теперь стал реже и не так фатально, уверял людей, что всё в порядке, но понимал горькую суть происходящего: высший вампир просто-напросто кончился.

У нас такое состояние называют тишиной или паузой. Свет не гаснет, но меркнет, крылья засыпают в лопатках так прочно, что их уже не удаётся разбудить. Вампир превращается в пассивное существо без огня в душе.

Я вполне успешно помогал в морге, потому что чутьё не пострадало, но в принципе сейчас мало на что был способен.

Как ни странно, окончание неволи застало меня врасплох. Я думал впереди ещё больше месяца тюрьмы, не подозревая, что время, проведённое мной здесь до приговора, тоже идёт в зачёт. Когда Кастле сообщил о том, что уже завтра я выйду из этих стен, я не столько обрадовался, сколько испугался. Даже отголоски бывшего темперамента проснулись в душе, разогнав вялую теперь кровь.

— Как, уже всё?

— А ты рассиделся? Понравилось?

Он поддразнивал, но мне было не до шуток. Я панически испугался внешнего мира, не только потому, что отвык от него. Выйти из тюремных стен предстояло совсем иному существу.

Могущественный вампир остался в прошлом. Мучительно как никогда я сознавал, насколько теперь слаб и уязвим.

— Парень твой придёт, не беспокойся, он пообещал, что проводит до квартиры, присмотрит на первых порах.

— Да, трудно будет вновь оказаться на шумных улицах. Я уже и забыл, как машину водить.

Об истинных своих страхах я говорить постеснялся. Кастле сказал:

— Я собственно говоря, хотел приободрить тебя в последний день. Ты хорошо трудился, зарекомендовал себя отличным специалистом, покладистым сотрудником, так что, если пожелаешь, сможешь получить постоянный контракт. Устраивает?

Не уверенный, что возьмут обратно в театр, хотя актёры, меня навещавшие, сам кот Ивер, обнадёживали, я с радостью ухватился за предложение работы. Верил, что потяну обе в случае нужды, на это энергии хватит — не камни же ворочать. Стабильность успокаивала, хотя дурные предчувствия не отпускали.

Свободу предстояло обрести вечером, такое правило, не знаю уж почему, существовало для вампиров, и весь день я ощущал себя тяжело взволнованным. Бродил по камере, с любовью глядел в отвоёванное для меня Кастле крошечное окошко.

Выходя в эту дверь в последний раз, я невольно оглянулся, ощущая смутное сожаление. Радость до меня пока не достучалась.

Мальвин сиял как солнечный полдень, когда встречал меня в гостиной для свиданий. Одежду он подобрал так тщательно, сложил так аккуратно, что я растрогался. Впрочем, нервы у меня были изрядно натянуты.

Провожать не провожали. Кастле уехал по делам, предупредил об этом заранее, а патологоанатомы знали, что я снова приду к ним в морг, только уже в цивильном платье и через другую дверь, так что и шум устраивать не из-за чего.

Я переоделся, переплёл заново косу и, сопровождаемый непрерывно болтающим птенцом, вышел в большой мир. Он хлынул в меня, разом, заставив затрепетать все нервы, завибрировать кожу, чаще застучать сердце. Я глубоко вдохнул воздух, лишённый привычных запахов неволи, зато до отказа набитый другими, мирными. Мальвин, безусловно угадывая моё смятение, преданно прижался плечом, заглянул в глаза.

— Всё наладится, Элле, вот увидишь.

— В этом нет никаких сомнений.

Моя маленькая машина ждала за углом, но я сел в неё не сразу. От обилия красок и света разбегались глаза, звуки сливались в один ошеломляющий фон, ароматы текли мощным потоком. Вероятно, правильно делают, выпуская вампиров из заточения вечером: дневное буйство жизни после замкнутой тишины свело бы с ума.

Мальвин сел за руль, я никоим образом не претендовал на эту честь, мало того, что нуждался в адаптации, так ещё и уверенности в себе не ощущал. Что я буду делать в театре, если меня там действительно ждут? Погасший, пустой, не умеющий завести публику? Разве что в резонёры сгожусь, для фата я, пожалуй, слишком высок ростом и недостаточно миловиден лицом. Не так и много амплуа для стареющих или вовсе лишённых огонька актёров.

Впрочем, время горевать ушло. Я лишь теперь, когда мы ехали по улицам, осознал, что несчастье закончилось, и что бы не ждало меня впереди, я отныне буду хозяином своих поступков. Жизнь в рамках, когда подконтролен каждый шаг, утомила меня. Я справился, да, но как же устал!

Птенец примолк, лишь поглядывал иногда пытливо, потом спросил:

— Ты ведь не выставишь меня за порог сразу?

— Мы друзья, а это больше, чем мастер и птенец. Я всегда тебе рад.

Он кивнул. Зная о многих моих проблемах, об иных догадываясь, он как видно, отчаянно хотел помочь и в то же время жутко боялся навредить. Уязвить моё самолюбие, например. Нелегко сильному стать слабым, но я подумал, что люди ведь справляются с этим, когда стареют, а мне, я надеялся, лицензию всё же рано или поздно восстановят.

Привыкну. Как только начну работать в качестве свободного существа, получу талоны. Регулярное питание кровью, а не искусственным компотом уже заметно прибавит сил. На первых порах этого будет довольно. Справлюсь. Темперамент угас, так это тоже временно. Не смогу играть роли, где без него — никуда, ничего страшного: моралист — тоже нормальное амплуа, а потом, со временем, вернусь к привычным темам. Главное — продержаться, а этому я усердно обучался в течение последнего года.

Уже стемнело, когда мы подъехали к дому. Загадочно сияли фонари. Приобретая квартиру, район я выбрал за относительную тишину, поэтому вечером тут было

немноголюдно. Я огляделся, узнавая знакомые силуэты домов, густые заросли под окнами. От запахов, которые затопили меня после месяцев воздержания, кружилась голова, я ощущал себя заторможенным, и потому первым забеспокоился птенец.

Он странно мотнул башкой, словно хотел сбросить с неё невидимую тяжесть, фыркнул, засопел. Я посмотрел на него, удивляясь. Оба мы расслабились в добродушной уверенности, что всё плохое осталось позади, и нападение бездарно пропустили.

Организовано оно было, надо признать, грамотно. Рассредоточенные в кустах и за припаркованными машинами молодые мужчины, повыскакивали как на пружинах, резво окружили нас неровным кольцом. В руках сжимал палки, деревянные и железные, в глазах плескалась злость. Явилась на поживу стая, куда более опасная чем та что, спасаясь от мировой скуки, пинала тогда во дворе Мальвина. Те тьякали ещё щенками, эти уже дозрели до зверей.

Пуститься в бегство? Нет, не выход. Иные, держась сзади, прятали руки за спиной, я бы не удивился, найдись у них оружие вроде того, что использовали против меня полицейские, или яд, которым пытался отправить в обитель предков незадачливый Узрум.

Я старался смотреть во все стороны сразу, просчитать тактику их нападения и своей возможной защиты, но Мальвин застыл, словно громом поражённый.

— Лабин, — пробормотал он. — Эрске, ребята, вы что, ребята?

Очевидное потрясение, растерянный лепет моего птенца давали точный ответ на витающий в воздухе вопрос. Его прежняя бригада, с которой он некогда готовился охотиться на вампиров, оборзела за прошедший год и пришла чтобы разобраться как с ним, так и со мной.

Плохо, это получалось совсем плохо. Мне их и пальцем тронуть было нельзя, если не хотел вновь за решётку, да и Мальвин теперь не человеком по земле гулял. Мы попали.

— Вампирские твари, — проговорил один из агрессоров, Лабин, судя по тому, куда был направлен взгляд птенца. — Не будет вам места в нашем городе! И ты актёришка, больше не посмеешь строить из себя героя. Думаешь убьём тебя? Даже не надейся, отправим обратно на нары, там тебе и место — в клетке. Давай, нападай на нас! Ну что щеришься и отступаешь? Мы сами ведь, без сторонней помощи, можем помять бока о твой автомобиль и получить на синяки и ссадины твою ДНК. Поколотим заодно. Не вредно будет! На тебе-то всё заживёт, а на нас — нет. И кто в итоге окажется виноват? Ничего потом не докажешь! Ты — преступник, напавший на благонамеренных граждан.

— Ребята, прекратите, так нельзя! — закричал Мальвин, попытался вылезти вперёд.

Я зарычал на него, задвинул за спину. Инстинкт велел мне защищать птенца, рефлекс проснулись, активно работали вместо затормозившего сознания, а потом я осмыслил ещё одну правильную вещь. Они существовали не только у меня, у Мальвина тоже.

Слушаться мастера. Повиноваться и не возражать, получив приказ.

Я быстро глянул на балкон нашей квартиры. Да, довольно высоко. Пусть потом я упаду и сдохну, но на этот последний всплеск силы меня хватит. Я присел, собирая себя в пружину, подхватил Мальвина и буквально выстрелил им вверх.

Нелепо взмахнув руками, он, тем не менее, успел сгруппироваться и вкатился за ограждение. Он вопил что-то невнятное, но я взревел громче:

— Ни шагу оттуда! Я, мастер, приказываю тебе!

Краем глаза я видел, что уже кинувшегося обратно птенца отбросило от перил. Как хорошо, что он не разорвал эту связь, теперь она его спасёт, он не вяжется стгоряча в драку,

не проломит ничей череп, не попадёт туда, откуда только что выбрался я.

Увидев, на какие подвиги я оказался способен, люди невольно отпрянули, хотя замешательство длилось мгновение, не больше. Те, в задних рядах вытаскивали из-за спин своё оружие, примитивное на вид, но что бы я в этом понимал.

— Прячься! — крикнул я птенцу. — Зови на помощь!

Краем глаза уловил движение, отшатнулся прочь и получил палкой с другой стороны.

Сил у меня не осталось совсем, проворство сдулось. Накрыло так, что тряслись колени. Один удар не свалил с ног, но едва душный воздух рассёк смачный звук, с каким соприкасаются твёрдый предмет и живая плоть, как стая озверело кинулась бить и убивать.

Не знаю, что они там планировали, у людей всё всегда получается не так, мне уже было не до деталей. Дерево и железо терзали моё тело, часть ударов доставалась машине, она тоже испуганно звенела. Я упал, попытался откатиться к раненому боку своего автомобиля, получить хоть какое-то прикрытие, но не сумел. Когда прилетело по черепу реальность взорвалась болью и цветными пятнами.

Я не потерял сознание, хотя соображал плохо. Подставлял под биты и обломки труб голени и предплечья, стараясь собраться в комок, защитить от ударов потроха, хрупкий даже у вампиров позвоночник.

Сначала мне отчасти удавалось обороняться, но потом особенно сильный пинок, развернул на бок, спину обожгло сразу несколько жестоких ударов. Дыхание выбило напрочь, от боли последний свет ушёл из глаз, я попытался вновь собрать себя в защитную позицию, только не сумел.

Трещали кости, регенерация не работала, я перестал чувствовать боль от побоев, потому что та, что уже угнездилась в искалеченном теле, шла через край.

Вот и всё. Я почти умер. Провалиться бы в беспамятную пустоту, но остатками воли я держался за край бытия. Я твердил себе, что ещё живой, и буду сопротивляться до последнего. Я пытался подтянуть ноги к животу, не понимал, получается у меня или нет, дёргался стремясь укрыться, сражался, как мог, а потом сквозь злобную ругань людей прорезался крик. Нет — вой.

Сумятица, завязавшаяся вокруг, дала мне клочок надежды, я снова попытался отползти к машине, которую всё ещё чувствовал рядом, но мне не позволили. Чьи-то руки бережно прижали к асфальту, кто-то шептал, срываясь иногда на стон.

— Тихо, мальчик, лежи тихо. Всё позади, ты только держись!

Сирена. Кажется, это полиция. Меня опять заберут? Я же ничего не сделал. С трудом я разлепил веки, сморгнул кровь. Здоровенный мужик в одной майке и домашних штанах стоял надо мной сжимая дубинку. Я инстинктивно встrepенулся, но почти сразу узнал соседа из нижней квартиры. Он не собирался напасть, а пришёл мне на помощь. Другие люди. Это они прогнали стаю.

— Мастер! — выль наверху птенец.

— Иди ко мне, — прошептал я.

У него хватило ума не прыгать с балкона, а бежать по лестнице. Правильно, слишком молод, кости ещё не дозрели до полной силы, и рисковать не стоит.

Я чуть повернул голову и увидел того, чьи руки так бережно удерживали меня на месте.

— Лорд Арран...

— Прости меня, младший Триэвир, не сердись на старого дурака! Я отвернулся от тебя в трудную минуту, вместо того, чтобы забыть глупые обиды. Никогда себе этого не прощу.

— Я виноват.

— Ссоры и предрассудки не должны становиться между теми, кто ещё помнит, что такое честь! Лежи тихо, помощь сейчас придёт.

Первым примчался Мальвин в одной ладони был зажат телефон, в другой банка с кровью. Он попытался неловко подсунуть мне еду, но испуганно отпрянул: наверное, выглядел я неважно.

— Не трогай его пока, — сказал волк.

В глаза ударил свет фар, рядом тяжело осела на передние колёса резко затормозившая машина. Почему-то я не удивился, когда из неё выскочил Кастле и резво кинулся ко мне, но тоже отшатнулся, разглядев, что со мной сделали человеческие щенки.

Я уже не в силах был оставаться на поверхности разума, инстинкт властно уводил туда, внутрь, в мир, где мало что осталось целым. Я попытался сосредоточиться, хоть как-то запустить восстановление измочаленного тела, только у меня ничего не получалось.

Снаружи бубнили голоса, потом меня бережно коснулись ещё чьи-то руки, но боль, когда перемещали на носилки или куда там, даже не знаю, оказалась так сильна что я застонал, сорвался на крик, а потом всё-таки потерял без того ущербное сознание.

Возвращался я рывками. Сначала опять услышал человеческий гундёж, потом резкие запахи буквально ввинтились в голову, наконец обрушилась боль, которая никуда не делась, ела меня отравой, но я почти сразу понял, что смогу её терпеть.

Я открыл глаза и увидел беспощадную белизну больничной палаты. Лорд Арран, Кастле, ещё какие-то люди стояли рядом, переговаривались или спорили. В стороне мялся Мальвин, он первый понял, что я пришёл в себя и подскочил к кровати.

— Элле!

Теперь остальные обратили на меня внимание, окружили, Кастле сказал:

— Отодвинься, нервный!

Птенец покосился на него, но послушался.

— Чувствовал ведь, что нельзя отпускать без охраны! — вздохнул дознаватель. — Почему не признался, что до такой степени ослабел? Пришлось из парня твоего правду вытряхивать. Он, впрочем, так расписиховался, что сам всё вывалил. С ума ты меня сведёшь, Трэр!

— Меня опять за решётку? — спросил я.

Говорить получалось с трудом. Он поглядел внимательно, покачал головой.

— Нет. Теперь не отвертятся эти ублюдки. Они успели разбежаться, но обронули часть своего оружия, Мальвин знает всех, так что отыскать будет нетрудно. Твои травмы запротоколированы официально, и это внушающий ужас список. Супруга одного из ваших соседей, пока муж бежал тебе на помощь успела заснять происходящее на камеру, так что доказательств у нас множество. Не переживай.

Он, должно быть, хотел ободряюще похлопать меня по плечу, но вовремя спохватился, что тем лишь увеличит число моих увечий, и отдёрнул протянувшуюся руку.

— Поправляйся. Тебя уже кормили немного через трубочку. Горло было разворочено так, что сам бы есть не мог.

Ну теперь оно почти срослось. Я прислушивался к тому, что происходило в моём организме. Там шевелились жалкие клочки энергий, пытаюсь собрать порушенное целое вместе, удавалось пока плохо, ну так и досталось мне изрядно.

Мальвин опять прорвался ко мне с банкой, и я разжал челюсти, понимая, что поесть

смогу. Пить, впрочем, опять пришлось через трубочку, меня боялись шевелить, потому что разбитый позвоночник пока никак не становился на место. Врачи рвались оперировать. Я сказал, что само заживёт и горячо попросил не тратить напрасно мои деньги и их время.

Холодная кровь, подогреть её никто не потрудился, скользнула в желудок, принялась обживать там с законной уверенностью. Будь я в полной силе уже трясла бы бешеная магия регенерации. Впрочем, будь я в силе, смог бы не только птенца выкинуть из опасной зоны, но выскочить из неё сам, хотя... Проблему бы это не решило.

Люди ведь не шутили, угрожая постучать боками о мою машину и обвинить потом в наезде. Не было у меня иного выхода, кроме как позволить себя убивать.

Кастле ушёл ловить злодеев, врачи, лишённые поживы, разочарованно разбрелись. Со мной остались лишь преданный птенец и лорд Арран. Мальвин кормил меня потихоньку, вздыхал и страдальчески морщился, когда я содрогался от очередного приступа боли. Волк просто сидел рядом, но за внятное молчаливое участие я испытывал к нему даже большую благодарность чем за помощь. Это он первый кинулся разгонять озверевшую толпу. Уж вой атакующего оборотня я отличу от городских шумов даже в полудохлом состоянии.

— Спасибо, лорд Арран! — сказал я, улучив момент, когда Мальвин, выпоив всю банку, освободил мой рот от трубки.

Лёгкие работали почти хорошо, если бы не боль при каждом вдохе — вообще замечательно.

— Давай забудем плохое, младший Триэвир, — сказал волк. — Мы оба наделали глупостей, хотя мне пора уже быть умным, а тебе взрослым.

— Я согласен. Все зовут меня Элле.

Он наклонил голову, слегка коснулся пальцами моей щеки и сообщил, что зайдёт позднее. Я был благодарен и за дружеский жест, и особенно за проявленную деликатность. Зрители мне сейчас не требовались. Кровь, усвоившись, начала свою работу. Ключки силы, напитавшись новой сытью, энергичнее взялись за дело, боль теперь уже не просто так, а вполне сосредоточенно и целеустремлённо пошла гулять по нервам. Сначала, как самая важная из повреждённых костей, начал срастаться позвоночник. Меня дёргало и выгибало так, что у бедняги Мальвина глаза сделались совсем круглые, по-детски испуганные, но он преданно сидел рядом, как видно понимая в этом свой долг.

Поскольку переломы рук и ног тоже никуда не делись, доставалось мне со всех сторон, но я терпел и почти не кричал. Срастив спину, я запросил передышку, организм послушно откликнулся согласием. Мальвин достал где-то ещё крови совсем тёплой, свежей, новая доза подбодрила настолько, что я закончил регенерацию.

Боль ушла. Совсем. Не веря великому счастью, я лежал неподвижно, ощущая улыбку на губах и покой в сердце. Я не понимал, насколько важно иметь друзей, когда был силён, как же я оценил поддержку, став слабым. На любой предмет надо научиться смотреть с разных сторон, тогда и ссориться станет не из-за чего.

Отец Мальвина примчался в больницу поздним утром. Я уже мог встать, хотя пока не спешил без нужды шевелиться: регенерация вычерпала ресурс до дна. Птенец дремал в кресле. Старший Гриар кинулся сразу ко мне, как видно, успел выяснить, что его мальчик не пострадал. Моё тело полностью восстановилось, но всклокоченные волосы оскверняли изголовье постели, порванная в грязи и крови одежда осталась той же самой, срезать её с меня не рискнули. Выглядел я неважно, что там говорить. Краше на помойку выкидывают.

Что мне нравилось в этом человеке — он сразу приступал к делу.

— Элле, быть может вы с Микелом поживёте немного у меня? Я понимаю, что вы взрослые и жаждете самостоятельности, но я очень напуган.

— Конечно, я согласен. Разумный выход из положения, спасибо!

Мальчиковую спесь сейчас следовало вымести веником за порог, я так и поступил. Безопасность птенца мне самому не обеспечить, причём не только в силу слабости, если можно так выразиться, но учитывая поражение в правах. Однажды вампиров перестанут бояться, а то и полюбят, но это случится ещё не сегодня.

Отец Мальвина дело в долгий ящик не откладывал, тут же принялся звонить по верхней связи, заказывая одежду в круглосуточной сети, взгляд его настойчиво обшаривал моё тело. Без труда догадавшись о причине затруднений, я назвал нужные размеры. Не для гроба потребовались — уже счастье. Гриар повторил цифры в трубку, энергично кивая на ответные реплики.

— Ты уже как? — спросил он, осторожно садясь на стул. — Транспортировке подлежишь?

— Могу ходить и бегать, — заверил я. — Просто пока отдыхаю. Да не очень и хочу.

— Я тут вам привёз.

Он нырнул в портфель и вытащил две банки крови, роздал нам с Мальвином. Птенец сидел тихо, скромно, изображая закономерное послушание младшего, но глаза его сияли — наверняка радовался, что поживём какое-то время вместе, всей семьёй.

Перекусив ещё раз за эту затянувшуюся ночь, я встал и даже сумел отыскать душ, чтобы смыть то, что само не отшелушилось. Доставленная в больницу одежда пришлась впору, хотя выглядела слишком взрослой на мой вкус. Впрочем, решил я, если пора менять привычки, то почему не сейчас?

Мы отправились домой. Старший Гриар отвёл нам с Мальвином соседние спальни, чтобы моему энергичному подопечному не пришлось далеко бегать, если появится желание утомлять мастера болтовнёй. Впрочем, я к ней притерпелся, она больше не раздражала. Никто не обязан отказываться от невинных привычек, чтобы угодить другому.

Главная новость вообще обошлась без слов. Мальвин, не успел я устроиться в своей комнате, вломился ко мне и, стащив рубашку, гордо продемонстрировал проступившие сквозь прежнюю пухловатость красивые крепкие мускулы. Он сиял от счастья за нас обоих, и я от души похвалил его успехи. Птенец старался. Он и учёбу не запустил, но об этом рассказывал мне во время свиданий. Я ещё подумал, что самому пора серьёзно взяться за книжки, даже если меня не примут в университет. Негоже отставать от моего парня.

Внизу, в гостиной лежала на видном месте стопка тщательно подобранных газет, годичной давности и более свежих. Из них я, шалея от изумления, узнал, что всё это время

был предметом пересудов. Общественность, разделившись на два лагеря, сражалась за меня и против. В тюрьме прессу не давали, и обнаружив, как взволновали меня эти страсти, я понял почему, решил, что обида тут неуместна.

В положенное время я поехал на работу в морг и застал там не выпавшегося, жутко усталого Каastle. Узнав, где я теперь живу, он кивнул одобрительно, тут же велел ни под каким видом не появляться как на квартире, так и в театре. Толпы журналистов вновь жаждут порвать меня на части, следовало дать схлынуть самому мутному потоку ажиотажа, чтобы потом согласиться на осторожное интервью.

— Интерес угаснет, — сказал я с надеждой.

— Не думаю, кампания по борьбе за права вампиров развернулась нешуточная.

Я охотно согласился учесть его мнение.

На работу меня доставляла одна из машин Гриара, а больше я нигде и не бывал. Искать меня в тюрьме и морге газетчики не догадались, так что первый месяц новой жизни прошёл относительно спокойно. Постепенно я в неё втягивался, она мне неподдельно нравилась.

В тот день я задержался на работе и как раз заканчивал с ней, прибирая за собой территорию, когда появился Каastle.

— Так и думал, что ещё застану на месте, усердный ты наш. Вымой руки от своих нестерильных клиентов и идём ко мне в кабинет.

Его хмурость встревожила, я гадал, что такое скверное могло случиться, привычно шагая следом за дознавателем. В его кабинете я прежде не был, обнаружил, что комната выглядит гораздо уютнее тех, где меня допрашивали или разрешали свидания.

— Садись, — предложил он, кивая на одно из неудобных кресел. — Крови нет, только вода, будешь?

— Да если можно, — ответил я, удержав за зубами привычную вампирскую шутку, что кровь есть всегда, когда рядом находится человек.

Себе он набулькал коричневой жидкости вроде остывшего чая на вид и сел не за рабочий стол, а в другое кресло — напротив моего. Тревога не отпускала. К счастью, Каastle не стал томить ожиданием, сразу перешёл к делу:

— Не буду ходить вокруг, да около, скажу, что есть. Я подавал прошение, но получил отказ. Лицензию тебе не вернут ещё минимум год. Потом попытаемся снова.

Я дрогнул лишь внутри, а внешне, надеюсь, не показал своего разочарования. Пустота за грудиной тоскливо ворохнулась.

— Трэр, я ничего не могу сделать, прости.

— Я справлюсь.

Он хлебнул своей жидкости. Пахло резко, но не алкоголем. Похоже было, что серьёзный разговор ещё не начинался. Я насторожённо ждал.

— Мы все тебя поддержим, чем сможем, и общественность уже настроена к вампирам с куда большей благожелательностью, чем прежде. Я думаю до изменений в законах осталось недолго ждать, но я хочу точно знать одну вещь. Мы не говорили на эту тему, а пора. Скажи мне: ты не сорвёшься?

Я не сразу понял и вопросительно поднял бровь.

— Что, прости?

— Выдержишь ты ещё какое-то время без подпитки или в один не самый прекрасный момент кинешься на первого попавшегося человека и высосешь его до дна?

Да, смертные совсем ничего о нас не знали, как часто эта истина открывалась мне за

последний год.

— Фабр, это полная чушь. Люди навывдумывали о нас страшных сказок и растиражировали их в книгах и фильмах, а нас вынудили существовать под гнётом суеверий. Мой голод вполне удовлетворяет сцеженная кровь или даже искусственная. Конечно, приятнее пить её прямо из жилы, но это как деликатесы у людей: вкусно, но необязательно.

— Что тогда даёт убийство?

— Энергию уходящей души. Не знаю, как это назвать на современном языке. Биополе? Меня устраивают и прежние термины. Я не сорвусь потому, что работают не инстинкты, а рассудительность. Не отчаяние, а печаль. Жить без крыльев горько, но это тоже жизнь, я к ней привык. Кроме того, всегда есть надежда.

Он хмуро размышлял, как видно, всё ещё не понимаю сути момента, и я решил объяснить подробно очевидные для меня вещи.

— Фабр, представь, что ты совершил ужасный поступок. Допустим, выхода у тебя нет, ты идёшь против правил, всё шито-крыто, но в душе останется горечь от невольного злодеяния. Это так?

— Верно, — неохотно согласился он.

— И ты в другой раз ужом вывернешься лишь бы не повторять дурное дело и не отравлять душу чувством вины. Так вот, вампиры — точно такие же. Мы избегаем неприятного. Когда кровь прямо из жилы идёт в наше тело, мы видим человека практически насквозь, знаем, чего в нём и сколько, обязательно остановимся, если он добр и праведен.

— Но почему? Разве хорошие люди не вкуснее?

— Нет! По хитрому замыслу мудрой природы, мы способны взять только ту часть души, что не пригодилась самому человеку. От светлого мы получаем мрак, а зачем продлять жизнь скверне, которую победил в себе отважный? Злодей отдаёт нам поправное им добро, и мы несём его дальше вместе с нашим долголетием. Потому палачество не корёжит нашу душу, а бессмысленное убийство — наоборот. Всё происходит правильно.

На этот раз он задумался надолго. Пожалуй, там под неприлично короткой для вампира, но для человека вполне обычной стрижкой тихо оседали, разрушаясь, устои. Я не мешал процессу, попивая воду из высокого стакана и размышляя о своём.

Глядя на Кастле, более не надзирателя, а исключительно друга, я думал, что искреннее расположение к вампиру, которым одаряют его окружающие — тоже энергия. Люди делятся ею с нами по доброй воле, и, если привыкнуть и правильно использовать этот источник, вполне можно выжить какое-то время без убийств. А то и всегда. Нам надо совсем немного, а любовь — такая штука, что её становится лишь больше, когда отдаёшь другому. Разве люди не утверждают, что от этого светлого чувства у них вырастают крылья? Почему нам не попробовать?

Пожертвованная честным расположением часть сути всегда будет светлой. Это правило, и не стоит искать в нём исключений. Мелькнула ещё совсем крамольная мысль. Я предположил, что однажды изобретут приборы или трансляторы, которые смогут подпитывать высших, избавят их начисто от нужды убивать. Люди умны, многое им по силам. Когда-то они ходили пешком, а теперь ездят на автомобилях. Они даже придумали способ летать, не имея природных данных, они всё смогут, если захотят взяться.

— Как сложно на проверку, — пожаловался Кастле. — Мир был гораздо понятнее ещё год назад. Теперь получается, что вампиры посланы другим народам исключительно во благо, чтобы иссекать поражённые ткани нашего общего организма, оставляя нетронутыми

здоровые.

— Как говорят медики: всё яд и всё лекарство, тем или иным делает лишь доза. Нас, высших вампиров, очень мало, стоит иногда принять во внимание, что мы способны принести пользу, если обращаться с нами правильно.

— Ну до этой светлой мысли человечеству придётся ещё додуматься, а сейчас давай по домам. Устал я что-то. Тебя подбросить?

— Окажи такую любезность. Если не трудно.

Мы плечом к плечу мирно спустились к машине. Легко понять другого, если хочешь этого и понимаешь себя сам.

Чтобы Кастле не делать крюк я попросил его высадить меня на главной улице, дальше пошёл пешком. В царстве богатых особняков сгустилась вечерняя тишина, утверждая благопристойный уют. Однажды такой вот покой едва не стоил мне жизни, но я надеялся, что безумие не повторится.

Когда же обогнул живую изгородь маленькой площади и увидел тощую фигуру, прилипшую задом к барьеру, отделявшему проезжую часть от прохожей, оскудевшую без подпитки душу сжала тоска.

Узрум. Ему-то что надо? Опять затеял совершить зло? Здесь вряд ли кто придёт мне на помощь, каждый живёт в своём хорошо огороженном мире. Я невольно замедлил шаги, выискивая другие угрозы. У противоположного тротуара стоял автомобиль, но слишком далеко, за кустами никто не прятался, за ближайшим забором — тоже. Я остановился поодаль, приглядываясь к напряжённой фигуре. Пальцы, сжимавшие брус барьера, побелели от напряжения.

Зачем бы он ни пришёл, страшно ему было не на шутку.

— Чем обязан? — спросил я осторожно.

— Ты был у Ланики?

— Ездил. Мы поговорили. Если ты имеешь в виду мои матримониальные планы в отношении неё, то им не суждено сбыться. Она меня не любит, и надеяться дальше я не вижу смысла. Напоминать ей о своих чувствах — значит причинять боль. Думаю, она охотно увидела бы меня в роли друга, брата, но боится, что теперь такой союз будет выглядеть мучительным и неестественным. Я достаточно обстоятельно ответил на твой вопрос?

Он выдохнул воздух и перестал сверлить меня лихорадочным взором.

— Ты собираешься мне мстить?

— Что за вздор, Узрум? Всё давно в прошлом, и, возвращаясь к главной теме, хочу сказать, что Ланике переварить всё случившееся непросто, простить тебя — тоже, но это ведь не приговор. Возможно, она всё ещё тебя любит.

— Любит? — спросил он с совершенно детской надеждой в голосе.

— Это вам двоим решать, а не мне. Строй отношения заново, сам задай нужные вопросы. Черет, лишь от тебя зависит, как у вас сложится, что и когда. Ты всё погубил, не она. Захочешь измениться — получишь надежду. По крайней мере проси о ней открыто и честно, а не лелей тёмные замыслы в углу.

Он хмуро сник, а я решил договорить уже всё до конца, чтобы не возвращаться больше к этой теме.

— Тебе пришлось разрываться между любимой женщиной и семьёй. Это страшный выбор, я слишком хорошо понимаю, в какие ты угодил обстоятельства, чтобы теперь, когда всё завершилось, таить остатки зла.

— Когда я подбивал тебя спасти Ланику, я ещё не знал, что это отец...

— Понимаю. Всё произошло внезапно, ты просто не успел придумать другой план, — пробормотал я, совершенно не желая ссориться.

— Я не умею извиняться, — сердито буркнул он, угадав, как будто, моё намерение.

— Да мне и не нужно. Иди куда шёл. Я не собираюсь тебе мстить, но и спину подставлять — тоже.

На этот раз он усмехнулся вполне по-человечески.

— Тебе ведь не вернули лицензию, вампир? Твои друзья не так составляли прошение. Когда оно исходит от черета, результат будет совсем иным.

Он положил на барьер белый прямоугольник.

— Вот карточка, пойдёшь по этому адресу, там уже всё готово, только подпишешь нужные бумаги. Процедура получится чуть длиннее обычной, ну да ты знаешь, — помолчал и добавил. — И да, меня там не будет.

Сухо кивнув он развернулся и пошёл прочь, напряжённый, но вполне умеренно. Когда он сел в свою машину и уехал, я подобрал визитку, сунул в карман. Вот и с совсем неожиданной стороны я получил тёплую энергию добра. Как в мире всё странно. Сколь много мне ещё предстоит узнать.

Мальвин и его отец наверняка тревожились, я быстро дошёл до нужного дома, поднялся по ступеням крыльца. Меня ждали, птенец кинулся навстречу, вываливая на бегу кучу дневных новостей. Гриар наблюдал за нами с дружелюбной улыбкой. Принять вампиром единственного сына — это требует немало мужества, он справился. Я всё больше привязывался к ним обоим, зато теперь понимал, что формула мастер-птенец не единственно возможная для тех, кто испытывает потребность в общении. Можно оставаться друзьями.

— Да, тебе же письмо! — воскликнул Мальвин.

Переехав к Гриарам, я оставил на почте распоряжение пересылать сюда корреспонденцию, хотя не рассчитывал её получать. Родители мне не писали, иногда только звонили, братья — тоже.

Почему я подумал о вампирах? Да только от одного из наших мог прийти этот конверт характерного чуть золотистого оттенка. Очередная тревожная неизвестность? Ну сколько их ещё рухнет на мою бедную голову?

Если это вызов — то я попал. Мне только поединка не хватало для полноты впечатлений. Впрочем, кого я мог так основательно разозлить, находясь в изолированной от мира клетке тюрьмы? Маловероятно.

— Я к себе поднимусь, — сказал отцу и сыну, торопливо взбежал наверх.

Лучше вскрыть письмо без свидетелей, кто знает, какая внутри гадость? Не стоит расстраивать людей, если я не сумею сохранить хладнокровие. Я взял пакет, как он лежал на подносе: лицевой стороной вниз и теперь замер, стоя посреди комнаты, не отваживаясь перевернуть, а потом рассердился на себя и решил, что никто теперь не сможет меня запугать. Когда Кастле спросил, справлюсь ли я с ожиданием жертвы, я же ответил ему, что теперь совладаю со всем. Вот и нечего праздновать труса.

Я перевернул послание и уставился на печать дома Авелинов, одного из самых родовитых и уважаемых вампирских семейств, но не этот контурный оттиск, каким мы пользуемся для писем и документов, привлёк основное внимание, а нарисованные от руки с невероятным изяществом и тщанием две цветущие ветви. Абсолютно одинаковые до каждого

лепестка-листочка.

Брачное предложение. Равному от равной. Я смотрел на этот хорошо известный каждому вампиру знак и не мог прийти в себя от изумления и восторга. Авелины желают союза, они обратились не к родителям, а прямо ко мне, признавая полностью самостоятельным, взрослым. Большой чести желать нельзя.

В голове образовался вихрь соображений, в душе — буря надежд. А вдруг я уже понравился будущей подруге? Она ведь могла увидеть меня в фильмах или на сцене. От одной мысли сердце чуть не выпрыгнуло из груди, и, несмотря на присущую мне теперь слабость, захотелось пробежаться по стенам, сшибая картины. Да я упал бы, не удержался, но какое это сейчас имело значение?

Ничуть я не взрослый если готов повести себя так бессмысленно и буйно, да и плевать. Я такой, какой есть. Мне предложили брак, и я безмерно рад, проявленному знаменитой семьёй доверию. Да, никто не гарантирует удачу будущего союза, он может вовсе не сложиться, если, познакомившись ближе, мы не понравимся друг другу, но я согласен знать не наверняка. Только создавая счастье своими усилиями подлинно его обретаешь. Каждому нужно лишь дать шанс, остальное он достроит сам.

Затаив дыхание, я распечатал письмо, твёрдо намереваясь отдать всю любовь той женщине, что уже пообещала мне свою.

Больше книг на сайте - Knigoed.net